

Цитаты номера

Неправительственные организации (НПО) играли и продолжают играть важную роль в становлении гражданского общества в России [...]. Ряд из них осуществляет достаточно детальный анализ угроз и вызовов безопасности современного мира. Их выводы учитываются при выработке оборонной политики России. Взаимодействие государственных органов с такими НПО может помочь в понимании сути и механизмов угроз, в поиске эффективных путей противодействия им. Как говорят, одна голова хорошо, а две – лучше.

Очевидно, что система контроля над вооружениями в последние годы переживает сложную эволюцию. Но безусловно и то, что и до, и после наступивших перемен она, эта система, продолжает играть значительную роль в качестве важного сдерживающего фактора в целях недопущения использования ОМУ, как и фактора, способствующего некоторому ограничению и сокращению таких вооружений [...]. В нынешних условиях российская внешняя политика с учетом ее возрастающих реальных возможностей могла бы играть более инициативную роль в поисках путей поддержания и развития международного режима контроля над вооружениями.

При всей своей разрекламированности политика США фактически не затрагивает интересов безопасности подавляющего количества населения Центральной Азии (ЦА). По мнению ведущих американских аналитиков, стратегический подход Вашингтона к ЦА носит узкий и достаточно эгоистический характер, и в нем мало учитываются реалии взаимосвязей стран региона между собой, со своими соседями, с близлежащими регионами, такими, как Кавказ, Южная Азия, Иран, Турция и др. При этом большинство из этих экспертов тщательно обходят упоминанием Россию и сложившиеся в ЦА механизмы сотрудничества во всех областях, включая обеспечение безопасности.

В годы ирано-иракской войны использовалось несколько схем для нелегальных поставок оружия в Иран из Европы. Так, например, шведская компания *Nobel Chemie* грузила порох в порту Варберг на немецкое судно «Фрауке», зафрахтованное датской компанией, которое по пути заходило в западно-германский порт Норденхам и бельгийский Зебрюгге для дозагрузки. Для того, чтобы датской компании избежать досмотра судна египетскими властями при пересечении Суэцкого канала, делался фальшивый документ о том, что конечным получателем груза является Кения.

Виктор Заварзин

Роланд Тимербаев

Геннадий Евстафьев

Антон Хлопков,
Екатерина Сорока

Международная
безопасность

Нераспространение
оружия массового
уничтожения

Контроль над
вооружениями

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 1, 2006

Журнал ПИР-Центра политических исследований

Николай Спасский

**ДОЛГОСРОЧНЫЕ И ГЛУБОЧАЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ БАЛАНСЕ СИЛ –
ВОТ САМЫЙ СЕРЬЕЗНЫЙ ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ**

Виктор Заварзин

**ВОЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ РОССИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ БУДЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ
СТАБИЛИЗАЦИИ РЕГИОНА**

Роланд Тимербаев

**ЭВОЛЮЦИЯ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Азер Мурсалиев

**РОССИЯ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПОТОКИ
НА ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ**

Антон Хлопков,
Екатерина Сорока

**«НЕЛЕГАЛЬНЫЕ СЕТИ» ТЕГЕРАНА:
УРОКИ ИСТОРИИ**

**Международная
безопасность**

**Нераспространение
оружия массового
уничтожения**

**Контроль над
вооружениями**

Non multa, sed multum

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**№ 1 (79), Том 12
Весна 2006**

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Михаил В. Якушев

ISSN 1026-9878

PIR CENTER

Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР

Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Учредитель

ПИР-Центр политических исследований:

Екатерина А. Вотановская, координатор образовательных проектов
Владимир Э. Дворкин, генерал-майор, консультант
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Даниил О. Кобяков, научный сотрудник, координатор проекта «Глобальное партнерство»
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Программы по обычным вооружениям
Кристина В. Лужнова, секретарь
Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам
Анастасия М. Лагута, координатор Программы по обычным вооружениям
Надежда Б. Логутова, директор информационных проектов, научный сотрудник
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Надежда В. Медведева, помощник директора Центра
Сергей Г. Мурсанков, заместитель директора Центра по развитию и внешним связям
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Сергей В. Понамарев, стажер
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению
Екатерина Е. Сорока, координатор по связям с общественностью – пресс-секретарь директора Центра
Роланд М. Тиммербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра
Кристина Чуен, консультант
Александр Шмидке, стажер
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

Издатель

ООО «Триалог»

№ 1 (79), Том 12
Весна 2006

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Антон В. Хлопков, вр.и.о. выпускающего редактора
[khlopkov@pircenter.org]
Надежда Б. Логутова, корреспондент
[logutova@pircenter.org]
Даниил О. Кобяков, корреспондент
[kobyakov@pircenter.org]
Юлия Ю. Таранова, технический редактор
Наталья С. Маркарова, литературный редактор
Маргарита М. Крючкова, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 11/13, стр. 1, офис 025
Редакция *Ядерного Контроля*
Телефон редакции:
+7-495-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-495-234-9558

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yk.html>

Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/eng/publications/print/yc.html>

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Фонда Форда, Корпорации Карнеги Нью-Йорка

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 27 марта 2006 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2006

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- 9 **Новые грани атомной энергетики в свете председательства России в «Большой восьмерке»** – Выбор вопроса энергетической безопасности в качестве одной из центральных тем саммита «восьмерки» уже привел к появлению весьма перспективных и значимых российских предложений, многие из которых лежат в области атомной энергетики, обретающей второе дыхание. С солидной международной инициативой, которая имеет цель способствовать распространению атомной энергетики в мире посредством концентрации полного ядерного топливного цикла в некоторых странах, т.н. «консорциуме стран», выступили США. В рабочем порядке озвучены интересные наработки итальянцев и канадцев, что подчеркивает оправданность подходов России к повестке дня саммита «восьмерки» в Санкт-Петербурге.

ИНТЕРВЬЮ

- 13 **Николай Спасский: «Долгосрочные и глубочайшие изменения в мировом политическом балансе сил – вот самый серьезный вызов национальной безопасности на сегодняшний день»** – В интервью корреспонденту журнала Екатерине Рыковановой заместитель секретаря Совета безопасности РФ Н.Н. Спасский представляет свой взгляд на возможные варианты развития политических процессов в мире в течение ближайших десятилетий, рассказывает о внешнеполитических приоритетах Российской Федерации, уделяя особое внимание непростым взаимоотношениям России и Евросоюза. По мнению посла Спасского, политика России в отношении Евросоюза находится на распутье – имеются различные варианты ее дальнейшего развития, но окончательный выбор в пользу одного из них пока не сделан.
- 21 **Виктор Заварзин: «Военное присутствие России в Центральной Азии будет способствовать стабилизации региона»** – Регион Центральной Азии сегодня является одним из наиболее проблемных на постсоветском пространстве. Со-

храняется вызов правительствам центральноазиатских государств со стороны местных исламских кругов. С территории южных соседей региона существует угроза наращивания сил международного терроризма и наркобизнеса. В интервью корреспонденту журнала Сергею Мурсанкову председатель Комитета по обороне Государственной Думы ФС РФ В.М. Заварзин высказывает мнение, что «военное присутствие РФ в регионе и его наращивание, особенно в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), способствовало бы стабилизации в Центральной Азии».

А Н А Л И З

- 29 **Эволюция контроля над вооружениями: современные тенденции – Роланд Тимербаев** – Контроль над вооружениями никогда не был и по определению не может быть застывшим понятием, его характер и содержание постоянно эволюционируют сообразно складывающейся политической и стратегической обстановке, исчезновению прежних и появлению новых полюсов военной силы. Вместе с тем наблюдается замедление процесса подпитки режима контроля над вооружениями новыми коллективными действиями как на двухстороннем, так и на многостороннем уровне. Автор работы, исследуя современные тенденции в области контроля над вооружениями, приходит к заключению, что российская внешняя политика с учетом возрастания ее реальных возможностей могла бы играть более инициативную роль в поисках путей поддержания и развития международного режима контроля над вооружениями.
- 45 **Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии – Геннадий Евстафьев** – В ряде стран, и прежде всего в США, до сих пор так и не сложилось единообразного представления о границах Центральной Азии. В этой связи возникают многочисленные новые географические понятия, такие, как Большая Центральная Азия и Транскаспийское пространство, за которыми стоят различные идеи построения системы безопасности в регионе. Автор, анализируя инициативы США в регионе, задается вопросом: не стоит ли американским и западноевропейским стратегам вместо того, чтобы строить планы создания в Центральной Азии параллельных структур в сфере безопасности, войти в сотрудничество с уже действующими механизмами общерегионального плана, такими, как Шанхайская организация сотрудничества и Организация Договора о коллективной безопасности?
- 59 **Перспективы заключения Договора о создании в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия – Нурия Кутнаева** – На протяжении 10 лет с высоких трибун Генеральной Ассамблеи ООН лидеры Центральной Азии заявляют о решимости создать зону, свободную от ядерного оружия (ЗСЯО). Однако, несмотря на поддержку инициативы со стороны всех государств региона и наличие согласованного текста, Договор о создании зоны до сих пор не подписан. Что стоит за инициативой государств региона, в чем за-

ключается специфика ЗСЯО в Центральной Азии, что мешает практической реализации инициативы, а самое главное, каковы перспективы Договора о создании ЗСЯО в данном регионе – на эти и другие вопросы дает ответы автор статьи.

- 75 **Россия и Пакистан имеют общие интересы – Андрей Алексеев** – Рассматривая историю взаимодействия с Исламабадом в торгово-экономической и военно-технической областях, а также принимая во внимание неопределенные перспективы российских компаний на индийском рынке, автор делает вывод о необходимости восстановления сотрудничества России с Пакистаном в указанных областях. По его мнению, развитие практических контактов между Россией и Пакистаном в сфере ВТС и экономической области, а также при определенных условиях в ядерной сфере окажет позитивное влияние на уменьшение антироссийских настроений внутри Пакистана и при этом, скорее всего, не испортит отношений с Дели.
- 87 **Перспективы реализации многосторонних подходов к ядерному топливному циклу – Надежда Логутова** – Насколько реализуемы многосторонние подходы к ядерному топливному циклу, которые рассматриваются как один из перспективных методов контроля над распространением чувствительных ядерных технологий? Автор проводит анализ практической реализации различных вариантов многосторонних подходов в ядерной области (МПЯО), уделяя основное внимание вопросам создания международного банка ядерного топлива и возможности создания многостороннего консорциума в области обогащения. На основе проведенного анализа даются практические рекомендации в отношении возможной позиции Российской Федерации по этим и другим МПЯО.

П О Л Е М И К А

- 105 **Исходит ли угроза ОМУ-терроризма с Северного Кавказа? – Елена Арбекова, Андрей Фролов** – В последние несколько лет трудно избавиться от ощущения, что руководство ряда стран пытается «убедить» свое население, будто теракты с применением ОМУ – неотвратимая неизбежность. Тезис этот справедлив и для России – достаточно вспомнить недавние заявления высокопоставленных представителей Совета безопасности РФ, ФСБ России или МИД РФ. Насколько реальной является угроза ОМУ-терроризма, исходящая из региона Северного Кавказа, наиболее «проблемного» на территории Российской Федерации, что делается властями для того, чтобы снизить реалистичность сценария акта супертерроризма в России? Авторы предлагают свои ответы на эти и другие вопросы, связанные с угрозой ОМУ-терроризма.
- 117 **Особый статус Тайваня в режиме нераспространения. Пример для «серых зон»? – Сергей Понамарев** – В условиях трансформации глобальной системы безопасности на карте мира появляется все большее количество так называемых «серых зон», т.е. квазигосударственных образований,

претендующих на обретение независимости, суверенитета и международного признания *de jure*. Поэтому неизбежно напрашивается вопрос об уже существующих моделях «вовлечения» таких взрывоопасных «серых зон» в общемировую глобальную структуру международных отношений. Автор статьи полемизирует на тему, можно ли рассматривать Тайвань, который в той или иной форме является членом ряда международных организаций и режимов, включая АТЭС, ВТО, МАГАТЭ, в качестве «модели» такого «вовлечения».

КОММЕНТАРИЙ

- 125 **Россия и энергетические потоки на евразийском континенте – Азер Мурсалиев** – Казалось бы, что объединяет такие разные события, как провал очередного совещания Совета министров иностранных дел ОБСЕ, поставки Россией зенитных систем *ТОР* в Иран и стремительный рост цен на золото на мировом рынке? Все они являются следствием борьбы за управление энергетическими потоками на евразийском континенте, центральным элементом которой является Исламская Республика Иран. По мнению автора, основные события в рамках этой борьбы будут развиваться в треугольнике США–ШОС–Иран, а Иран – та самая гирька, от которой зависит, какая чаша перевесит и следовательно, кто одержит верх в этой борьбе.

ОБЗОР

- 129 **Технические аспекты ядерной программы КНДР – Юрий Юдин** – При отсутствии источников информации внутри КНДР разведывательные службы, оценивая возможности страны в области создания ядерного оружия, вынуждены в основном опираться на национальные технические средства разведки и на информацию, полученную от перебежчиков. Однако технические средства разведки требуют правильной интерпретации, и они не всегда могут предоставить полную картину событий. Перебежчики нередко намеренно или невольно предоставляют искаженную информацию. Да и сами эти оценки меняются со временем или в зависимости от страны, где их делают. Автор, анализируя информацию из открытых источников, предлагает свои количественные оценки возможностей КНДР по созданию ядерного оружия.
- 143 **Программа возврата топлива исследовательских реакторов советского производства: время «собирать камни» – Даниил Кобяков, Сергей Панов** – Россия и США прилагают совместные усилия по сокращению в мире запасов ядерных материалов, пригодных для создания ядерного оружия. В частности, в рамках программы по вывозу высокообогащенного урана (ВОУ) с исследовательских реакторов советского производства на территорию России уже доставлено более 120 кг ВОУ из 7 стран мира, который, по оценкам некоторых экспертов, мог быть использован для создания до 10 ядерных боезарядов. Авторы рассматривают дальнейшие шаги стран в рамках реализа-

ции программы, а также анализируют проблемы, с которыми сталкиваются Россия и США при ее осуществлении.

- 157 **О проблемах контроля над легким и стрелковым оружием в России – Вадим Козюлин, Анастасия Лагута** – Согласно официальным данным, в середине 2005 г. в розыске в России находилось 140 тыс. единиц нелегального оружия, а всего в незаконном обороте, по некоторым оценкам, в 2–3 раза больше. Помимо этого, в 2003 г. также «в отработке» находилось около 20 тыс. единиц газового оружия, переделанного под боевые патроны. Каковы источники «происхождения» нелегального оружия в России? Какие меры принимаются государством для предотвращения проникновения оружия в российские города из горячих точек России и со складов Министерства обороны РФ? Какие шаги предпринимаются для сокращения количества «стволов», находящихся в нелегальном обороте? Эти и другие вопросы поднимают авторы статьи в своей работе.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 169 **«Нелегальные сети» Тегерана: уроки истории – Антон Хлопков, Екатерина Сорока** – Шведские зенитно-ракетные комплексы и французское оружие, бельгийские детонаторы и английские запчасти для танков, швейцарские «гражданские» самолеты – это лишь неполный список поставок вооружений в Иран в годы ирано-иракской войны, осуществлявшиеся европейскими компаниями в обход национальных законодательств своих стран. Авторы вспоминают события середины 1980-х гг. и рассматривают многочисленные «схемы» поставок военных материалов из Швеции, в которые были вовлечены компании и физические лица из Бельгии, Германии, Дании, Италии, Кении и Франции.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 179 **Политика безопасности, международные отношения и современные технологии: необходима ликвидация разрыва в сфере образования – Александр Савельев**
- 183 **Книжные новинки – Анастасия Лагута, Даниил Кобяков, Надежда Логутова** – Обзор самых интересных книжных новинок, поступивших в библиотеку ПИР-Центра.

S U M M A R Y

О Б А В Т О Р А Х

ЭКСПЕРТНО - КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

П Р О Е К Т Ы П И Р - Ц Е Н Т Р А

Вышел в свет доклад ПИР-Центра

«РОССИЯНЕ ОБ УГРОЗАХ, СВЯЗАННЫХ С ОРУЖИЕМ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ» ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

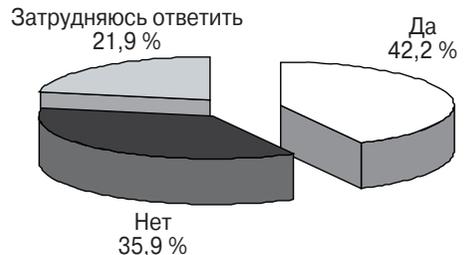
Представляемый доклад продолжает добрую традицию изучения российского общественного мнения в Центре политических исследований в России (ПИР-Центре), начатую аналитическим докладом «Россияне о ядерном оружии и ядерных угрозах» в 2000 г. Вместе с тем в настоящем докладе, в сравнении с исследованием 2000 г., представлен анализ по более широкому кругу вопросов, затрагивающих восприятие россиянами угроз, связанных с оружием массового уничтожения, а также проблем международного сотрудничества России, особенно с другими государствами, входящими в «Большую восьмерку».

Представляет ли угрозу национальным интересам России появление ядерного оружия у Ирана? Следует ли России более активно включаться в процесс международной кооперации по борьбе с инфекционными заболеваниями? Какие страны представляют для России угрозу, связанную с использованием оружия массового уничтожения? На эти и другие вопросы отвечали россияне по всей стране. Всего на основе репрезентативной выборки были опрошены 1600 респондентов, которым было предложено ответить на 18 вопросов.

Все вопросы социологического исследования объединены в три группы:

- роль ядерного оружия в обеспечении безопасности России;
- возможность войны и террористических актов с применением ОМУ;
- международное сотрудничество и проблемы нераспространения ОМУ.

Представляет ли угрозу национальным интересам России появление ядерного оружия у Ирана?

Описание каждого из вопросов, включенных в опрос, включает распределение ответов в зависимости от политических симпатий респондентов и от их основных социально-демографических характеристик (пол, возраст, уровень образования, социальный статус, материальное положение, тип места жительства, федеральный округ проживания).

Автор аналитических комментариев к результатам социологического опроса – член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, доцент МГИМО И.А. **Ахтамзян**.

По вопросам приобретения доклада на русском и английском языках следует обращаться в компанию

East View по тел.: +7-495-777-6557, факсу: +7-495-318-0881,

электронной почте: agadjanian@mosinfo.ru

<http://www.eastview.com>

Общие разговоры закончились. Россия приступила к конкретной работе по организации и проведению саммита «восьмерки» в Санкт-Петербурге. Что бы ни говорили зарубежные и доморощенные критики о предложенной Россией повестке дня саммита, она принята другими участниками встречи. Достаточно привести заявление заместителя госсекретаря США Д. Фрида о том, что США «привержены поддержке России в продвижении предложенной ею повестки дня, касающейся энергетической безопасности, инфекционных заболеваний и образования, а также таких продолжающихся приоритетов «восьмерки», как нераспространение и контртерроризм», чтобы опровергнуть всю надуманность высказываний о «неудачном выборе» Россией тем для повестки дня. Да, на данный момент мы не являемся членами финансового механизма «восьмерки», но по своему реальному влиянию на глобальные экономические процессы Россия на обозримую перспективу играет более важную роль, чем некоторые другие страны, входящие в этот клуб. Мы далеки от мысли о том, что после заявления в Москве министров финансов стран «восьмерки» выпады «черного пиара» против встречи в Санкт-Петербурге закончатся, но теперь поставлены настолько серьезные задачи, что обращать внимание на «вбрасывания» открытых недоброжелателей Москвы будет контрпродуктивной тратой драгоценного времени. Караван уже двинулся в путь.

Актуальность российского подхода вызвана тем, что, пожалуй, впервые с 1973 г. в мире происходит крупнейшая перестройка энергетического рынка и вырабатываются новые правила игры, особенно в сфере атомной энергетики. Эти новые правила игры имеют несколько граней. Прежде всего они устанавливают некое новое соотношение между ролью углеводородного сырья и мирным атомом. Во-вторых, они определяют современные подходы к целям и задачам нераспространения ядерного оружия на современном этапе, характеризующемся явным кризисом некоторых традиционных механизмов обеспечения сбалансированного учета национальных интересов всех участников международных договоренностей. В-третьих, возникла практическая необходимость в новых подходах к коммерческому аспекту, прежде всего в атомной энергетике, которые гарантировали бы равный доступ всех стран, соблюдающих правила игры, к преимуществам передовых технологий.

Выбор вопроса энергетической безопасности в качестве одной из центральных тем саммита «восьмерки» уже привел к появлению весьма перспективных и значимых предложений, направленных на преодоление существующих на глобальном уровне трудностей в обеспечении энергетической безопасности и, как результат, предполагающих оздоровление международных отношений. Прежде всего хочется отметить предложение президента России В.В. Путина о создании международных центров по обогащению урана, что является своевременным и далекоидущим международным проектом, в том числе и с точки зрения интересов нераспространения ядерного оружия, поскольку атомная энергетика обретает «второе дыхание». Конечно, указанное предложение нуждается

ся в детализации, но к нему уже проявлен большой интерес со стороны многих стран, развивающих собственную атомную энергетику, – они сразу увидели в нем большой потенциал для международного сотрудничества на равноправной и безопасной основе. Тот факт, что, по мнению России, весь процесс обогащения должен проходить под контролем Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), еще раз показал приверженность Москвы сотрудничеству с международными специализированными органами и взаимодействию с самыми широкими слоями международных сил, выступающих за нераспространение ядерного оружия и за доступ развивающихся стран к достижениям передовой технологии. По существу, российское предложение – это одна из первых и обнадеживающих попыток совместно сформулировать новые правила игры на будущее накануне нового крупного витка научно-технической революции. В мире увидели, что реализация российского предложения открывает, в частности, справедливый и реальный путь к преодолению крайне опасной ситуации, сложившейся вокруг иранской ядерной программы. Договорное принятие этого предложения всеми сторонами, втянутыми в этот конфликт, позволило бы на обозримое будущее удалить одну из болевых точек международного процесса в регионе, который после войны в Ираке продолжает оставаться «пороховой бочкой». Во всяком случае, директор Московского центра Карнеги Р. Геттемюллер считает, что «сейчас у России лучшие шансы разрешить кризис, чем у какой-либо другой страны». И, похоже, она знает, о чем говорит. Действительно, будет крайне несправедливым, если во время председательства России в «восьмерке» по отношению к Ирану развернутся какие-то мероприятия, связанные с санкциями, или, более того, силовые акции. Все еще есть хорошие шансы оставить проблему иранской ядерной программы в рамках МАГАТЭ.

Кроме российских, выдвинуты и другие крупные идеи, что дополнительно подчеркивает оправданность подходов Москвы к повестке дня саммита «восьмерки». С солидной международной инициативой выступили США – их инициатива предлагает способствовать распространению ядерной энергии в мире посредством концентрации полного ядерного топливного цикла в некоторых странах (т.н. Консорциум стран). В этом плане американцы пытаются также сформулировать набор разнообразных мер по созданию усовершенствованных реакторов и технологий для переработки отработавшего ядерного топлива (ОЯТ), а также предлагают разработку юридически обязывающих рамок отношений между странами-поставщиками и странами-получателями. Эта американская инициатива позже наверняка будет должным образом детализирована и представлена мировому сообществу. Известно, что США в последние десятилетия снизили активность в строительстве новых атомных станций и теперь планируют наверстать упущенное путем строительства многих десятков энергетических блоков новых поколений, соответственно Вашингтон, безусловно, волнуют вопросы достаточного снабжения их топливом и организации его глобального оборота. Кроме американских в рабочем порядке озвучены интересные наработки итальянцев и канадцев.

Но главное, чего, на наш взгляд, нельзя допустить при выработке новых глобальных «правил игры» в ядерной энергетике, – монополизации этих правил какой-то одной мощной группой. Следует предотвратить возможность произвольной смены правил в зависимости от интересов такой группы на том или ином этапе. Ядерная энергетика – это уникальное и сложное явление, в котором сплелись воедино политические, военные, технологические и коммерческие аспекты. Это должно учитываться. Попытки перевести проблему в чисто коммерческую ипостась вряд ли могут быть оправданы и в конечном итоге приведут к постепенному «затуханию» роли МАГАТЭ как инструмента международного политического сотрудничества, «омертвлению» ДНЯО и т.п. Мировому сообществу не нужна перспектива «пожарного» возникновения десятков спецкомиссий по типу печально прославившейся Спецкомиссии СБ ООН по Ираку.

Всем понятно, что мировая энергетическая безопасность, особенно на данном этапе, обеспечивается пока не столько ядерной энергией, сколько бесперебойными поставками углеводородного сырья. Это будет продолжаться не бесконечно долго – по большому счету, запасы углеводородного сырья подходят к концу. Ситуация на международном рынке углеводородного сырья уже напряжена до предела, и в немалой степени по той причине (по оценке некоторых американских экспертов), что война в Ираке серьезно по-

дорвала всю систему нефтяного бизнеса на Ближнем Востоке. В этих условиях заметно выросла роль России, которая, имея гигантский энергетический потенциал, продемонстрировала свою готовность в наступающий критический момент поставить этот потенциал на службу мировой энергетической безопасности, т.е. в определенной степени показала готовность пожертвовать своими запасами, поделиться ими с другими, естественно, по должным ценам. До тех пор, пока мировое сообщество найдет соответствующие технологические решения и согласует новые правила использования ядерной энергии как эффективной замены углеводородному сырью, Россия есть и будет одной из реперных точек мировой стабильности. Именно российское председательство в «восьмерке» дало толчок системному, на разных уровнях, обсуждению вопросов энергоэффективности и энергетической безопасности. И ни один добросовестный и разумный политический деятель не будет внимать злопыхательским выкрикам традиционно антироссийских кругов, которые готовы по-крупному навредить всему человечеству, лишь бы сделать мелкую гадость Москве. Однако мы вправе рассчитывать на то, что, проводя свою международную энергетическую политику, наше правительство ни при каких обстоятельствах не будет забывать, что наши энергетические запасы – это запасы, принадлежащие не только нынешнему поколению россиян, но и всем будущим поколениям нашей страны.

Весомость российской повестки дня Санкт-Петербургской встречи «восьмерки» не ограничивается только вопросами энергетической безопасности, она развивает и те темы, которые стали традиционными для встреч на этом уровне – противодействие международному терроризму, в том числе ядерному, и предотвращение распространения оружия массового уничтожения. Принятие Госдумой РФ нового документа по борьбе с терроризмом и выстраивание впервые четкой линии ответственности за эту работу среди российских госструктур – это уже конкретный внутривластный результат от начавшегося председательства России в «восьмерке». Специалисты многого ожидают от того, какой настрой зададут российские эксперты при обсуждении проекта заявления «восьмерки» по вопросам нераспространения ОМУ. Не секрет, что после неудачи шестой Обзорной конференции ДНЯО в мае 2005 г. в Нью-Йорке продуктивное и равноправное международное сотрудничество по нераспространению остро нуждается в свежем и объединяющем всех импульсе, и именно Россия может предложить новые идеи.

Таким образом, во многих отношениях председательство России в «восьмерке» во внешнеполитической сфере позволит более четко сформулировать наши подходы к ключевым международным проблемам, объяснить их нашим партнерам, и это заложит ряд приоритетов российской внешней политики на последующие годы.

Но дело не исчерпывается только внешнеполитической сферой. Абсолютно прав российский шерпа — помощник президента России И.И. Шувалов, говоря о том, что «для нашей внутренней политики заявленная повестка дня будет иметь огромное значение, поскольку по всем этим направлениям мы ведем работу у нас, в России, образование и здравоохранение – в числе национальных проектов. При определении повестки дня президент России исходил из того, что обсуждение должно привести к решению той или иной проблемы или хотя бы к формированию предложений по их решению с учетом непосредственных интересов граждан нашей страны. Многие говорят, что нам, нам всем, не избежать пандемии птичьего гриппа, и россияне должны чувствовать, что они в этой борьбе не одиноки, что у них есть партнеры».

Над подготовкой саммита «восьмерки» в России работают высокопрофессиональные и опытные люди. И остается только пожелать им достойно завершить свою работу и обеспечить защиту наших приоритетных национальных интересов и продвижение их вперед.

«ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ»

ТЕПЕРЬ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Справочник является уникальным изданием, охватывающим все аспекты программы Глобального партнерства. В удобном формате он кратко и доступно излагает историю, ход, проблемы и перспективы реализации программы, учрежденной лидерами «Большой восьмерки» в 2002 г. на саммите в Кананаскисе. Издание предназначено для широкого круга экспертов, участвующих в реализации, анализе и оценке программы Глобального партнерства, включая дипломатов, представителей государственных структур, деловых кругов, неправительственных экспертов и журналистов.

Русскоязычная версия Справочника вышла в свет и была презентована в марте 2005 г. и вызвала большой интерес у специалистов, вовлеченных в практическую реализацию проектов в рамках Глобального партнерства. Выступая на презентации англоязычного издания Справочника, заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии С.В. **Антипов** заявил: «У меня до сих пор нет Справочника ПИР-Центра по Глобальному партнерству. Но не потому, что мне его не дали, а потому, что как только он появляется у меня на столе, то через день неведомым образом исчезает. Думаю, такой же интерес вызовет и английское издание. Многим, кто не владеет русским языком, раньше не была доступна эта информация. Теперь мы этот пробел восполняем».

Главным редактором Справочника выступил директор ПИР-Центра В.А. **Орлов**. Редакторами-составителями Справочника являются научный сотрудник ПИР-Центра А.В. **Булычев**, координатор проекта ПИР-Центра «Глобальное партнерство» Д.О. **Кобяков**, заместитель директора ПИР-Центра А.В. **Хлопков** и старший научный сотрудник Центра исследований проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, консультант ПИР-Центра Кристина **Чуен**.

Рецензенты Справочника – заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии д.ф.-м.н. С.В. **Антипов**; директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ к.э.н. А.И. **Антонов**; заместитель начальника инспекции Счетной Палаты России д.м.н. Н.И. **Калинина**.

Публикация Справочника осуществлена в рамках совместного проекта ПИР-Центра и Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США) при поддержке *Инициативы по сокращению ядерной угрозы*.

Вклад ПИР-Центра в исследование проблем, связанных реализацией Программы Глобального партнерства, был высоко оценен С.В. **Антиповым** на презентации английского издания Справочника. «Мне доставляет огромное удовольствие сотрудничать с ПИР-Центром, который помогает нам в реализации программы Глобального партнерства», – отметил заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии, выступая перед собравшимися журналистами и дипломатами.

По вопросам приобретения Справочника следует обращаться в компанию East View по тел.: +7-495-777-6557, факсу: +7-495-318-0881, электронной почте: agadjanian@mosinfo.ru <http://www.eastview.com>

Корреспондент журнала «Ядерный Контроль» Екатерина Рыкованова беседует с заместителем секретаря Совета безопасности Российской Федерации, Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ Н.Н. Спасским¹.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Николай Николаевич, как бы вы определили основные внешне-политические тенденции в мире на сегодняшний день? Как вы считаете, удалось ли нам выйти из переходного периода, в котором очутились Россия и мировое сообщество после распада Советского Союза?

СПАССКИЙ: Чтобы ответить на этот вопрос, мне необходимо прибегнуть к довольно избитой фразе: мы живем в эпоху радикальных перемен. Проработав в дипломатической службе более двадцати лет, я хорошо помню наши ожидания и ощущения в начале девяностых, когда в воздухе витала надежда: да, пусть мы и переживаем сейчас переходный период, но он скоро завершится. Все раньше или позже уладится. Как оказалось, переходный период от двухполярного мира после окончания «холодной войны», с формальной точки зрения, действительно завершен.

Но если говорить о переходном периоде в мировой политике в общем, периоде, движимом и определяемом радикальными коренными изменениями в целом ряде факторов, обуславливающих и влияющих не только на ситуацию в мире, но и на существование человечества в целом, – в этом случае обширный переходный период еще только начинается.

Это действительность, жить с которой и реагировать на которую придется не только сегодняшнему поколению политиков, но и многим последующим.

«МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА»?

Интересный факт: впервые за долгое время профессиональное внешнеполитическое сообщество снова переживает эпоху, когда появляются и обсуждаются различные варианты передела границ, перестройки государств, создания новых союзов, и все это в связи с тем – и этого не избежать – что перемены в мировом политическом равновесии достигли такого впечатляющего масштаба, что даже с чисто психологической точки зрения постичь глубину этих изменений и найти даже не столько достойное решение, сколько правильный подход к национальной безопасности отдельной страны становится практически «миссией невыполнимой».

Если попытаться суммировать в двух словах, в чем заключается этот радикальный сдвиг в мировом политическом равновесии, то достаточно сказать следующее: «Восходящая Азия». В общем и целом все сводится к этому.

Все мы помним недавний примечательный прогноз, сделанный Национальным советом по разведке США, согласно которому где-то между 2040 и 2045 гг. ВВП Китая превысит ВВП США. И это лишь верхушка айсберга, так как истинные перемены, вызванные феноменом восхождения Азии, на самом деле будут гораздо значительнее. Эта тенденция долгосрочна.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какие, по вашему мнению, существуют варианты развития политических процессов в мире в течение последующих нескольких десятилетий? Какой вы видите роль Соединенных Штатов в развитии этих процессов?

СПАСКИЙ: Вполне вероятны несколько вариантов. Один из них предполагает, что в течение определенного времени США сохранят за собой привилегированное положение в международных отношениях.

Второй возможный вариант заключается в том, что в то время как США сохранят за собой явное преимущество в военной и политической сфере, в области экономики произойдет образование мощных экономических группировок, рьяно борющихся между собой.

Кроме того, существует возможность – и хотелось бы надеяться, что очень маловероятная или хотя бы уж отдаленная – так называемого «бисмаркийского» будущего, то есть создания не только экономических, но и политических группировок – группировок, которые, вне всякого сомнения, будут вести активную борьбу друг с другом. В этом случае нельзя исключить возможность развязывания масштабных войн.

И, конечно, было бы несправедливо и с профессиональной точки зрения недобросовестно не упомянуть четвертую альтернативу: альтернативу хаоса как полномасштабного варианта мирового развития. Такая возможность существует, и чтобы предотвратить ее воплощение в жизнь, необходимо полностью отдавать себе отчет в ее наличии.

Все эти предположения серьезны, с ними нельзя не считаться. Конкретно говоря, самым серьезным вызовом для национальной безопасности какого бы то ни было государства (и государство российского масштаба этому правилу вовсе не исключение) является не терроризм, не проблема ядерного нераспространения (все это частные проявления различных тенденций), а долгосрочный и глубочайший сдвиг в мировом политическом равновесии. И здесь я говорю даже не об угрозе, не об опасности такого развития событий – я говорю о новой действительности, к которой нужно привыкать.

ДРУГАЯ СТРАНА, ДРУГИЕ ПРИОРИТЕТЫ

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: За последние пятнадцать лет Россия испытала множество трудностей и подверглась существенным преобразованиям. Но несмотря на это, для многих (особенно на Западе) образ России до сих пор ассоциируется с «малым» Советским Союзом. Считаете ли вы, что на уровне внешней политики Россия сумела отмежеваться от своего советского прошлого?

СПАСКИЙ: Действительно, Россия преодолела переходный период несравнимого масштаба. На сегодняшний день преобразование страны из СССР в Россию практически завершено. Я говорю «практически», так как некоторые остатки советского наследия все еще с нами. Да, слава Богу, мы теперь новая страна. Но большая часть девяностых, хоть мы и трубили тогда об уникальности России, о ее выдающихся качествах и отличиях от СССР, была годами «младенчества». Говоря «Россия», мы фактически имели дело с Советским Союзом в меньшем масштабе. По крайней мере сейчас мы можем в этом признаться. И слава Богу, сегодня это уже не так. По всей вероятности, то, что сейчас мы говорим не о Советском Союзе на малой шкале, а о России, самостоятельно стоящей на ногах, несмотря на некоторую зависимость от пока еще не искорененных советских традиций, – в основном результат первого президентского срока Путина.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Учитывая эти обстоятельства, создается впечатление, что выбор оптимальной позиции на мировой арене по отношению к своим зарубежным парт-

нерам для России совершенно необходим. Какие варианты рассматриваются на данный момент?

СПАСКИЙ: На сегодняшний день в качестве потенциального курса российской внешней политики рассматривается несколько вариантов. Для простоты я назову их «азиатским», «европейским» и «евразийским».

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Судя по вашим высказываниям, вы придаете большое значение роли Азии в современной внешней политике, и в частности во внешней политике России. Считаете ли вы, что Россия обратит более пристальный взгляд на развитие связей в этом регионе, особенно с Индией и Китаем, в ущерб сотрудничеству с Европой?

СПАСКИЙ: «Азиатский» вариант развития российской внешней политики действительно считается одним из возможных. Он довольно популярен среди политологов и политических комментаторов. Зачастую его используют в целях дискредитации России; иногда с его помощью иллюстрируют угрозу, которую станет представлять «свободному миру» Россия, объединившись с Китаем. Со всей ответственностью я могу сказать, что все это является не более чем политической фантазией, так как, говоря серьезно, такого варианта развития событий попросту не существует.

Этот вариант не рассматривается серьезно по следующим причинам: во-первых, он шел бы вразрез с нашими установившимися политическими традициями и политической культурой. Кроме того, это было бы совершенно нереально с технической точки зрения, так как если мы хотим хоть сколько-либо серьезно рассматривать этот вариант, нам нужно, прежде всего, возродить Сибирь. А это уже совсем другой вопрос.

Если смотреть на этот выбор реалистично, то с экономическим и социальным состоянием обширных регионов Сибири на сегодняшний день (к сожалению, весьма и весьма плачевным) рассматривать вариант перестраивания российской внешнеполитической стратегии для ее равнения на Восток было бы заблуждением.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Еще один вариант, приводимый вами, – вариант «европейский». Какой уровень сотрудничества между Россией и Европой предполагается этим вариантом? Возможно ли, что со временем он приведет ко вступлению России в Евросоюз? На сегодняшний день отдается ли предпочтение именно этому варианту?

СПАСКИЙ: Говоря о «европейском» варианте развития национальной стратегии безопасности и внешней политики нашей страны, мы подразумеваем сближение с Евросоюзом и развитие совместного политического и экономического будущего. Этот вариант достаточно серьезен и популярен, но я должен признать, что в последние несколько лет он значительно сдал свои позиции. Более того, я затрудняюсь назвать какую бы то ни было влиятельную партию, представленную сегодня в парламенте, которая бы поддерживала его. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, мне необходимо ознакомить вас с некоторыми наблюдениями, некоторыми взглядами – и прошу заметить, что это взгляды не мои личные, а тех людей, кто в настоящее время представляет абсолютное большинство политической верхушки России.

Первое из этих наблюдений – это глубочайший кризис, переживаемый Европой, а точнее, Европейским Союзом как центром государственной власти. Многие, наверное, еще помнят, как лет десять тому назад тогда еще премьер-министр Черномырдин с гордостью заявлял о надежде России в один прекрасный день войти в состав Евросоюза. Я не стану говорить, были ли такие провозглашения реалистичны или же абсолютно беспочвенны. Я только хочу обратить Ваше внимание на то, что такой тезис формулировался российскими деятелями самого высокого уровня не далее чем в середине девяностых. Ну, попробуйте, назовите хотя бы одного высокопоставленного представителя *нынешнего* правительства России, который бы сделал подобное заявление *сегодня*.

Пришли другие времена, и другим, в первую очередь, стало восприятие Евросоюза. Десять лет назад принято было считать, что Европейский Союз плавно несется на волнах в будущее. Сегодня общепринятым – в России, среди российской политической элиты – является мнение, что в обозримом будущем ЕС, по всей вероятности, не станет полноценным мировым центром силы.

Второе наблюдение: осознание кризиса политики Евросоюза в отношении вопросов по-настоящему важных как для нас, так и для всего мирового сообщества. На сегодняшний день в вопросах глобального характера Европейский Союз в большей или меньшей степени равняется на политический курс США, тогда как в вопросах регионального характера, представляющих интерес для России, политика Евросоюза зачастую отражает взгляды некоторых новых членов ЕС, в частности Польши. Я не говорю, хорошо ли это или плохо. Я только подчеркиваю, что ЕС, стремившийся десять лет назад разработать свою собственную последовательную политику касательно целого ряда региональных инициатив, сегодня – я, естественно, несколько преувеличиваю, но суть остается той же – следует примеру Соединенных Штатов в вопросах международного уровня и своих новых членов – в вопросах регионального характера.

И в этом случае реальная ценность ЕС в качестве партнера по переговорам, честно говоря, не столь уж и велика.

Я хотел бы привлечь ваше внимание к тому, что относительное снижение интереса к «европейскому сценарию» развития внешней политики России тесно связано с ощущением ослабления перспективы независимой сильной Европы, а точнее, мощного независимого Европейского центра силы – ну нет той единой европейской силы, с которой России, следуя курсу этого сотрудничества, было бы заманчиво и увлекательно вместе работать и претворять в жизнь свои собственные политические амбиции.

МОСТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Третьим возможным вариантом развития российской внешней политики вы называете «евразийский вариант». Хотите ли вы сказать, что, выбирая этот путь, Россия будет стремиться к гораздо более значительной роли на мировой политической арене, чем та, которую она играет сейчас? Есть ли основания говорить о надеждах на «воссоздание империи»?

СПАССКИЙ: Во-первых, речь о воссоздании империи здесь не идет – это было бы полным вздором. Большая часть политической верхушки полностью отдает себе отчет в том, что это невозможно, и даже попыток работы в этом направлении не предпринимается. Так что, во всяком случае, уж воссоздания *империи* «евразийский сценарий» не подразумевает. Но что он предполагает, так это то, что Россию нельзя удерживать в границах одного-единственного региона, будь то Европа или Азия. Для нас это было бы путем, обреченным на провал. Чтобы России реализовать свой потенциал, свои мечты, свои амбиции, ей нужно стремиться к более обширной роли и пытаться ее осуществить. И прежде всего – и это центральная идея этого евразийского пути, очень популярная сегодня в России – нужно признать роль России как своеобразного моста цивилизаций между Востоком и Западом.

Естественно, раз мы говорим об очень непростой, очень амбициозной цели, сам собой напрашивается вопрос: а сможем ли мы ее достигнуть? Я очень надеюсь, что сможем. Но только время покажет, способны ли мы на это на самом деле. И если со временем мы с этим управимся, это станет доказательством ценности этой стратегической альтернативы.

При всем том мне следует обратить ваше внимание на то, что этот «евразийский» путь уже довольно хорошо разработан. Это не просто выдача желаемого за действительное, не просто политические теории, а поистине тщательно разработанная стратегия. И мы действительно считаем, что если мы положимся на неотъемлемые национальные преимущества России, такие, как ее богатая культура, роль православия, ее высококачественный человеческий потенциал, богатейшие природные ресурсы, ключевая роль в мировой энергетике и само географическое положение, – у нас есть реальная возможность преуспеть.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Возвращаясь к вопросу о Европе, как бы вы охарактеризовали нынешние отношения между Россией и Евросоюзом? Есть ли основания говорить о

«кризисе» в их отношениях? И каким является сегодняшний политический курс России в отношении ЕС?

СПАССКИЙ: Первое, что я должен сказать со всей прямотой и ответственностью, чтобы избежать любых недоразумений: нет в наших отношениях никакого кризиса.

Это непростые отношения, но это отношения, основанные на взаимных интересах и взаимном уважении, и в общем и целом они положительны.

И все же я должен признать, что в определенном смысле наша политика в отношении Евросоюза находится на распутье. Каковы наши альтернативы? Конечно, самым простым и очевидным выходом было бы движение по инерции по наезженной колее. Но таким отношениям не хватало бы динамизма, стимула и стратегической перспективы. Откровенно говоря, это не тот выбор, которому отдало бы предпочтение нынешнее руководство России. Я разделяю это мнение.

Другим потенциальным вариантом могло бы стать нахождение такого алгоритма, который, не ведя к членству России в ЕС, о чем на данный момент не может быть и речи ни для одной, ни для другой стороны, предоставил бы основу для действительно интенсивного, действительно глубокого сотрудничества. Сотрудничества, которое бы каким-то образом смогло втянуть в свою орбиту политическую элиту, прежде всего российскую. И именно в нахождении алгоритма, позволяющего России сделать свои ставки в сотрудничестве с Евросоюзом, и заключается главная задача.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В 2007 г. истекает срок действия Соглашения о партнерстве России и ЕС. Каковы дальнейшие планы России в отношении сотрудничества с ЕС? Воспользуется ли она в составлении нового соглашения «дорожными картами», разработанными в 2005 г., или же планируется создание совершенно нового документа?

СПАССКИЙ: В любом случае нам придется разработать что-то новое, так как существующей юридической базы уже не будет. При всем моем уважении к «дорожным картам» они остаются лишь «дорожными картами». Да, они служат еще одним доказательством положительного характера отношений между Россией и ЕС, но, по существу, они остаются лишь политическими документами, не способными выполнить функцию правовой основы в отношениях такого масштаба, как те, что существуют между ЕС и Россией. Так что же нам делать в этой ситуации? Амбициозным подходом было бы метить высоко и разработать что-то новое и более совершенное. Но, к сожалению, существует определенный политический скептицизм и даже, возможно, опасение, что при нынешней политической ситуации, если мы перепишем этот документ, мы не получим даже того, что имеем сегодня.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: То есть вы хотите сказать, что у России все еще нет уверенности в том, какие именно отношения она хотела бы установить с Евросоюзом после 2007 г.?

СПАССКИЙ: Мы действительно пока еще не решили, какую именно позицию нам выбрать. И делая такое заявление, я не пытаюсь скрыть уже принятое решение, с которым бы мы в подходящий момент обрушились на наших европейских коллег. Мы действительно все еще не приняли определенного решения. Хотя существуют различные варианты и различные мнения, ведется активный поиск идей.

Что могло бы помочь в принятии этого решения? Я поделюсь с вами некоторыми из своих собственных рекомендаций. Опять же, их порядок произволен. Несомненно, большим подспорьем стало бы урегулирование разногласий между Прибалтийскими странами и Россией. Здесь я хотел бы отметить, что ЕС вмешивается в наши проблемы с прибалтами, двухсторонние по своему характеру, и от этого неизбежно страдают наши отношения в целом с ЕС.

Еще одно наблюдение: ЕС – это гигантский орган, претворяющий в жизнь прекрасные инициативы в пределах своих границ и в прямом смысле видоизменяющий европейский ландшафт. И все же, говоря об этих заслугах, мы имеем в виду лишь внутренние вопросы Евросоюза. Именно внутренние вопросы являются основными на повестке дня ЕС.

Если же ЕС заинтересован в развитии и вынашивании отношений с внешними партнерами, такими, как Россия, ему нужно заинтересоваться сотрудничеством на мировом уровне, так как для совместной работы необходим мощный стимул. В общем и целом, и я прошу прощения за прямоту, Европейский Союз нам не бог весть какой партнер.

ПРИГЛАШЕНИЕ В СИБИРЬ

Еще один момент: для полноценных отношений, и это относится к межгосударственным отношениям в той же мере, что и к отношениям между людьми, необходима работа над совместным проектом. И если такого проекта нет, то какой тогда стимул оставаться и работать вместе? К сожалению, грубо говоря, *на сегодняшний день у нас нет крупномасштабных проектов с Европейским Союзом*. Я настаиваю на том, что без такого проекта создать и развить широкое и долгосрочное сотрудничество невозможно.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Даже если на данный момент между Россией и ЕС не рассматриваются конкретные проекты такого масштаба, не могли бы вы привести хотя бы умоглядный пример проекта, который мог бы сыграть роль катализатора в возрождении тесного партнерства между Россией и ЕС?

СПАССКИЙ: Чтобы дать вам представление о таком проекте – только представление, я подчеркиваю, поскольку у меня нет полномочий делать предложения такого рода, – я бы сказал, что речь здесь должна идти о чем-то действительно грандиозном и многообещающем. Например, о проекте совместного развития Сибири. В плане масштабности это было бы как раз то, что предоставило бы стимул, мотивацию, перспективу и содержание для качественного поднятия сотрудничества между Россией и ЕС на более высокую ступень. И здесь я намеренно говорю о *развитии* Сибири, а не о выкачивании ее природных ресурсов. Я говорю о всеохватном проекте, подразумевающем превращение этого региона, сказочно богатого не только полезными ископаемыми, но и человеческими ресурсами, в показательную зону гармоничного устойчивого развития XXI века. В первую очередь, это будет сделано на благо России, но пользу от этого проекта получают и ЕС, и другие наши соседи. И в этом случае я искренне считаю, что, если проекту такого плана будет дан ход, ЕС как потенциальный партнер приобретет серьезные преимущества по сравнению с США и некоторыми другими странами, в частности с Индией и Китаем.

Говоря о потенциальных проектах сотрудничества, можно упомянуть и разработки меньшего масштаба, такие, как совместная работа над гидроэнергетическим потенциалом или фактический рост двухсторонних тенденций в пределах многостороннего сотрудничества в области ядерного синтеза. Идеи есть. Только не надо бы откладывать их в долгий ящик. Эта задача уже сегодня должна стоять на политической повестке дня, потому что иначе – и я повторяюсь, сказав, что я не хочу никого напугать – нет, мы не будем двигаться прямым путем к кризису, ничего излишне драматичного не произойдет, просто наши отношения с Европой, которые могли бы стать одной из движущих сил XXI века, возьмись мы за них правильно, будут скатываться в забвение.

Примечания

¹ 19 января 2006 г. заместитель секретаря Совета безопасности РФ посол Н.Н. Спасский выступил в Женевском Центре политики безопасности с лекцией на тему «Российская Федерация: стратегия национальной безопасности и политика в отношении Европы». Лекция была адресована, прежде всего, представителям дипломатического корпуса, аккредитованным в Женеве, военным и дипломатам из более чем 40 государств, проходящим программы повышения квалификации в Женевском Центре, а также швейцарским и международным экспертам по проблемам европейской и международной безопасности. Лекция была публичной, открытой для участия мировых СМИ.

Председательствовал на заседании директор ПИР-Центра, главный редактор журнала *Ядерный Контроль*, содиректор Программы европейской безопасности Женевского Центра В.А. Орлов.

В своей лекции, произнесенной на английском языке, Н.Н. Спасский подробно рассмотрел три становые темы.

Первой, как высказался сам г-н Спасский, стала тема «мира и климата, в котором мы живем и работаем и в котором нам необходимо обозначить нашу стратегию национальной безопасности».

Второй затронутой темой стала Россия, в частности Россия времен второго срока президентства В.В. Путина, а также ее внешнеполитические приоритеты.

В заключение г-н Спасский поделился некоторыми рекомендациями, позволяющими лучше понять российскую политику в отношении Европы.

Полностью стенограмма выступления и ответов на вопросы на английском языке размещена в Интернет-представительстве ПИР-Центра <http://www.pircenter.org/data/etc/Spassky.pdf>, а также Женевского Центра политики безопасности: <http://www.gcsp.ch/e/meetings/Events/Public-Disc/2006/Spasskiy/Spasskiy-speech.htm>

Корреспондент журнала *Ядерный Контроль* Екатерина Рыкованова «суммировала» данное выступление с интервью Н.Н. Спасского для журнала.

Международная конференция

«ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И «ВОСЬМЕРКА»: ВЫЗОВЫ И ИНТЕРЕСЫ. НА ПУТИ К САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМУ САММИТУ»

20–22 апреля 2006 г.
Москва, отель «Гранд Марриотт»

Цель конференции – обсуждение круга вопросов, которые встанут перед лидерами «восьмерки» на саммите в Санкт-Петербурге, представителями государственных структур, лидерами международного экспертного и бизнес-сообществ с акцентом на выработку практических рекомендаций главам ведущих стран мира.

Конференция организуется ПИР-Центром политических исследований, ведущей российской неправительственной организацией в области исследований проблематики международной безопасности, в координации с Администрацией Президента РФ и Министерством иностранных дел РФ и будет проходить в контексте председательства России в «Большой восьмерке».

В течение двух дней Конференции планируется обсудить широкий круг проблем, связанных с наиболее острыми вызовами международной безопасности, включая угрозу супертерроризма, новые вызовы режиму нераспространения, вопросы энергетической безопасности, а также возможное влияние «восьмерки» на ситуацию в области безопасности в Центральной Азии, Восточной Азии и в регионе Большого Ближнего Востока. Конференция призвана стать платформой для углубленного обсуждения возможных совместных ответов на новые вызовы и угрозы.

В Конференции планируется участие более 150 государственных и неправительственных экспертов, бизнесменов и практиков, вовлеченных в решение проблем безопасности, из стран «Большой восьмерки», стран-участниц Глобального партнерства, а также из Китайской Народной Республики, Индии, Бразилии, Казахстана, Южной Африки и др.

Программа Конференции включает в себя пленарные и секционные заседания. С докладами приглашены выступить: помощник Президента и личный представитель Президента в «восьмерке» И.И. **Шувалов**, помощник Президента С.Э. **Приходько**, заместитель секретаря Совета Безопасности РФ Н.Н. **Спасский**, заместитель министра иностранных дел С.И. **Кисляк**, Председатель Комитета по международным делам Государственной Думы ФС РФ К.И. **Косачев**, Председатель Комитета по обороне Государственной Думы ФС РФ В.М. **Заварзин**, Генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности Н.Н. **Бордюжа**.

Более подробную информацию о Конференции можно найти на официальном сайте по адресу: <http://g8conference.pircenter.org>

Председатель Комитета по обороне Государственной Думы ФС РФ В.М. Заварзин дал интервью корреспонденту журнала Сергею Мурсанкову.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Не так давно Государственная Дума приняла закон о неправительственных организациях (НПО), который вызвал большой резонанс в России и за рубежом. Кое-кто пытался даже использовать данный факт, чтобы поставить под сомнение саму возможность председательства России в «Большой восьмерке». Каково ваше отношение к этому законопроекту? Какова, на ваш взгляд, должна быть роль неправительственных организаций в формировании оборонной политики России?

ЗАВАРЗИН: Да, вы правы, этот закон вызвал большой резонанс. И не только в России. Так, 25 января 2006 г. на него было обращено внимание на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы, которая небольшим перевесом голосов решила, что принятый закон не отвечает критериям Совета Европы. Думаю, что в этом проявляется недостаточное понимание европейскими парламентариями целей и задач этого документа. Как отметил президент Путин на недавней встрече с канцлером ФРГ А. Меркель, «одна из главных задач закона о НПО – исключить непрозрачные формы финансирования внутриполитической деятельности в России».

В ответе на ваш вопрос мне, прежде всего, хотелось бы отметить, что НПО играли и продолжают играть важную роль в становлении гражданского общества в России. Однако следует отделять зерна от плевел. Нужно различать НПО по их деятельности, их целям и задачам, определенным в уставах. Если эти цели не противоречат законам РФ, а деятельность организаций и их финансирование прозрачны и направлены на развитие, например науки, культуры, образования, или на другие важные для общества вопросы, то работу таких организаций можно только приветствовать. Теперь о роли НПО в оборонной политике. Есть ряд организаций, которые осуществляют достаточно детальный анализ угроз и вызовов безопасности современного мира. Их выводы учитываются при выработке оборонной политики России. Взаимодействие государственных органов с такими НПО может помочь в понимании сути и механизмов угроз, в поиске эффективных путей противодействия им. Как говорят, одна голова хорошо, а две – лучше. Поэтому учет мнений и результатов работы НПО по данному направлению может внести определенный вклад в дело формирования оборонной политики Российской Федерации.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: ПИР-Центр, на наш взгляд, показывает один из примеров конструктивного подхода к участию НПО в мероприятиях по подготовке российского председательства в «Большой восьмерке». В координации с администрацией президента РФ и Министерством иностранных дел РФ мы готовим Международную конференцию «Глобальная безопасность и «восьмерка»: вызовы и интересы. На пути к Санкт-Петербургскому саммиту», которая будет проходить в Москве с 20 по 22 апреля 2006 г. Цель конференции – за два месяца до начала саммита обсудить круг вопросов, которые встанут

перед лидерами «восьмерки» в Санкт-Петербурге, обменяться мнениями между представителями государственных структур, лидерами международного экспертного сообщества и бизнес-сообщества, сосредоточившись при этом на практических рекомендациях. Надеемся, что вы станете не только гостем, но и активным участником этой конференции.

ЗАВАРЗИН: С удовольствием принимаю ваше приглашение. Думаю, что проведение такой конференции будет только способствовать решению задач, стоящих перед Россией в ее роли председателя в «Большой восьмерке» в этом году.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В рамках конференции мы предлагаем вам выступить с докладом на секционном заседании «Вызовы безопасности в Центральной Азии». Вы посвятили несколько лет жизни проблеме стабилизации обстановки в этом регионе. Более подробно ваше видение ситуации мы, конечно, узнаем в ходе заседания. А сейчас, если можно, коротко: каково значение Центральной Азии для России сейчас и что вы считаете основными вызовами безопасности региона?

ЗАВАРЗИН: Центральная Азия сегодня является одним из наиболее проблемных регионов на постсоветском пространстве. Власти Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана все чаще сталкиваются с растущими социально-экономическими, межэтническими, межклановыми противоречиями. Вызов правительствам центральноазиатских государств со стороны местных исламских кругов сохраняется. В регионе и со стороны его южных соседей сохраняется угроза наращивания сил международного терроризма и наркобизнеса. Создают известную напряженность в отношении между соседями и односторонние акции по «укреплению границ», взаимные территориальные претензии и межэтнические противоречия.

Система взаимодополняющих хозяйственных связей, прежде всего в области совместного использования топливно-энергетических, водных и других ресурсов, фактически отсутствует или дает постоянные сбои. На передний план вышли прагматические, коммерческие интересы. Отсюда и периодическое использование тактики газовых, транспортных, таможенных, энергетических и даже продовольственных блокировок (например, «газовая война» между Узбекистаном и Киргизией). Осуществляемые в центральноазиатских республиках экономические реформы существенно разнятся по темпам и направленности. В основе экономической политики остается стремление к модернизации и встраиванию в мировые хозяйственные связи на основе развития сырьевой ориентации.

К сожалению, не всегда взаимоотношения глав государств региона носят рациональный характер. Немалое значение при этом имеет и разнонаправленность их региональных и международных внешнеполитических установок.

Вопрос безопасности остается достаточно болезненным для стран региона, поскольку все они чувствуют свою уязвимость по отношению не только к любому внешнему воздействию, но и к внутренним катаклизмам. Это наглядно показало, например, жесткое силовое подавление вооруженного мятежа в Узбекистане в 2005 г., а также игнорирование исламского проекта в Киргизии новой элитой страны после силового демонтажа режима Акаева.

В данной ситуации из политических задач, стоящих перед Россией в Центральной Азии, я бы выделил прежде всего разработку реализуемой комплексной стратегии взаимодействия с государствами региона и направлений долгосрочной стабилизации обстановки. Полагаю, что необходимо сохранение политического и наращивание экономического присутствия в регионе (по примеру соглашения Газпрома с таджикским правительством 2003 г. о праве распоряжения туркменским газом на 25 лет, а также долгосрочное соглашение между Россией и Узбекистаном о разработке РФ газовых месторождений на 35 лет). Целесообразно наращивание участия в новых инфраструктурных и энергетических проектах региона, разработке перспективных месторождений нефти и урановой руды.

Большой вклад в стабилизацию обстановки в регионе внесло бы всестороннее развитие Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая может реально претендовать на роль сдерживающей коллективной силы в Евразии. Ведь эта межправительственная международная организация, образованная 15 июня 2001 г. в Шанхае по инициативе Китая, России и четырех стран Центральной Азии, объединяет государства, общая площадь территории которых составляет более 30 млн кв. км (три пятых общей площади Евразийского континента). Численность населения – почти 1,5 млрд чел., или примерно четверть населения всего мира. Если политическое и военное руководство стран-членов ШОС будут проводить скоординированную политику в области обеспечения безопасности, придерживаться принципов, определенных в подписанной ими и заложившей правовые основы для коллективного противодействия общим для всех стран региона угрозам и вызовам «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», то они смогут добиться впечатляющих результатов.

Потенциал стран-членов ШОС действительно велик, но, как отметил наш президент на последнем саммите ШОС, «надо его конвертировать в реальную отдачу». И главное при этом – сохранить верность атмосфере так называемого «шанхайского духа», который включает в себя взаимное доверие, взаимную выгоду, равенство, уважение к интересам и мнениям друг друга, взаимные консультации, выход на взаимопонимание через консенсус и добровольное согласие выполнять достигнутые договоренности.

Военное присутствие РФ в регионе и его наращивание, особенно в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), также способствовало бы стабилизации в Центральной Азии, могло бы быть направлено на нейтрализацию американского стратегического преимущества и оказание сдерживающего влияния на американские группировки в Персидском заливе и Афганистане при обострении американо-иранских и американо-китайских отношений. Укрепление и расширение оборонного единства с союзниками по ОДКБ необходимо России в целях сохранения территориальной целостности, защиты от террористической и других внешних угроз, удержания суверенных прав в сфере обладания природными ресурсами и контроля над жизненно важной транспортной инфраструктурой.

Есть и другие, не менее важные задачи, которые нужно решать. Это и борьба с нарко-трафиком, и жесткий контроль над проблемой нераспространения оружия массового поражения из региона, и ряд других проблем. Для их решения России, как я уже отмечал, необходимо развивать всестороннее сотрудничество со странами региона.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Другая тема, практической работе над которой вы отдали часть своей жизни, это взаимоотношения России с НАТО. Как вам видятся здесь дальнейшие направления возможного сотрудничества, и какие препятствия есть на этом пути?

ЗАВАРЗИН: Качество отношений между Россией и НАТО меняется к лучшему. Это происходит прежде всего благодаря созданию Совета Россия–НАТО (СРН). Сегодня нет крупных политических проблем, которые стопорили бы дальнейшее наращивание политического диалога и проработку сугубо практических мер, способствующих повышению безопасности на евроатлантическом пространстве.

Формат Совета позволяет нам откровенно говорить о проблемах, которые сохраняются, в том числе и о весьма чувствительных вопросах. Удастся выходить и на совместные решения на основе учета интересов сторон.

Подготовлен целый ряд исследований и оценочных документов в отношении того, как могут практически сотрудничать Россия и НАТО. Некоторые из этих разработок апробированы в ходе совместных учений. Результаты положительные и обнадеживающие.

С особым удовлетворением хочу отметить развитие военного сотрудничества. Увеличивается количество совместных мероприятий, учений. Позитивно, что многие теоретические наработки по взаимодействию мы начинаем проверять на практике. С этого года наши военные впервые с момента вывода российского контингента с Балкан участвуют вместе в контртеррористической операции в Средиземном море.

Однако сейчас, по моему мнению, в отношениях с альянсом возникла ситуация, когда для нашего совместного движения вперед требуется новый дополнительный импульс трудным направлениям, чтобы найти эффективные механизмы продвижения их вперед, либо свернуть их, а основные усилия сосредоточить на наиболее перспективных направлениях. Короче говоря, требуется своего рода свежий старт. Необходимо провести определенную ревизию отдельных областей сотрудничества. Причем такое положение дел возникло во многом в силу объективных обстоятельств — задачи и цели Римской декларации с учетом новизны дела были сформулированы довольно осторожно, и на данный момент они в основном реализованы. На повестке дня стоит вопрос о переходе к следующей, более продвинутой фазе сотрудничества — оперативному взаимодействию между Россией и НАТО в реагировании на новые угрозы и вызовы.

При этом ключевое значение для закрепления стабильности и предсказуемости в наших отношениях, безусловно, имеют задача дальнейшего укрепления доверия, транспарентность, всесторонний взаимный учет интересов, недопустимость применения двойных стандартов.

В российском руководстве и в Государственной Думе высоко оценили конструктивный отклик генсекретаря НАТО на наши озабоченности в связи с модернизацией военной инфраструктуры в странах Балтии. Мы приняли к сведению подтверждение обязательств Основополагающего Акта не развертывать ядерное оружие на территории новых членов НАТО, не размещать там существенные боевые силы, а также не создавать в этих целях инфраструктуру.

Положительно оцениваю готовность альянса к транспарентности в вопросах модернизации военной инфраструктуры на территории балтийских государств. Начавшиеся в странах Балтии работы по освоению и модернизации аэродромов, военно-морских баз и полигонов были, естественно, с настороженностью восприняты в нашей стране. Ведь речь идет о районе, где, как представляется, сегодня нет реальных военных угроз безопасности, не предвидится кризисов или крупных конфликтов.

С учетом выхода НАТО на наши границы (нельзя в принципе исключать возможности инцидентов в воздухе или на море, пусть даже по чисто техническим причинам – сложные метеоусловия и т.п.) имеет смысл совместно проработать дополнительные меры по предотвращению возможных инцидентов, связанных с функционированием вблизи друг друга контингентов вооруженных сил России и НАТО.

Запуск таких мер доверия, транспарентности и предотвращения инцидентов позволил бы нам обеспечить четкую координацию полетов наших гражданских и военных самолетов, проработать эффективную систему защиты на случай несанкционированных отклонений от маршрутов или захвата судов террористами, а также в экстренных аварийных ситуациях.

Большое значение, прежде всего в плане укрепления доверия, имело бы также создание общей системы мониторинга воздушной обстановки и управления воздушным движением в балтийском регионе.

Необходимо продолжать разрабатывать и такие перспективные направления, как работа над совместимостью систем ПРО ТВД. Готовы углублять сотрудничество в ряде областей военной и военно-технической деятельности, в вопросах оперативной совместимости военных сил России и НАТО.

Следует заметить, что в наших отношениях остаются вопросы, по которым наши позиции расходятся. Прежде всего, это касается адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Мне кажется, что в НАТО искусственно увязывают ратификацию Договора с выполнением Россией не связанных с ним так называемых «стамбульских обязательств» по Грузии и Молдове. Более того, Россия уже ратифицировала Договор. Для нас Договор не более важен, чем для НАТО, и его разрушение не явится для России невосполнимой потерей.

У нас сохраняется озабоченность по поводу расширения НАТО. Этот процесс затрагивает политические, военные и в определенной степени экономические интересы России.

И это при том, что страны Балтии не являются членами Договора об ОБСЕ, а в Латвии и Эстонии сохраняется острая ситуация в связи с дискриминацией русскоязычного населения.

НАТО приняла новых членов со всеми их внутренними острыми проблемами и нерешенными вопросами, тем самым взяв на себя ответственность за их решение.

Этот фактор накладывает определенный отпечаток и на развитие партнерских связей РОССИЯ – НАТО. Пора НАТО превращаться из чисто военной в политическую организацию.

И сейчас главная задача – превратить механизм «Россия–НАТО» из политического фактора, который уже играет большую роль в формировании духа современной системы международных отношений, в фактор, который определяет практические действия альянса и России в силовой сфере.

Значительный вклад в повышение эффективности работы на антитеррористическом треке и в вопросах восстановления Афганистана может внести взаимодействие между ОДКБ и НАТО. ОДКБ накоплен определенный позитивный опыт в решении этих проблем. В конце мая 2005 г. состоялись консультации на уровне заместителей министров иностранных дел, обороны и секретарей советов безопасности стран ОДКБ, в ходе которых среди прочих обсуждался вопрос о координации совместной деятельности в вопросах постконфликтного обустройства Афганистана. Безусловно, обеим организациям взаимодействие по этому направлению будет выгодно и сможет продемонстрировать единство при разрешении проблем безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Мы также выступаем и за различный формат механизмов такого взаимодействия.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Можно кратко подвести итоги работы Комитета в 2005 г. и обозначить, над чем работают в Комитете по обороне сегодня?

ЗАВАРЗИН: Комитет рассмотрел за 2005 г. более 200 законопроектов. Не буду утомлять вас перечислением, а заострю внимание на том, что, на наш взгляд, чрезвычайно важно.

Одним из направлений работы Комитета по обороне в осеннюю сессию было законодательное обеспечение повышения качества подготовки офицерских кадров.

Ключом к решению этой проблемы стало формирование условий для научно-педагогического роста профессорско-преподавательского состава военных образовательных учреждений.

Многие годы эта проблема не решалась. Однако Комитету удалось в этом году добиться согласия правительства на то, чтобы в 2006 г. научно-педагогический состав военных училищ, имеющих ученую степень, мог получить воинское звание на ступень выше занимаемой должности до полковника включительно, ежемесячные выплаты за ученые степени составят 3 тыс. руб. для кандидата наук и 7 тысяч для доктора наук. Кроме того, военнослужащие, занимающие должности доцента и профессора, получают надбавки к должностным окладам в 40 и 60 % соответственно.

Активную работу Комитет вел и продолжает вести и по решению проблемы начисления пенсий военнослужащим с учетом стоимости продпайка. Фактически в этом вопросе Комитет сегодня вызвал огонь на себя. Приходится вести постоянный нелицеприятный диалог и с правительством, и с Верховным Судом и с Генеральной прокуратурой.

Вопрос очень сложный. Его цена около 60 млрд руб. Простого решения нет. Однако в состоянии умолчания эта проблема не может оставаться и она будет решена.

Государственной Думе удалось добиться от правительства Российской Федерации решения проиндексировать денежное довольствие военнослужащих (военные пенсии):

- с 1 января 2006 г. – на 15%,
- с 1 января 2007 г. – на 10%,
- с 1 января 2007 г. – на 15%,
- с 1 января 2008 г. – на 15%.

Государственная Дума повышение денежного довольствия в 2006 г. профинансировала.

Еще одна острая проблема, над которой работал Комитет в осеннюю сессию – это проблема применения к военнослужащим дисциплинарного ареста, то есть содержание на гауптвахте.

В настоящее время вопросы преступности и дисциплины в вооруженных силах РФ приобрели особую остроту. В этой связи мы считаем крайне важным принятие в первом чтении законопроекта «О порядке применения к военнослужащим дисциплинарного ареста». Суть законопроекта состоит в том, что он направлен на применение к военнослужащим и гражданам, призванным на военные сборы, дисциплинарного взыскания в виде дисциплинарного ареста на основании решения суда.

Еще одна острая проблема, которая постоянно находится в поле зрения Комитета – это жилищное обеспечение военнослужащих.

Сегодня около 160 с половиной тыс. семей военнослужащих нуждаются в жилье. Из них 80 тыс. 600 семей нуждаются в постоянном, около 50 тыс. – в служебном и около 31 тыс. семей нуждаются в улучшении жилья.

Решение этой проблемы видится по следующим направлениям:

Первое. Создание фонда служебного жилья на штатную численность личного состава. В 2006 г. фонд увеличится на 19 тыс. квартир и достигнет уровня более 200 тыс. Всего же необходимо на перспективную группировку войск (сил) иметь примерно 480 тыс. служебных квартир.

Второе. Получение военнослужащими жилья по накопительно-ипотечной схеме. Все законодательные акты для реализации такого способа жилищного обеспечения разработаны.

В течение двух лет на индивидуальные накопительные счета военнослужащих – участников этой программы поступит по 77,6 тыс. руб. каждому. 37 тыс. руб. в этом году и 40,6 тыс. руб. – в следующем. В 2005 г. на эту программу выделено 1 млрд, на 2006 г. – 3,3 млрд руб.

Третье направление – обеспечение военнослужащих постоянным жильем в обычном порядке, то есть предоставление жилья в собственность за счет покупки и строительства его Минобороны или через программу ГЖС.

К сожалению, объемы финансирования не обеспечивают требуемых объемов получения жилья.

На 2006 г. на жилищное обеспечение выделено 10,4 млрд руб., что даст возможность получить около 7,9 тыс. квартир. Это незначительно превышает уровень 2005 г. В основном снижение эффективности прямого инвестирования на жилье связано с опережающим ростом цен на жилищном рынке по сравнению с уровнем инфляции инвестиций в основные фонды. В то время как показатель уровня инфляции по инвестициям в 2006 г. относительно 2001 г. возрос в 1,7 раза, средняя стоимость одной квартиры для военнослужащих выросла за этот период в 2,55 раза.

На жилищное обеспечение посредством ГЖС запланировано 6,2 млрд руб. Это примерно 7,8 тыс. сертификатов, что недостаточно для обеспечения всех увольняемых в 2006 году. Дополнительная потребность составляет примерно 3,2 млрд руб., или 4 тыс. сертификатов.

Частично проблема может быть решена за счет выпуска в 4-м квартале 2006 г. дополнительного количества сертификатов с погашением их в 2007 г. Подобная практика использовалась в 2004 г.

Как вы знаете, средняя рыночная стоимость квадратного метра жилья отличается от сертификатной. Если для небольших регионов эта разница незначительна, то для центра создает фактически непреодолимые проблемы в приобретении жилья. Для приближения

стоимости сертификата к реальной цене жилья президентом поставлена задача выделить в 2006 г. дополнительно 15 млрд руб.

Однако недостаточность финансирования только одна из причин. Мы полагаем, что даже при существующих объемах финансирования за счет более рационального использования средств можно было бы получить более существенные результаты.

В настоящее время значительная часть средств, выделяемых Минобороны, расходуется на содержание жилья, которое заселено гражданами, утратившими связь с военным ведомством. Мы полагаем, что нужна программа, с соответствующим финансовым обеспечением, ускоренной передачи такого фонда органам местного самоуправления.

Что нас смущает. Во-первых, то, что запуск механизма накопительно-ипотечной системы накладывается на существующие проблемы жилищного обеспечения. При недостаточности средств на предоставление жилья тем, кому по закону оно положено сейчас, государство начало откладывать весьма существенные средства для тех, кто получит право на жилье не ранее чем через 10 лет, а для большинства – через 20 лет.

Во-вторых, нет гарантий того, что цены на рынке жилья в обозримой перспективе позволят военнослужащим на накопленные средства приобрести достойное жилье.

Продолжать не буду. Скажу только, что проблема жилищного обеспечения военнослужащих сложная и решать ее придется еще достаточно долго. Ждать легких побед и быстрых результатов, увы, не приходится. Но будем работать. Дорогу осилит идущий.

Сегодня в пакете Комитета более 30 законопроектов. Они касаются всех ключевых направлений законодательного обеспечения деятельности вооруженных сил. Особое внимание, по нашему убеждению, мы также будем уделять вопросам социального обеспечения военнослужащих, проблемам обеспечения жильем, финансированию вооруженных сил и другим.

ПРОГРАММА СТАЖИРОВОК ПИР-ЦЕНТРА

ПИР-Центр реализует программу стажировок для молодых специалистов из региональных вузов, начиная с 2002 г.

Стажировка включает:

- участие в научно-исследовательских и информационных проектах ПИР-Центра;
- подготовку доклада по одной из актуальных проблем международной безопасности и нераспространения ОМУ;
- работу с одним из научных сотрудников или советников ПИР-Центра, который является консультантом индивидуального исследовательского проекта стажера;
- участие в учебных лекционных курсах, семинарах, заседаниях круглых столов, конференциях ПИР-Центра;
- выступление с результатами исследований на семинаре с участием сотрудников и членов Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

На время стажировки ПИР-Центр обеспечивает стажера компьютеризированным рабочим местом, постоянным доступом в Интернет и к информационным ресурсам ПИР-Центра, предоставляет средства на проезд от места проживания в Москву и обратно, выплачивает ежемесячную стипендию.

За годы существования программы стажерами ПИР-Центра стали студенты и аспиранты ведущих российских вузов, включая **Санкт-Петербургский** государственный университет, **Нижегородский** государственный университет, **Дальневосточный** государственный технический университет, **Новосибирский** государственный университет. Бывшие стажеры ПИР-Центра продолжают свой карьерный рост в *Министерстве иностранных дел РФ, Федеральном агентстве по атомной энергии, ОАО «Техснабэкспорт», Стокгольмском международном институте исследований проблем мира, ПИР-Центре* и других организациях.

В конкурсе на замещение вакансии стажера в период **с 3 апреля по 21 июля 2006 г.** приняли участие студенты, аспиранты и молодые специалисты из **Саратовского** государственного университета, **Алтайского** государственного университета, **Воронежского** государственного университета, **Томского** политехнического университета, **Волгоградского** государственного университета, **Южно-Уральского** государственного университета, **Уральского** государственного университета, Российско-американского информационно-образовательного центра (**Новоуральск**). Конкурс составил **14 человек** на место.

В настоящее время ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансии стажера на период **с 21 августа по 29 декабря 2006 г.**

Для участия в конкурсе соискатель **не позднее 31 июля 2006 г.** должен приложить заявку в виде развернутого резюме и рекомендации на имя заместителя директора ПИР-Центра Антона Викторовича **Хлопкова**.

Заявки следует направлять по факсу +7-495-234-9558
или по электронной почте: votnovskaya@pircenter.org

За более подробной информацией о программе стажировок ПИР-Центра следует обращаться к координатору образовательных проектов Екатерине **Вотановской** по тел.: +7-495-234-0525
или по электронной почте: votnovskaya@pircenter.org
Информация также доступна на сайте ПИР-Центра по адресу:
<http://www.pircenter.org/index.php?id=15>

Понятие «контроль над вооружениями» (arms control) сформировалось около полувека тому назад¹, и его основной смысл состоит в сдерживании и ограничении вооружений вплоть до запрещения и ликвидации отдельных его видов на основе юридически обязательных многосторонних или двухсторонних контролируемых соглашений, либо иных договоренностей. Понятие это допускает и одностороннее ограничение или уничтожение тех или иных типов вооружений с последующей международной проверкой или даже без нее – в условиях допустимой транспарентности. Контроль над вооружениями возможен и в принудительном порядке на основе решений Совета Безопасности ООН, как это предусматривается Уставом этой организации.

Как справедливо указывает известный американский аналитик, председатель Совета директоров Ассоциации по контролю над вооружениями Дж. Стайнбрунер, «контроль над вооружениями составляет необходимый компонент общего международного права и как таковой представляет собой жизненно важный интерес для всех стран мира, в том числе для Соединенных Штатов (добавим от себя – и для России. – *Р. Т.*). Большинство этих стран считают, что их безопасность гораздо больше зависит от юридического регулирования, чем от собственных военных возможностей, и, как можно предсказать, будут с упорством отстаивать важнейшие нормы международных ограничений, от которых зависит их безопасность»².

Контроль над вооружениями никогда не был и по определению не может быть застывшим понятием, его характер и содержание постоянно эволюционируют сообразно складывающейся на данный момент политической и стратегической обстановке, меняющемуся балансу сил, исчезновению прежних и появлению новых полюсов военной силы, а этот процесс, естественно, является бесконечным. Иногда контроль над вооружениями почему-то ассоциируют только с советско-американскими договорами по ограничению ракетно-ядерных стратегических наступательных и оборонительных вооружений 70–90-х гг. прошлого столетия, из чего кое-кем делается поспешный вывод, что эра контроля над вооружениями ушла в прошлое и что он будто бы «мертв». Нет, контроль над вооружениями востребован и будет востребован, покуда существуют вооружения и покуда идет постоянное появление и совершенствование все более опасных военных технологий. Ведь главная цель контроля над вооружениями состоит в обеспечении национальной или блоковой безопасности государств. В этом, собственно говоря, и заключается его предназначение, его задача, а задача эта постоянная.

Согласованные действия международного сообщества по нахождению путей дальнейшего продвижения в сфере контроля над вооружениями всегда будут необходимы, но при этом всякий раз может возникать потребность в многообразных и даже своеобразных толкованиях самого термина «контроль над вооружениями» и в выработке наиболее приемлемых рамок, методов и масштабов контроля над вооружениями для новой мировой обстановки³. Поэтому важно вовремя отходить от устаревших представлений о ха-

рактуре контроля над вооружениями и по-новаторски изыскивать новые пути и способы достижения целей такого контроля.

В настоящей работе рассматриваются вопросы, относящиеся к контролю над вооружениями в сфере оружия массового уничтожения – ядерного, химического и биологического.

К ИСТОРИИ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

После появления ядерного оружия первые попытки приступить к осмысливанию и затем обсуждению проблем разоружения были предприняты практически сразу же вслед за окончанием Второй мировой войны. В 1946–1949 гг. в Комиссии ООН по атомной энергии рассматривались небезызвестный американский «план Баруха» по международному контролю над атомной энергией и советские предложения по запрещению атомного оружия и по контролю над соблюдением этого запрещения. Эти предложения исходили, разумеется, из интересов безопасности и достижения стратегических целей выдвинувших их государств. И основное их назначение состояло, прежде всего, в политическом и пропагандистском обеспечении разворачивавшейся между ними гонки ядерных вооружений. В существовавших тогда условиях работа Комиссии ООН была, конечно же, неизбежно обречена на провал.

В течение 1950-х гг., в период бесконтрольной атомной гонки и появления других западных ядерных держав – Великобритании и Франции – Советским Союзом и западными государствами в рамках ООН и других международных органов выдвигались столь же нереалистические предложения о всеобщем и полном, как и о частичном разоружении. В 1961 г. между СССР и США было даже согласовано (правда, с некоторыми оговорками) совместное заявление о принципах достижения всеобщего и полного разоружения (известное как Заявление Зорин–Макклой).

Первым соглашением в плане реалистически осуществимого контроля над вооружениями принято считать **Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой** 1963 г. Договор этот, как известно, был заключен между Советским Союзом, Соединенными Штатами и Великобританией в ходе московских переговоров и затем открыт для подписания и другими государствами. Поскольку трудно поддающиеся международному контролю подземные ядерные испытания оставались вне запрета, Договор не требовал и не предусматривал международной верификации, но подразумевалось, что его участники будут пользоваться так называемыми национальными средствами контроля – главным образом, спутниковыми, но также и авиационными, исходя из того, что этого было бы достаточно для обеспечения проверки соблюдения договора.

Что послужило предпосылками для заключения Московского договора? Называют несколько основных причин, которые мы перечислим здесь не в порядке их значимости: стремление двух «сверхдержав» обеспечить политическую разрядку напряженности между ними после острейшего Карибского кризиса, поставившего мир чуть ли не на грань войны; отработанность ядерных боезарядов, особенно наиболее крупных, в атмосферных условиях; накопленность данных о последствиях ядерных взрывов в атмосфере, в космосе и под водой; стремление обеих сторон не раскрывать сведения о конструктивных и иных особенностях своих боезарядов в связи с тем, что к этому времени были освоены методы контроля извне над атмосферными взрывами путем забора и анализа радиоактивных проб; заражение атмосферы радиоактивностью, вызывавшее повсеместно широкие протесты со стороны общественности.

Дальнейшим крупным договором в ряду соглашений о контроле над вооружениями стал **Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)** 1968 г. Проект ДНЯО был подготовлен Советским Союзом и Соединенными Штатами как сопредседателями Женевского Комитета восемнадцати государств по разоружению и затем доработан в Комитете. Будучи направленным на недопущение появления новых ядерных государств, Договор, как это очевидно, в первую очередь отвечает интересам ядерных держав, но он важен и для многих других стран, ограничивая число обладающих ядерным оружием госу-

дарств и, следовательно, опасность возможного применения этого оружия. Не случайно его участниками стали без малого 190 государств. В 1960-х гг. предполагалось, что в недалеком будущем в мире будет порядка 20 ядерных держав, а сейчас признается, что уже не менее 40 стран располагают научно-техническим и промышленным потенциалом для создания ядерного оружия. На деле же сегодня имеется только 8 государств, в арсеналах которых есть ядерное оружие. Существуют, правда, подозрения, что еще две-три страны имеют и даже реализуют планы овладения технологией производства этого оружия.

Договор о нераспространении играет огромную роль в усилиях мирового сообщества по устранению ядерной опасности, на созданной им международно-правовой основе сформировался всеобъемлющий и разветвленный режим ядерного нераспространения. При всей сложности полной реализации положений ДНЯО ввиду неравноправного характера самого договора (юридически разделяющего мир как бы на две категории государств – ядерных и неядерных), несмотря на трудность провести четкую и непересекаемую грань между военным и мирным использованием атомной энергии и наличии ядерных амбиций у некоторых государств, Договор был и остается важнейшей исходной базой, отталкиваясь от которой осуществляются коллективные действия в пользу уменьшения ядерной угрозы и обеспечения использования атомной энергии исключительно в мирных целях.

ДНЯО и подкрепляющие его механизмы нераспространения – прежде всего система гарантий МАГАТЭ вместе с процедурами Дополнительного протокола 1997 г. – призваны реализовать еще одну важную функцию контроля над вооружениями: раннее предупреждение о возможном опасном развитии в области оружия массового уничтожения.

В конце 1960 – начале 1970-х гг. начался новый этап в прогрессивном развитии контроля над вооружениями – этап, опирающийся на сложившееся к тому времени *биполярное* мироустройство в стратегической области. Это произошло в результате того, что к тому времени завершалось отставание Советского Союза от Соединенных Штатов в области ракетно-ядерных вооружений и устанавливался более или менее приемлемый баланс стратегических возможностей.

По свидетельству наших специалистов ген. Н.Н. Дединова и А.Г. Савельева, к концу 1960-х гг. ежегодно строились по 200–250 шахт для МБР и по 7–8 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами⁴. Советский Союз, еще отставая от США по количеству и особенно по качеству стратегических носителей, уже приближался к ситуации взаимного стратегического баланса между двумя державами.

Аналогичное мнение высказывали и ответственные американские представители. Генри Киссинджер, советник по национальной безопасности при президенте Р. Никсоне, писал в своих мемуарах, что если в середине 1966 г. Советский Союз имел 250 оперативно развернутых МБР, в середине 1967 г. – 570, в сентябре 1968 г. – 900, то к сентябрю 1969 г. по количеству МБР превзошел США, развернув 1060 ед. К концу же 1970 г. Советский Союз, по данным американских разведслужб, имел уже 1440 МБР⁵.

Другой видный американский специалист – Р. Гартхоф так характеризовал складывавшуюся тогда геостратегическую обстановку: «К концу 1960-х гг. Советский Союз располагал стратегическими межконтинентальными вооруженными силами, приближающимися к таким силам Соединенных Штатов по количеству, если еще не по своим возможностям. И Соединенные Штаты предложили провести переговоры по ограничению стратегических вооружений и были готовы признать общий паритет стратегической военной мощи. С точки зрения Соединенных Штатов, эта инициатива отражала готовность и желание сдерживать гонку вооружений по крайней мере в количественном отношении. С точки зрения Советского Союза, предстоящее достижение стратегического паритета и признание его американскими лидерами ознаменовало беспрецедентное движение вперед в сравнении с военным отставанием Советского Союза со времен революции. Более того, в дополнение к укреплению советской безопасности это также могло бы стать важным шагом в направлении достижения *политического* паритета в качестве сверхдержавы»⁶.

Коренное изменение в стратегической ситуации позволило на равноправной основе приступить в 1969 г. к двухсторонним переговорам по **ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1)**, проходившим с 1969 по 1972 гг. В ходе этих переговоров вырабатывались договоры по ограничению оборонительных и наступательных стратегических вооружений, но вначале, в 1971 г., было подписано Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, в котором, при его внешне кажущимся техническим характере, был *впервые* юридически закреплён баланс стратегических возможностей между СССР и США, или, как ещё говорили, принцип «равной или одинаковой безопасности».

В итоге переговоров по ОСВ-1 в мае 1972 г. Л.И. Брежнев и Р. Никсон подписали Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и Договор об ограничении систем противоракетной обороны. По Временному соглашению замораживалось количество пусковых установок МБР и БРПЛ, а Договор по ПРО запретил развертывание систем противоракетной обороны национальной территории каждой из обеих держав, разрешив им иметь только по две системы – для районов вокруг столиц и одной из ракетных баз. Принятый в 1974 г. Протокол к договору сократил это количество до одного района для каждой из сторон.

Логика обоих соглашений по ОСВ-1, как и последующих соглашений по стратегическим вооружениям (ОСВ-2 и СНВ-1 и 2) периода «холодной войны» состояла в том, что предотвращение ядерной войны требует поддержания у каждой из сторон потенциала ответного удара, что предполагает как бы «открытость» для ответного удара другой стороны. Это позволяло создать систему взаимного сдерживания и постепенно приступить к процессу сокращения ядерных вооружений.

В 1979 г. был подписан **Договор ОСВ-2**, который установил равные уровни стратегических носителей – не только МБР и БРПЛ, но также и тяжелых бомбардировщиков, при этом предусматривалось некоторое сокращение носителей ядерных вооружений. Договор учитывал появление вначале у США, а затем и у СССР МРБ с РГЧ ИН. Однако этот договор в силу не вступил (он был снят президентом Дж. Картером с ратификации американским сенатом в знак протеста против ввода советских войск в Афганистан), но на практике его основные параметры были реализованы в результате осуществления дальнейших соглашений.

Следующим важным соглашением явился ныне действующий **Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1)**, подписанный в 1991 г. Договор ограничил количество ядерных боезарядов на уровне 6000 ед., при этом число стратегических носителей ограничивалось уровнем в 1600 ед. Для определения количества боезарядов были приняты правила зачета, в соответствии с которыми каждая пусковая определенная категории считалась содержащей ракету того или иного типа, а за каждым типом ракеты засчитывалось определенное число боеголовок. Принципиально новым компонентом СНВ-1 стала мощная система контроля, предусматривающая всесторонний обмен данными, а также множество различных видов инспекций, в том числе и предприятий по производству ракет.

При том, что в указанный период между двумя державами установилась предсказуемая и достаточно устойчивая система взаимного ядерного сдерживания, время от времени возникали осложнения, которые все же так или иначе находили разрешение. Так, в начале 80-х гг. президент Рональд Рейган выступил с так называемой «стратегической оборонной инициативой» (СОИ), в соответствии с которой предполагалось создание эшелонированной системы обороны США с элементами космического базирования, что противоречило бы всем основам системы взаимного сдерживания, которая зиждилась на Договоре по ПРО. После сложной дипломатической борьбы Соединенные Штаты в тот период отказались от создания системы ПРО.

Еще один кризис возник, когда Советский Союз начал развертывание ракет средней дальности *Пионер (СС-20)* с тремя боеголовками для замены устаревших типов ракет. Эти действия вызвали обеспокоенность – как США, так и их европейских союзников. В ответ американцы собирались развернуть в Европе новые ракеты средней дальности.

ти – баллистические *Першинг-2* и крылатые ракеты наземного базирования. В итоге трудных переговоров был принят «нулевой вариант» – стороны отказались и от того и от другого и заключили в 1987 г. **Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД)**. Это был первый (и пока единственный в ракетно-ядерной области) договор между обеими державами, согласно которому ликвидировался целый тип вооружений. Договором предусматривалась строгая система мер контроля, включавшая обмен информацией и инспекции на месте. Договор был полностью выполнен⁷.

Сложившаяся и постепенно упрочившаяся система контроля над вооружениями позволила обеим державам осуществить и *односторонние, неформальные и неконтролируемые* меры ограничения ядерных вооружений – на этот раз в сфере **тактического ядерного оружия**. В данной области вооружений не оказалось возможным подготовить полномасштабный договор с соответствующим контролем, зато договоренность, в которой были весьма заинтересованы обе стороны, позволила достичь важных результатов в короткие сроки.

В сентябре 1991 г. президент Дж. Буш в одностороннем порядке объявил о намерении осуществить сокращение нестратегических ядерных вооружений. А спустя несколько дней М.С. Горбачев выступил с ответным заявлением, объявив о сходных мерах, которые в январе 1992 г. были подтверждены Б.Н. Ельциным от имени Российской Федерации. Предусматривалось снятие с вооружения и уничтожение ядерных артиллерийских зарядов, ядерных мин и ядерных боеголовок тактических ракет; то же самое относилось к ядерным боезарядам носителей морского базирования; часть ядерных боезарядов нестратегической авиации уничтожалась или складировалась; нестратегическое ядерное оружие оставалось только на самолетах; крылатые ракеты морского базирования, которые, хотя и являются оружием большой дальности, также подпадали под снятие боезарядов.

В обстановке биполярного мира оказалось возможным заключить и ряд многосторонних соглашений по контролю над вооружениями, в том числе таких важных, как **Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства (Договор о космосе)** 1967 г., **Конвенция о запрещении и уничтожении биологического и токсинного оружия (КБТО)** 1972 г., **Конвенция о запрещении и уничтожении химического оружия (КЗХО)** 1993 г. и **Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)** 1996 г., но на последнем, не вступившем в силу из-за отказа США его ратифицировать, уже сказался ветер перемен в области контроля над вооружениями.

В этот период – в 1991 г. имела место и принудительная, по решению Совета Безопасности ООН, поддержанному всеми его постоянными членами, **ликвидация оружия массового уничтожения и его компонентов Ирака**, который был уличен в тайной деятельности по созданию ядерного оружия в нарушение его обязательств по ДНЯО и соглашению о гарантиях с МАГАТЭ.

Как видим, приведенное краткое, а потому – по необходимости – и несколько схематичное изложение основных соглашений по контролю над вооружениями времен холодной войны свидетельствует о том, что и в эпоху биполярной модели мироустройства 1960–1990 гг., которую часто называют периодом «традиционного» контроля над вооружениями, использовались разнообразные способы достижения договоренностей о контроле и выработки их форматов. Но все же фундамент принятых соглашений непременно держался на биполярном факторе взаимного ядерного сдерживания.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Распад СССР в начале 1990 гг. привел, но не сразу, а в результате некоторого переходного периода, к изменению мировой стратегической ситуации и, соответственно, внес значительные коррективы в процесс контроля над вооружениями, который постепенно стал приобретать как бы новое измерение. Этот процесс, судя по всему, продолжается. К основным факторам, характеризующим складывавшуюся новую геополитическую и

геостратегическую обстановку, можно отнести следующие явления глобального значения:

- ❑ Дезинтеграция Советского Союза, образование на его территории ряда независимых государств, существенное ослабление экономической и военной мощи России, но при сохранении возможности поддержания все еще надлежащего уровня ядерного сдерживания. Эти события осложнили проблему обеспечения национальной безопасности для России;
- ❑ Появление новых угроз международной стабильности и вызовов режиму нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения;
- ❑ Проведение в 1998 г. ядерных испытаний Индией и Пакистаном, ядерные программы и ядерные амбиции ряда других государств (Иран и КНДР);
- ❑ Неуклонное возвышение Китая как потенциально нового полюса промышленно-экономической и, в перспективе, военной силы;
- ❑ Развернувшаяся волна международного терроризма, на деле являющегося ответом более бедных, слабых и угнетенных народов, но ответом, методы которого являются неприемлемыми для цивилизованного мира, на продолжающееся и усиливающееся господство богатых наций Севера над странами Юга. Наиболее драматическим проявлением этого явления стали трагические события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и террористические акты на территории России и в странах Европы⁸.
- ❑ Постепенное истощение нефтяных резервов и нарастающая борьба за доминирование на Ближнем Востоке как главном источнике мировых запасов нефти;
- ❑ Повышение «экономической составляющей» внешнеэкономических приоритетов ведущих государств мира, в результате чего расширяется сфера востребованности военной силы для обеспечения экономических интересов государств;
- ❑ Усиливающиеся конфликты между различными народами по признаку расы и религии, угроза цивилизационного раскола, как предрекают некоторые политологи.

Все эти изменения в глобальной ситуации, взятые в совокупности, подводят к выводу, что в отличие от времен сравнительно устойчивого биполярного устройства мир стал более многоугрозным, а потому менее предсказуемым с точки зрения поддержания всеобщей стабильности и безопасности отдельных государств. В процессе расширения спектра угроз и их проявления в новых формах возрастает влияние фактора неопределенности, который объективно предъявляет новые требования к обеспечению безопасности государств.

На этом фоне в США с приходом к власти в начале 2001 г. республиканской администрации Дж. Буша большое влияние приобрели так называемые неоконсерваторы, которые стали добиваться более настойчивых односторонних и даже силовых действий по обеспечению и продвижению американских интересов. Наиболее ярким проявлением поворота в политике Соединенных Штатов в отличие от действий предыдущих администраций явилось вооруженное вторжение в Ирак в 2003 г. без санкции Совета Безопасности и по надуманному поводу наличия в этой стране оружия и компонентов оружия массового уничтожения.

Именно тогда начался отход США от политики «традиционного» контроля над вооружениями времен «холодной войны». И первой ласточкой тут стала история с **Договором СНВ-2**, подписанным обеими державами еще в начале января 1993 г. Договор предусматривал сокращение ядерных вооружений и установление уровня боезарядов в размере 3000–3500 единиц, при этом ликвидировались бы все МБР с РГЧ ИН. Ключевым недостатком договора с точки зрения России явились бы даже не сама по себе ликвида-

ция многозарядных МБР, сколько несоответствие этого реальным российским экономическим и финансовым возможностям, а также слишком короткие сроки сокращений.

В течение почти всех 1990-х гг. шла напряженная дипломатическая борьба за изменение условий сокращений. В результате в 1997 г. был подписан Протокол, который продлил срок выполнения договора СНВ-2 до 2007 г. Была также достигнута договоренность о том, что будет выработан договор СНВ-3, предусматривающий достижение уровня в 2000–2500 боезарядов к концу 2007 г., при этом переговоры о новом договоре начнутся сразу же после ратификации договора СНВ-2. В 1997 г. были согласованы и некоторые другие договоренности, учитывающие озабоченности РФ по поводу планов США в отношении ПРО. Однако если сенат США ратифицировал договор СНВ-2 еще в 1996 г. в его первоначальном виде, в России это было сделано только в 2000 г. и уже в новом варианте, который учитывал дополнительные договоренности. Американский сенат не пошел на ратификацию Договора вместе с последующими изменениями. В итоге Договор СНВ-2 в силу так и не вступил.

Другим шагом Соединенных Штатов, отражающим их подход ко всей системе контроля над вооружениями, явился **выход США из Договора по ПРО** в июне 2002 г. и начало интенсивных работ по НИР и НИОКР своей, как было объявлено, «ограниченной» противоракетной обороны, якобы необходимой для защиты от северокорейских ракет. А на деле, как считают наблюдатели, имеются в виду ракетно-ядерный потенциал Китая и, нельзя этого исключать, в дальнейшем и России. Администрация США при поддержке Конгресса щедро финансирует расходы на ПРО, хотя проводимые испытания пока не дают удовлетворительных результатов. На будущий финансовый год выделяются 10,4 млрд долл., а в дальнейшем планируется довести затраты на ПРО до 19 млрд долл. в год. К концу 2005 г. были развернуты 8 перехватчиков ракет в районе Форта Грили на Аляске и два на авиационной базе Ванденберг в Калифорнии. К концу 2009 г. на Западном побережье США между Фортом Грили и базой Ванденберг планируется установить до 40 перехватчиков⁹.

Российская Федерация довольно спокойно реагировала на денонсацию Договора по ПРО, назвав решение США «ошибкой» и полагаясь на свои новые ракетные системы, обладающие возможностями преодоления американских средств противоракетной обороны. Но сам факт отказа от договора, который на протяжении десятилетий содействовал обеспечению глобальной стратегической стабильности, не может не подрывать веру в столь нелегко формировавшийся и развивавшийся международно-правовой процесс ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Но вернемся к **Договору ДВЗЯИ**, подписанному демократической администрацией Б. Клинтона в 1996 г., который, как уже упоминалось, в силу до сих пор не вступил из-за отказа сената США и администрации Буша ратифицировать его и, видимо, так и не вступит в обозримом будущем. Правда, положительным фактом является то, что мораторий на ядерные взрывы соблюдается всеми ядерными державами. Любопытно ведет себя Китай, вот уже много лет регулярно уверяющий, что договор рассматривается на предмет ратификации Всекитайским собранием народных представителей. Однако не похоже, что КНР ратифицирует договор ранее США, если вообще когда-либо сделает это.

В США в течение некоторого времени занимались проектированием ядерных взрывных устройств небольшой мощности, глубоко проникающих в грунт для поражения бункеров и других подземных целей (*Robust Nuclear Earth Penetrator*), однако, по-видимому, отказались от дальнейших исследовательских работ, во всяком случае, по очередному бюджету их финансирование не предполагается¹⁰. Не будут выделяться средства и на разработку новых концепций ядерного оружия малой мощности. Вместо этого будет осуществляться программа надежной замены ядерных боезарядов (*Reliable Replacement Warhead Program*), на которую ассигнуются 27,7 млн долл. Но вот средства на ускорение подготовки к взрывам испытательного полигона в Неваде с 24 до 18 месяцев по новому бюджету, как и по предыдущим, выделяются (14,8 млн долл.).

Обращает на себя внимание, что Соединенные Штаты в последние годы в одностороннем порядке сокращают свои взносы на финансирование работы Временного техниче-

ского секретариата Подготовительной комиссии по созданию Международной системы мониторинга ДВЗЯИ и подготовку процедур проведения инспекций. На 2006-й финансовый год этот взнос был вновь сокращен почти на 5 млн долл.¹¹ Россия же активно поддерживает деятельность Временного технического секретариата и заключила соглашение о сотрудничестве по реализации российского сегмента системы контроля.

Российская Федерация, так же, как Великобритания и Франция, ратифицировала ДВЗЯИ. Вместе с тем, очевиден интерес российских разработчиков ядерного оружия к новым ядерным зарядам малой мощности, развернутым как на тактических носителях, так и в стратегических ядерных силах. Свою точку зрения они обосновывают следующим образом: «Важнейшая задача развития системы ядерных вооружений малой мощности состоит в радикальном снижении уровня военно-технического ядерного противостояния России и США. Замена боевого оснащения на заряды малой мощности, с одной стороны, радикально сократит уровень связанной с ним глобальной угрозы, а с другой стороны, придаст ему качество реального оружия «поля боя», применимого в любом регионе планеты». Применение такого оружия, «не приводящего к тотальному уничтожению противника, но существенно превосходящего энергетические возможности традиционных вооружений, [...] в ответ на значимое применение обычных вооружений или террористические действия, повлекшие за собой утрату важных объектов инфраструктуры и гибель десятков и сотен человек, вполне может быть оправдано по моральным соображениям». Как утверждают авторы этой концепции, действия по приспосoblению к указанным задачам существующих боезарядов «на первом этапе могут быть реализованы в рамках существующих видов ядерного оружия»¹². Таким образом, можно сделать вывод, что сторонниками подобного развития событий не исключается проведение на определенном этапе ядерных испытаний.

Наиболее значительным и весьма характерным и показательным отражением нового подхода и нового формата контроля над вооружениями явилось заключение между Россией и США в мае 2002 г. московского **Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор СНП)**¹³. Он как бы фиксирует в юридически обязательной форме односторонние заявления каждой стороны, при этом предоставляя им большую свободу действий в рамках принятых общих обязательств. Основная статья Договора (первая) заслуживает быть процитированной полностью:

«Каждая из Сторон сокращает и ограничивает стратегические ядерные боезаряды, как об этом заявил Президент Российской Федерации 13 ноября 2001 г. и 13 декабря 2001 г. и как об этом заявил Президент Соединенных Штатов Америки 13 ноября 2001 г. соответственно, таким образом, чтобы к 31 декабря 2012 г. суммарное количество таких боезарядов не превышало у каждой из Сторон количество в 1700–2200 ед. Каждая из сторон *сама определяет состав и структуру* (выделено мной. – *Р. Т.*) своих стратегических наступательных вооружений, исходя из установленного суммарного предела для количества таких боезарядов».

Таким образом, своеобразие и новизна нового договора состоят в том, что в нем особо подчеркивается в самом его тексте свобода действий участников договора в том, что касается состава и структур их наступательных стратегических вооружений в рамках согласованного количественного предела, что коренным образом отличает его, скажем, от договора СНВ-2, по которому предусматривался, в частности, отказ обеих сторон от МБР с РГЧ ИН. Договор в полной мере учитывает интересы России.

В Договоре СНП не содержится положений об обмене информацией, о проверке и об инспекциях, но подтверждается Договор СНВ-1 со всеми его положениями, который теперь именуется Договором СНВ. Этот Договор будет действовать, как известно, только до конца 2009 г. По новому Договору создается двухсторонняя комиссия по его выполнению, при этом в Совместной декларации двух президентов, подписанной тогда же, уточняется, что учреждается консультативная комиссия по вопросам стратегической безопасности во главе с министрами иностранных дел и обороны, через посредство которой стороны будут укреплять взаимное доверие, расширять транспарентность, обмениваться информацией и планами и обсуждать стратегические вопросы. Комиссия, од-

нако, насколько известно, пока не проявляет заметной активности, хотя срок окончания действия Договора СНВ, а затем и самого Договора СНП неумолимо приближается.

Что касается хода выполнения Договора, то дело, судя по имеющимся сообщениям, идет своим чередом. В июле 2005 г. Россия объявила о снятии с вооружения 20 БРПЛ 200 боеголовок, а также 26 МБР с 150 боеголовками. Были ликвидированы последние мобильные ракетные носители железнодорожного базирования, известные на Западе как SS-24. Всего у России на 1 января 2006 г. имелось по засчетным правилам договора СНВ 4300 развернутых боеголовок на 927 носителях¹⁴.

В то же время в России в полном соответствии с Договором СНП идет качественное обновление парка стратегических наступательных носителей. Как заявил вице-премьер и министр обороны С.Б. Иванов на конференции в Мюнхене 5 февраля 2006 г., «мы продолжаем совершенствовать свои стратегические силы сдерживания. Но наши усилия направлены только на их качественную модернизацию». Устаревающие ракеты *Воевода* (SS-18), которых сейчас насчитывается 80 единиц, снимаются с боевого дежурства, и этот процесс продлится до 2016 г. На их место заступают ракеты *Тополь-М* стационарного и подвижного грунтового комплекса. Как заявил командующий РВСН генерал И.Е. Соловцов, через несколько лет *Тополь-М* в ряде дивизий будет оснащен разделяющейся головной частью, аналогичной той, которая разрабатывается для морского ракетного комплекса *Булава*¹⁵. В своей военной политике Россия ныне исходит из «отказа от принципа «симметрии», т.е. от стремления любой ценой сохранить количественный паритет с потенциальным противником, и из перехода к строительству вооруженных сил и военной организации в целом на основе «асимметрии» с определением приоритетов, обеспечивающих реальное сдерживание угроз»¹⁶.

В Соединенных Штатах процесс выполнения Договора СНП пока идет медленнее, чем в России. Недавно было объявлено, что с боевого дежурства снимаются 50 из 500 ракет *Минитмен-3*, причем эти ракеты время от времени модернизируются, и параллельно сокращается число установленных на них ядерных боеголовок с трех до одной. В целом в США по состоянию на январь 2006 г. имелось 5235 единиц боеголовок на стратегических носителях. Как и Россия, Соединенные Штаты продолжают качественную модернизацию своих МБР: к 2018 г. предполагается ввести в эксплуатацию новую ракету такого типа¹⁷.

Если обратиться к многосторонним соглашениям по контролю над вооружениями, то тут дела обстоят менее благополучно, за исключением Конвенции о запрещении химического оружия, хотя и она выполняется основными обладателями этого оружия – Россией и США – с отставанием по срокам, установленным самой КЗО. Но в данном случае опоздание объясняется недостатком финансирования и техническими проблемами, с которыми столкнулись стороны Конвенции, поскольку при ее выработке не все могло быть просчитано даже теоретически¹⁸.

Женевская конференция по разоружению, призванная разрабатывать многосторонние договоры по ограничению вооружений и разоружению, вот уже десять лет (после заключения ДВЗЯИ) не сделала ничего, погрязнув в дискуссиях по программе своей работы и определению приоритетов в проведении переговоров по тем или иным конкретным аспектам разоружения.

Один из наиболее насущных вопросов – выработка **конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (КЗПРМ)** – тормозится рядом стран, в том числе Китаем, который увязывает начало переговоров по этой проблеме с продвижением в деле недопущения милитаризации космического пространства. Тормозится вопрос также и некоторыми другими странами, которые намерены продолжать накапливать запасы делящихся оружейных материалов. Что касается России и США, как и Великобритании и Франции, то они прекратили производство таких материалов и готовы сесть за стол переговоров по выработке КЗПРМ вместе с другими государствами. Правда, не так давно – в июле 2004 г. – возникла новая трудность: Соединенные Штаты, подтвердив свою готовность начать переговоры о заключении соответствующей конвенции, объявили, что проведенные у них исследования «вызывают серь-

езную озабоченность относительно того, что невозможно достичь реалистической и эффективно контролируемой КЗПРМ».

Не лучше обстоит дело и с усилиями государств по укреплению и повышению эффективности **Конвенции о запрещении биологического оружия (КБТО)**, в которой при ее заключении в 1972 г. не были предусмотрены положения о контроле. Многолетняя и практически завершенная работа по подготовке верификационного Протокола к этой Конвенции в 2001 г. была прекращена из-за отказа США от дальнейшей работы над ним. Как отмечали американские специалисты, Соединенные Штаты не хотели допустить, чтобы предусматриваемые Протоколом инспекции могли позволить «недобросовестным лицам выявить микробиологические особенности специальных лекарственных препаратов, разрабатываемых в США, и таким образом подорвать американские меры по защите от биологического оружия»¹⁹.

В том, что касается **тактического ядерного оружия (ТЯО)**, то обе державы – и Россия, и США – продолжают руководствоваться своими односторонними заявлениями, сделанными президентами двух стран в 1991 г., и проводят обещанные мероприятия. Как заявил руководитель делегации РФ на Обзорной конференции по ДНЯО С.И. Кисляк 3 мая 2005 г., «к сегодняшнему дню Россия сократила нестратегические ядерные вооружения в четыре раза». Руководитель американской делегации Ст. Радемейкер заявил на той же конференции 2 мая 2005 г., что «со времени окончания «холодной войны» мы сократили наши нестратегические ядерные вооружения на 90% и демонтировали 3000 ед. таких вооружений».

В количественном отношении, по различным оценкам, российский арсенал ТЯО достигает 3000–4000 единиц²⁰. По данным американских экспертов Р. Норриса и Г. Кристенсена, США имеют около 1300 единиц нестратегических вооружений, из них оперативно развернутых – 500 единиц, в том числе часть авиационных ядерных бомб свободного падения типа *B61*, предназначенных для использования авиацией США и стран НАТО, по-прежнему размещаются за пределами американской территории – на 8 базах в 6 европейских государствах²¹.

Представляется, однако, маловероятным, что в обозримом будущем может быть достигнут сколько-нибудь ощутимый прогресс в согласовании двухсторонних или односторонних договоренностей насчет ограничения и сокращения такого оружия. Достаточно сослаться хотя бы на то, что имеются трудности с точки зрения контроля, поскольку большинство носителей ТЯО имеют двойное назначение, т.е. авиационные носители одного типа могут иметь как ядерное, так и неядерное оснащение, а зачет оружия проводится по носителям.

КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ: ПОЗИЦИИ, ДЕЙСТВИЯ И ПЛАНЫ ДРУГИХ ЯДЕРНЫХ ДЕРЖАВ

Посмотрим, какова реакция других ядерных держав на меняющуюся геополитическую и геостратегическую обстановку с точки зрения перспектив контроля над вооружениями, какие планы они имеют и какие действия предпринимают в отношении дальнейшего развития своих ядерных вооружений с учетом этих новых условий.

Как хорошо известно, ни Великобритания, ни Франция, ни Китай никогда не соглашались вести переговоры об ограничении или сокращении своих ядерных вооружений, что формально является нарушением ст. VI Договора о нераспространении ядерного оружия. Вместе с тем, некоторые из упомянутых стран провели некоторые сокращения в одностороннем порядке.

Так, **Великобритания** за последние годы несколько сократила свои ядерные силы в одностороннем порядке (стало быть, не в соответствии со своими обязательствами по ДНЯО) и, по данным СИПРИ, имеет немногим менее 200 единиц развернутых боеголовок на 4 подводных лодках *Vanguard*, оснащенных ракетами *Трайидент* американского производства, каждая из которых способна доставлять до 3 боеголовок. Однако, как за-

являют британские руководители, ввиду того, что срок эксплуатации этих БРПЛ завершится в не очень отдаленном будущем (примерно к 2025 г.), предстоит до 2010 г. определить, чем заменить эти ракетно-ядерные системы для обеспечения безопасности страны на период до середины нынешнего столетия (а точнее – до 2055 г.). СМИ сообщают о предстоящих дебатах в палате общин по вопросу о том, принимать ли решение об их замене в период функционирования нынешнего лейбористского правительства. Но на практике, как объявил член палаты и бывший министр обороны К. Шорт, премьер-министр Т. Блэр и его нынешний министр обороны Дж. Рид уже приняли решение о проведении таких дебатов²². В обоснование этого министр ссылается на ядерные программы Индии и Пакистана и на иранскую ядерную проблему как свидетельство непредсказуемости глобальной ситуации, правда, не упомянув в этой связи Китай²³.

И хотя никаких официальных решений принято еще не было, министерство обороны уже приступило к масштабной модернизации соответствующих установок в ядерных оружейных центрах Алдермастоне и Бергфилде, на что в течение ближайших трех лет будет потрачен 1 млрд фунтов стерлингов²⁴.

Франция, согласно официальным заявлениям ее представителей, также произвела некоторые изменения и сокращения в своем ядерном арсенале. Были ликвидированы баллистические ракеты наземного базирования, сокращено количество ПЛАРБ, уменьшено общее число носителей ракет, закрыт испытательный полигон на Тихом океане, демонтированы установки по производству оружейных делящихся материалов в Маркуле и Пьерлатте²⁵.

По данным СИПРИ, Франция насчитывает порядка 350 боезарядов для развертывания на стратегических ПЛАРБ, на палубной ударной авиации и бомбардировщиках наземного базирования. При этом Франция продолжает модернизацию своих ядерных сил, включая строительство и ввод в строй третьей и четвертой ПЛАРБ класса *Triomphant*, БРПЛ *M-51* с новой ядерной боеголовкой, крылатой ракеты воздух-земля *ASMPA* и ударных самолетов *Rafale*, способных нести ядерное оружие. Ракета *M-51* большой дальности, превышающей 6000 км (возможно, до 8000 км), позволит французским ПЛАРБ значительно расширить зоны патрулирования и спектр целей. Как недавно заявил президент Ж. Ширак, «в этом быстро переменчивом мире баллистическая ракета *M-51* и усовершенствованная система средней дальности «воздух-земля» (*ASMPA*) дадут нам возможность перекрывать угрозы, откуда бы они ни исходили и каков бы ни был характер таких угроз»²⁶.

О планах Франции в изменяющейся геостратегической ситуации Ж. Ширак достаточно откровенно объявил в своем выступлении 19 января 2006 г., в сущности, провозгласив новую ядерную доктрину. Ввиду ее значительности позволим себе привести некоторые выдержки из выступления французского президента. Ширак начал с того, что подчеркнул наличие «постоянно меняющейся обстановки», характеризующейся в настоящее время «отсутствием прямой угрозы, которая исходила бы от крупной державы». Но окончание холодной войны, продолжал он, «не устранило угрозы миру. Во многих государствах распространяются радикальные идеи, проповедующие конфронтацию между цивилизациями, культурами и религиями. [...] Один из наших приоритетов – борьба с терроризмом. [...] Наш мир постоянно меняется, и ведутся поиски нового политического, экономического, демографического и военного баланса сил. Это характеризуется быстрым возникновением новых полюсов силы».

«И, – продолжал Ширак, – мы не обезопасены ни от внезапного изменения в международной системе, ни от стратегических неожиданностей». Особенное внимание Ширак обратил на то, что «имеют место притязания на утверждение силы, основанной на владении ядерным, биологическим и химическим оружием». В этих условиях «было бы наивно полагать, что одни лишь предупредительные меры достаточны для того, чтобы защитить нас. Для обеспечения того, чтобы к нам прислушивались, мы должны быть также в состоянии применить силу, когда это необходимо. [...] Ядерное сдерживание остается фундаментальной гарантией нашей безопасности». «Ядерное сдерживание не предназначено для сдерживания фанатичных террористов. И, однако, руководители государств, которые использовали бы террористические средства против нас, а также те,

кто надумает использовать тем или иным способом оружие массового уничтожения, должны знать, что они сами будут подвержены твердому и соответствующему ответу с нашей стороны. Ответ этот мог бы быть конвенциональным. *Он мог бы быть и иного характера* (выделено мной. – Р.Т.)».

Суть новой (новой ли?) ядерной доктрины Франции представляется самоочевидной и в комментариях вряд ли нуждается. Что же делать Франции в этой ситуации? – здесь Ширак предельно ясно формулирует задачу: «Модернизация и адаптация (наших) возможностей необходима, чтобы наше сдерживающее средство сохраняло необходимую надежность в развивающейся геостратегической обстановке».

Все более растущее влияние на геополитическую и стратегическую ситуацию не только в евроазиатском регионе, но и в мире в целом оказывает ракетно-ядерный потенциал **Китая**, опирающийся на его лихорадочно развивающуюся экономику. Китайский ядерный арсенал оценивается в 400–450 единиц боезарядов, предназначенных для развертывания на средствах наземного, авиационного и морского базирования. Основу ядерной триады составляют наземные ядерные силы. Межконтинентальные баллистические ракеты *DF-5A* дальностью 13000 км, т.е. находящиеся в пределах досягаемости США, являются жидкотопливными, они оснащены 4–5 мегатонными боезарядами. Кроме того, имеются свыше 100 ракет промежуточной дальности, развернутых таким образом, что они способны поразить объекты на территориях Индии, Японии, России и других государств Евразии.

КНР располагает одной атомной подводной лодкой *Xia*, вооруженной 12 твердотопливными двухступенчатыми БРПЛ *Julang-1* дальностью 1700 км, которая курсирует, правда, только в прибрежных водах. Авиационная часть ядерной триады состоит из 120 бомбардировщиков *H-6* и 30 самолетов *Q-5* среднего и меньшего радиуса действия, способные нести ядерные боезаряды. Дальность действия бомбардировщиков *H-6* составляет свыше 3000 км. КНР закупает у России многоцелевые самолеты *Su-30* и *Su-27*, при этом предполагается, что они переоборудуются для выполнения боевых задач, связанных с ядерным оружием. Китай располагает спутниковыми системами наведения ракет²⁷.

Поскольку Китай обладает ограниченным потенциалом нанесения ответного удара, он особенно обеспокоен перспективой создания системы ПРО. Такая система, защищающая территорию Соединенных Штатов, наряду с современной системой ПРО ТВД, которую США могут продать Японии и Тайваню, существенно затруднили бы китайское военное планирование. В этом случае американцы получили бы теоретическую возможность уничтожить китайские силы сдерживания. В случае если обеспокоенность КНР возможностью избежания ее безопасности существенно возрастет, Пекин, вероятнее всего, будет вынужден увеличить количество развернутых носителей и боезарядов, повысить объемы производства запланированных к выпуску систем оружия и приступить к созданию и развертыванию средств противодействия системам ПРО²⁸.

Китай весьма обеспокоен принятым Японией в 2003 г. решением вложить первый миллиард долларов в разрабатываемую американцами систему ПРО морского и наземного базирования, на которую предполагается истратить еще несколько миллиардов долларов, прежде чем она будет полностью развернута, вероятно, не ранее 2011 г. Эта система, на словах предназначенная для того, чтобы отразить ракетную атаку Северной Кореи, может быть использована для защиты от китайской ракетной угрозы, а ее компонент морского базирования может быть развернут для защиты Тайваня²⁹.

По расчетам министерства обороны США, Китай имел около 20 МБР, способных поражать цели на территории США, при этом предполагалось, что их количество возрастет примерно до 30 единиц в 2005 г. и, возможно, до 60 единиц к 2010 г. По прогнозам ЦРУ, общие размеры китайского стратегического ракетно-ядерного арсенала в течение ближайших 15 лет возрастут до 75–100 боезарядов, развернутых «в основном против США». А вот китайский специалист Хуэй Чжан писал, что если США не стали бы создавать систему ПРО, то Китай имел бы к 2015 г. не более 50 МБР. Но в случае развертывания американцами 100–250 перехватчиков Китаю потребуются 100–300 МБР для преодоления ПРО США³⁰.

Китай с середины 1980-х гг. разрабатывает три новые баллистические ракеты: мобильную трехступенчатую и твердотопливную МБР *DF-31 (CSS-X-10)*, новую версию *DF-31* с увеличенной дальностью действия и БРПЛ *Julang-II («Большая волна»)*. Разрабатывается еще одна МБР *DF-41* дальностью 12000 км, которая будет развернута в ближайшие годы и будет способна поразить цели на всей территории США. Продолжается также создание АПЛ проекта *094*, которая будет оснащена 16 БРПЛ *Julang-II*.

Если Китай, как ожидается, попытается в ближайшее время овладеть технологией РГЧ, то, по оценкам ЦРУ, одним из вариантов может стать использование ракеты *DF-31* для разработки простых систем РГЧ или РГЧ ИН на уже существующих МБР *DF-5*³¹. По мнению специалистов, «ключевой сферой модернизации и роста являются увеличение количества и повышение точности баллистических ракет средней и меньшей дальности»³². Некоторые специалисты задаются вопросом, не объясняется ли постоянное уклонение Китая от ратификации ДВЗЯИ стремлением сохранить возможность проведения ядерных испытаний для отработки зарядов для РГЧ ИН, если этот Договор так и не вступит в силу.

Как сообщала *Washington Post* 12 апреля 2005 г., «в течение последних недель президент Буш и его старшие сотрудники, включая министра обороны Д. Рамсфельда, государственного секретаря К. Райс и директора Центральной разведки П. Госса, выразили озабоченность по поводу наблюдающегося в последнее время роста военных возможностей Китая и их влияния на региональный баланс сил». Невольно возникает вопрос: в оправдание своего нового курса в руководстве Соединенных Штатов часто говорят о неопределенности и непредсказуемости мировой обстановки, но не сам ли Вашингтон подталкивает те или иные страны к действиям, которые и вызывают подобные изменения на международной арене?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется очевидным, что система контроля над вооружениями в последние годы переживает сложную эволюцию, в ходе которой меняются ее содержание и формы. Но безусловно и то, что и до, и после наступивших перемен она, эта система, продолжает играть значительную роль в качестве важного сдерживающего фактора в целях недопущения использования оружия массового уничтожения, как и фактора, способствующего некоторому ограничению и сокращению таких вооружений. В течение многих десятилетий она является существенной составляющей международно-правового поля, и вряд ли кто-либо возьмется подвергать это сомнению. Время от времени делаются наскоки на те или иные отдельные элементы системы контроля над вооружениями, но, как правило, она в целом, хотя и не без труда, выдерживает попытки проделать в ней бреши.

Нынешние шаги по дальнейшему формированию режима контроля над вооружениями, в частности Договор СНП, дающий заключившим его сторонам большую свободу маневрирования в рамках заданных количественных пределов, адекватно отвечают потребностям нового этапа в развитии геополитической и геостратегической обстановки, характеризующейся меньшей предсказуемостью и определенностью, чем предыдущий период биполярной модели мироустройства.

Вместе с тем не может не вызывать озабоченности то обстоятельство, что наблюдается замедление процесса подпитки режима контроля над вооружениями новыми коллективными действиями по ограничению вооружений как на двухстороннем, так и многостороннем уровнях.

Приближается срок окончания действия Договора СНВ – 2009 г. Пора определяться, как быть дальше, напрашивается вопрос, не следует ли продлить его на определенный срок и, может быть, при этом договориться, не меняя текста договора, такими усилиями подготовленного, о приостановке действия некоторых слишком обременительных, но не столь сегодня необходимых методов его верификации и, возможно, обговорить некоторые другие уточнения.

Не так уж много времени (а ведь договоры о стратегических вооружениях разрабатываются годами) остается до истечения срока Договора СНП – 2012 г. Россия не раз высказывалась в прошлом за установление более низких количественных параметров – 1500 и даже 1000 единиц боезарядов. Нынешняя администрация США не склонна ответить взаимностью. Пока не ясно, как в этих условиях поступить, но очевидно и то, что жизненно важным интересам обеих сторон не отвечает приостановление процесса ограничения стратегических вооружений и, тем более, его прекращение. Это послужило бы сигналом для других ядерных (а также и неядерных) государств об открытии полного простора как для создания, так и наращивания таких вооружений.

В том, что касается многостороннего контроля над вооружениями, то в данное время с учетом нынешних позиций таких стран, как Китай, Индия, Пакистан и некоторых других, трудно предлагать рецепты в отношении достижения какого-либо сдвига в решении проблемы КЗПРМ. Но можно было бы попытаться что-то сделать относительно КБТО. Если пока никак не получается выработать верификационный протокол к конвенции, то, может быть, имело бы смысл разработать хотя бы систему некоторых мер доверия и транспарентности, направленных на укрепление этого международного инструмента.

Представляется, что российская внешняя политика могла бы в нынешних условиях и с учетом ее возрастающих реальных возможностей играть более инициативную роль в поисках путей поддержания и развития международного режима контроля над вооружениями.

Примечания

¹ Впервые этот термин появился в американских документах и в литературе в 1950–1960-х гг. Он вошел и в название созданного в США в 1961 г. Агентства по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР). Поначалу в СССР его игнорировали, предпочитая термин «разоружение», но постепенно он все же стал входить и в наш лексикон. Автор настоящей работы в своей монографии «Контроль над ограничением вооружений и разоружением», вышедшей в 1983 г. в издательстве «Международные отношения», дал ему такое определение: «Термин *Arms Control* действительно было бы правильно переводить как «регулирование, сдерживание вооружений...» (С. 20).

² Steinbruner John. Can Arms Control Be Revived? *Arms Control Today*. 2005, Vol. 35, No. 2, March. P. 45.

³ Примерно в этом направлении мыслят и некоторые американские аналитики, в частности Майкл Ливай и Майкл О'Хэнлон (Michael A. Levi & Michael E. O'Hanlon. *The Future of Arms Control*. Wash., D.C.: Brookings Institution Press, 2005. P. 1).

⁴ Savel'yev Aleksandr G. and Detinov Nikolay N. *The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union*. Westport, CT, and L.: Praeger, 1995. P. 2.

⁵ Kissinger Henry. *White House Years*. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1979. P. 537.

⁶ Garthoff Raymond L. *Detente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1985. P. 16.

⁷ Впрочем, иногда раздаются голоса в пользу денонсации договора РСМД, причем со стороны ответственных российских военных представителей. Вряд ли это делается с прицелом на Западную Европу. Значит, имеется в виду Южная или Восточная Азия? (*Независимая Газета*. 2006, 1 марта).

⁸ Как писали уже цитировавшиеся выше американские аналитики Майкл Ливай и Майкл О'Хэнлон, «сегодняшняя стратегическая обстановка характеризуется не столько соперничеством между великими державами, сколько проблемой слабых государств и опасных негосударственных игроков» (Levi Michael, O'Hanlon Michael. P. 18).

⁹ Генерал Роберт Гард и Джон Айзекс. Council for a Livable World. 2006, февраль; Руководитель Агентства США по ПРО (US Missile Defense Agency) генерал Генри Оберинг (*Fairbanks Daily News-Miner*. 2006, February 5).

¹⁰ В то же время предусматривается выделение крупных средств на переоборудование ядерных БРБЛ на боеголовки, оснащенные обычными боезарядами.

¹¹ *Arms Control Today*. 2005. Vol. 35, No. 10, December. P. 25.

¹² Андришин Игорь, Михайлов Виктор, Трутнев Юрий, Чернышев Александр. Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века. *Ядерный Контроль*. 2005, № 2(76). С. 27–37.

¹³ В английском тексте договора слово «потенциал» не употребляется. Там говорится: «Treaty on Strategic Offensive Reductions».

¹⁴ Заявление представителя РФ на Конференции по разоружению В.В. Лощинина 28 февраля 2006 г. *РИА Новости*. 2006, 28 февраля.

¹⁵ *Красная Звезда*. 2006, 31 января. Если *Тополь-М* заявляется как модернизированный вариант МБР *Тополь*, то поскольку мы при заключении СНВ-1 уже отнесли последнюю ракету к категории однозарядных, оснащать этот вариант ракеты можно будет только после окончания действия договора в 2009 г. или ранее, но по дополнительной договоренности.

¹⁶ Балувевский Юрий. Генеральный штаб и задачи военного строительства. *Красная Звезда*. 2006, 25 января.

¹⁷ *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2006, January/February P. 68–71.

¹⁸ Калинина Н.И. Конвенция о запрещении химического оружия: проблемы и перспективы. М.: Научные Записки ПИР-Центра. 2003, № 3(24). С. 113.

¹⁹ Michael A. Levi & Michael E. O'Hanlon. P. 78.

²⁰ Дьяков А.С., Мясников Е.В., Кадышев Т.Г. Нестратегическое ядерное оружие. Проблемы контроля и сокращения. Долгопрудный: Издание Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МИФИ, 2004. С. 11.

²¹ *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2006, January/February P. 68–71.

²² *Independent*. 2005, November 1. Цит. по: *Disarmament Diplomacy*. 2005, № 81, Winter. P. 71.

²³ *Arms Control Today*. 2005, Vol. 35, No. 10, December. P. 38.

²⁴ *Disarmament Diplomacy*. 2005, № 81, Winter. P. 68.

²⁵ Заявление представителя Франции на Конференции по разоружению Фр. Ривассо 7 февраля 2006 г.

²⁶ Известный французский аналитик Бр. Тертрэ из Фонда стратегических исследований в своем комментарии от 23 января 2006 г. интерпретировал заявление Ширака таким образом, что президент имел в виду «возможное появление новых враждебных держав, особенно на Среднем Востоке, в Южной или Восточной Азии».

²⁷ Zhang Ming. China's Changing Nuclear Posture. Reactions to the South Asian Nuclear Tests. Wash., D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999. P. V and 2–3; Ежегодник СИПРИ за 2003 год. С. 742.

Китай вывел на орбиту группировку из трех спутников для космической навигации, известную под названием *Бейдоу*, которая может предоставить достаточную точность для применения РГЧ ИН. (Джеффри Форден. Военные возможности и значение местной китайской спутниковой навигационной системы. *Наука и Всеобщая Безопасность*. 2005, Том 12, № 3. С. 35–46).

²⁸ *Deadly Arsenals*. Wash., D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 143–144.

²⁹ Бэйтс Гилл. Новая политика Китая в области обеспечения безопасности на многосторонней основе и ее реализация в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ежегодник СИПРИ за 2004 год. М.: Наука, 2005. С. 270.

³⁰ *Arms Control Today*. 2005, Vol. 35, No. 10, December. P. 9.

³¹ Ежегодник СИПРИ за 2003 год. С. 741.

³² Zhang Ming. P. 3.

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ПРОБЛЕМАМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ОМУ ДЛЯ ЭКСПЕРТОВ ИЗ РОССИИ И СТРАН СНГ

9–16 июля 2006 г., Подмосковьё

Целью программы, организуемой ПИР-Центром и Центром изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований (США), является повышение квалификации молодых специалистов из государственных и негосударственных структур, которые работают в области нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями, а также научных сотрудников, аспирантов, учащихся старших курсов вузов, журналистов, интересующихся этими вопросами.

Участие в Летней школе позволит слушателям расширить представление о региональных аспектах проблемы нераспространения ОМУ и средств его доставки, угрозе терроризма с использованием оружия массового уничтожения и роли механизмов экспортного контроля в предотвращении распространения чувствительных материалов. Одновременно участникам программы будут даны практические рекомендации по решению проблем, с которыми сталкиваются молодые политики, эксперты и управленческий персонал в реальной жизни.

В рамках курса лекций планируется участие ведущих российских специалистов в области нераспространения, в частности, таких как:

- АХТАМЗЯН** И.А., доцент МГИМО, кандидат исторических наук;
- ЕВСТАФЬЕВ** Г.М., старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке);
- ОРЛОВ** В.А., директор ПИР-Центра, кандидат политических наук;
- СОКОВ** Н.Н., старший научный сотрудник Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, доктор политических наук;
- ТИМЕРБАЕВ** Р.М., председатель Совета ПИР-Центра, доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол;
- ХЛОПКОВ** А.В., заместитель директора ПИР-Центра;
- ЧУЕН** Кристина, старший научный сотрудник Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований.

Также планируется, что с лекциями перед слушателями выступят эксперты Министерства иностранных дел РФ, Федерального агентства по атомной энергии, Счетной Палаты РФ.

Курс является бесплатным для его участников. Организаторы полностью несут расходы по проезду, проживанию и питанию участников программы, а также обеспечивают их необходимыми раздаточными материалами и литературой. Набор участников программы осуществляется на конкурсной основе.

Заявки на участие в Летней школе необходимо отправлять на имя заместителя директора ПИР-Центра А.В. **Хлопкова** по факсу +7-495-234-9558, или по электронной почте: votnovskaya@pircenter.org

В 2005 г. в Летней школе приняли участие 25 участников из шести стран (Армения, Казахстан, Киргизстан, Россия, Узбекистан, Украина).

Заявки принимаются до **15 мая 2006 г.** включительно. Объявление результатов конкурсного отбора запланировано на **1 июня 2006 г.**

За дополнительной информацией о Летней школе следует обращаться к координатору образовательных проектов ПИР-Центра Екатерине Вотановской по тел.: +7-495-234-0525, факсу или по электронной почте: votnovskaya@pircenter.org

Регион Центральной Азии продолжает привлекать повышенное внимание дипломатов и политологов, военных и экономистов. В советские времена этот регион назывался «советской Средней Азией и Казахстаном» и, таким образом, рассматривался не совсем как некое единое целое. Достаточно неожиданный для правящих элит и населения Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии и Казахстана распад Советского Союза и пренебрежение на первом этапе со стороны новых демократических лидеров Российской Федерации насущными интересами пяти государств в сфере безопасности, политики, экономики и в других областях привело их к необходимости объединения основных усилий в целях выживания в сложившейся принципиально новой ситуации и как одно из следствий к совместному решению называть регион Центральной Азией (ЦА). (Правда, говорят, что И.А. Каримов считал возможным сохранить старое название *Средняя Азия*, но Н.А. Назарбаев настоял на его смене.)

Надо отдать должное правящим элитам центральноазиатских государств: оказавшись в крайне сложных условиях, они сумели, естественно, в разной степени, но в целом достойно справиться с этим необычным вызовом и завершить первый, но, возможно, самый серьезный этап формирования своих независимых государств и стать признаваемыми всеми партнерами на международной арене.

Однако впадать в преждевременную эйфорию руководству стран ЦА не стоит, поскольку всем государствам региона еще только предстоит пережить драматическую смену элит со всеми вытекающими политическими последствиями. Надо сказать, что в ряде стран, и прежде всего в США, все еще не сложилось однозначного понимания относительно границ ЦА. Если Государственный департамент США объединяет пять центральноазиатских государств в одну группу с Россией (и Госдепу нельзя отказать в достаточной обоснованности такого взгляда на политические реалии), то *горячие американские парни* из Центрального Командования (*Сентком*) США и, естественно, из Пентагона с далеко идущим прицелом рассматривают как единое целое Афганистан и пять центральноазиатских стран, создавая, таким образом, новое географическое понятие. Оно уже получило свое официальное название в западных политологических кругах – «Большая Центральная Азия (БЦА)», и уже развиваются концепции создания Партнерства для Большой Центральной Азии (ПБЦА)¹.

Однако некоторые американские военные уже идут дальше. Речь идет о том, что Центральная Азия вместе с Кавказом составляют некое *Транскаспийское пространство*, являющееся по нынешнему пониманию стратегов из Пентагона ключевым для «проецирования военной мощи» на целый ряд наиболее важных для Соединенных Штатов регионов мира². Само пространство детально не обозначается и нарочито носит несколько расплывчатые очертания. Однако очевидна прочная увязка «транскаспийского пространства» с самим Каспийским морем и его прибрежной полосой и, кроме того, с проблемой доступа к немалым энергетическим ресурсам региона. Таким образом, далее

при изложении материала автор намерен опираться на последние географические новации, исходящие из американских источников, чтобы точнее проследить процесс эволюции американских подходов к ситуации в ЦА и постараться разобраться в возможных последствиях для обеспечения безопасности в этом регионе, имеющем по многоплановым причинам огромное значение и для безопасности России.

ВЗГЛЯДЫ АДМИНИСТРАЦИИ Б. КЛИНТОНА НА БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1990-Е ГОДЫ КАК ОТПРАВНОЙ ПУНКТ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ США С ОБРАЗОВАВШИМИСЯ НЕЗАВИСИМЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ РЕГИОНА

Применительно к Центральной Азии западные авторы на разные лады рассматривают самые разные варианты *Большой игры* – образное выражение, выкованное еще в XIX веке Р. Киплингом как раз для ситуации в районе, во многом совпадающем с нынешней Центральной Азией, где в свое время шли империалистические баталии между тогдашними великими державами. США тогда еще не дозрели до участия в этих баталиях. В середине же XX века они уже стали активными участниками *Больших игр*, а к концу прошлого века и главными заперщиками многих событий, которые здесь происходили. Тем не менее американские представители и в те годы не были замечены в заявлениях о том, что регион ЦА является зоной жизненно важных американских интересов. Как писал еще в 1996 г. директор Института стратегических исследований военного колледжа Армии США полковник Р. Визерспун, «главная забота американцев заключается в оказании содействия тому, чтобы *игра* в Центральной Азии не пошла *по неправильному пути*»³. «*Неправильный путь*» трактовался как возникновение реального внутрорегионального конфликта, могущего втянуть в себя как государства региона, так и страны извне. Какими же виделись угрозы этому региону американским аналитикам в середине 1990-х гг. прошлого столетия?

Подполковник Д. Смит из уже упоминавшегося Института стратегических исследований в своей работе «Центральная Азия: новая большая игра?» пишет: «Самые большие угрозы для Центральной Азии являются внутренними. Болезненный процесс строительства государства, кризис, связанный с легитимностью власти, проблемы, проистекающие из процесса быстрой социальной и экономической трансформации, деградации окружающей среды, деколонизации, этнической пестроты, и возникающие на этой почве пограничные конфликты – вот основные источники нестабильности... Демократия во всех пяти государствах приносится в жертву на алтарь стабильности. Продолжающаяся гражданская война в Таджикистане остается наиболее серьезной внутрорегиональной угрозой безопасности, в то время как гражданская война в Афганистане остается наиболее непосредственной внешней угрозой безопасности вне пределов региона»⁴.

Д. Смит делает и другой достаточно объективный вывод. Хотя, по ее мнению, определенная нестабильность, которая в те годы была очевидной для всего региона, и представляла некоторые благоприятные шансы по укреплению своего влияния таким странам, как Иран и Китай, последние, однако, понимали, что попытки активно воспользоваться ими могут «срикошетить», и поэтому они, наряду с Россией, Индией и даже Пакистаном, каждая страна по-своему, не отказываясь от расширения своего влияния, все же вносила некоторый вклад в укрепление стабильности и безопасности в регионе. Наиболее убедительным примером таких усилий является, безусловно, прекращение гражданской войны в Таджикистане – путем терпеливого и взвешенного достижения национального примирения между здоровыми силами и нейтрализации экстремистских группировок. Россия, на наш взгляд, внесла решающий вклад в достижение этого исторического компромисса, о чем, правда, в США предпочитают не вспоминать. Не в последнюю очередь укреплению стабильности способствовало создание СНГ и в 1992 г. заключение в Ташкенте официального Соглашения о коллективной безопасности, которое Москва поддержала командированием 25 тыс. миротворцев для Таджикистана и выделением пограничных сил для охраны внешних рубежей СНГ, что не было проявлением альтруизма, а соответствовало также интересам самой России.

В 1990-х гг. США рассматривали крепкую, развивающуюся экономику условием и предпосылкой для политической стабильности и постепенного укрепления демократии в странах Центральной Азии, что, безусловно, несколько сближало американские и российские взгляды на проблемы региона.

Теперь, спустя 10 лет, стала очевидной некоторая поспешность вывода о том, что «Америка не имеет жизненно важных интересов в Центральной Азии и не будет принимать на себя ответственность за ее безопасность. Основной фокус усилий в политике на этом направлении (как тогда многим казалось. – Прим. автора) будет сосредотачиваться на «контроле ущерба» (*damage control*), т.е. недопущении эскалации существующих проблем и превращении их в кризисы»⁵. Имеющиеся (неполные) данные бюджетных ассигнований на помощь странам ЦА для укрепления безопасности в бюджете США за 11 лет (1992–2003 гг.), составивших в общей сложности для всех пяти стран всего 705 млн долл., свидетельствуют о том, что этот вывод некоторое время подтверждался конкретной практикой, тем более, что из этой суммы около 350 млн долл. были использованы на такие проекты американской заинтересованности, как «Совместное снижение угрозы», и в основном были потрачены на свертывание ядерного комплекса, оставшегося от СССР в Казахстане (228 млн долл.), и объектов биологического профиля в Узбекистане (90 млн долл.)⁶.

Страны региона, со своей стороны, по-своему поняли преобладавшую тогда в американских подходах пассивную тенденцию и в декабре 1995 г. в Алма-Ате провели конференцию «Международное сотрудничество и меры доверия в Азии». Поскольку страны ЦА имеют широкую структуру соглашений и договоров по военному сотрудничеству и безопасности с Россией, то налаживание внутрирегионального сотрудничества между ними является весьма обнадеживающей перспективой. 10 лет тому назад американские аналитики признавали, что территориальная целостность и политическая безопасность достаточно надежно обеспечиваются соглашением о коллективной безопасности СНГ. Но российские обоснованные утверждения о том, что Москва считает, что она имеет особые интересы в ЦА, уже в тот период вызвали как глухое, так и открытое недовольство со стороны американского политического и военного истеблишмента.

Давно известно, что, считая себя единственной супердержавой в мире, наши американские партнеры априори исходят из постулата о том, что особые или, как они говорят, «жизненно важные интересы» в любом районе мира могут иметь только Соединенные Штаты Америки, которые должны всячески препятствовать в реализации особых интересов, в том числе обоснованных, другим государствам мира, обвиняя последних в «имперских замашках». Аналогичные обвинения выставляются и против Китая.

В Вашингтоне как малозначительные рассматривают такие факты, как столетия совместной истории государств, входивших ранее в состав Российской империи и затем в состав Советского Союза. Беспрепятственное получение независимости государствами ЦА, сохранение многих выгодных аспектов единого хозяйственного механизма, сложившегося за многие десятилетия, предоставление Россией гражданам СНГ возможности трудиться на территории российского государства и переводить в свои страны миллиарды долларов, заработанных здесь, тем самым существенно улучшая экономическое положение в своих странах (что, кстати, во много раз превышает всю обещанную на Западе помощь, которая зачастую не поступает полностью), – все это замалчивается. Мы уже не говорим о многих миллионах русских людей, продолжающих составлять цвет местной интеллигенции в большинстве стран ЦА. Мы уже не говорим о вкладе России в практическое обеспечение безопасности в ЦА – регионе, в отличие от Америки непосредственно примыкающем к нашим, да и к китайским границам, и где нам было бы неприятно, если бы там в одностороннем порядке производились политические и военные маневрирования сомнительного свойства.

На заключительном этапе пребывания у власти администрации Клинтона начали проявляться более отчетливые признаки готовящегося поворота в политике США в отношении ЦА, который обозначился принятием в марте 1999 г. Конгрессом США так называемого «Акта о стратегии в отношении “шелкового пути”» (*Silk Road Strategy Act*)⁷. Новое законодательство было нацелено на «поддержку экономической и политической независи-

мости ЦА и Южного Кавказа». Антитеррористическая направленность усилий в тот период проявилась лишь после вооруженного вторжения Исламского движения Узбекистана (ИМУ) в Киргизию в июле-августе 1999 г. Судя по заявлению нынешнего посла США в Бишкеке, американцы продолжают эксплуатировать этот факт и в наши дни, заявляя, что ИМУ представляет собой самую большую угрозу для интересов США в Центральной Азии.

К сожалению, несмотря на заявленное намерение США, другие западные страны не внесли какого-то перелома в одну из главных проблем ЦА – наркотрафик из Афганистана, не говоря уже о борьбе с транснациональной преступностью. Прорекламированная помощь в развитии экономики свободного рынка и его инфраструктуры вообще оказалась иллюзией, быстро разрушившейся при столкновении с местной реальностью. Зато обнаружился важный и перспективный участок взаимодействия – «финансирование иностранных военных», составившее почти 100 млн долл.⁸. Думается, что в середине 1990-х гг. в США шло серьезное переосмысление вновь открывшихся в результате распада СССР стратегических возможностей, и часто упоминавшаяся задача «контроля ущерба» по существу была попыткой выиграть время и стремлением «заморозить» ситуацию с наметившимся восстановлением влияния Москвы и, как тогда казалось в Вашингтоне, временным отсутствием достаточных собственных рычагов влияния и реальных политических сил, на которые можно было бы опереться при продвижении в этот важный регион. Но уже тогда американским политологам и военным аналитикам была очевидна значительная ценность и «геополитическая центральность ЦА (просьба извинить за тавтологию) и направлений, расходящихся из нее, как стрелы, во все уголки жизненно важного региона, каким является Азия, и сопредельных районов»⁹. Дело оставалось за временем, случаем и волей. Все это не заставило себя долго ждать.

АДМИНИСТРАЦИЯ ДЖ. БУША-МЛ.: ПЕРЕСМОТР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ И МЕТОДОВ ПРОВЕДЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЛИНИИ

Приход республиканцев к власти в 2001 г. был на первом этапе недооценен большинством политических аналитиков. Учитывая присутствие в новой администрации многих влиятельных деятелей из прошлой республиканской администрации Дж. Буша-старшего, считали, что во внешней и оборонной политике США будет иметь место в основном преемственность и возвращение к тем постулатам и концепциям, которые преобладали при Буше-отце. Однако эти предположения не учитывали многих обстоятельств. Правящая группировка республиканцев за восемь лет отсутствия во власти провела всесторонний анализ сложившейся после крушения СССР мировой ситуации и пришла к выводу о том, что настала эпоха почти безраздельного доминирования Соединенных Штатов. Известный американский журналист Дж. Манн пишет, что надежды на преемственность курса не оправдались. «С самых первых месяцев у власти новая команда Буша по внешней политике дала понять, что будет вести дела с остальным миром по-новому. Сам стиль ее поведения с первых шагов отличался от того, что было при прошлой республиканской администрации... Она проявила откровенный скептицизм относительно ценности многих международных соглашений и договоров, утверждая, что они не в интересах Америки»¹⁰. В 2001–2002 гг. администрация Буша вбросила в международный оборот целый пакет заранее подготовленных новых идей и доктрин, которые были очевидным отходом от стратегии США в прошлые годы. По существу в это время администрация в Вашингтоне заявила остальному миру, что она, по большому счету, не собирается придерживаться политики сдерживания и разрядки и будет в глобальном масштабе реализовывать свое неоспоримое стратегическое и военное преимущество везде, где сочтет необходимым. США готовы пойти даже на осознанную дестабилизацию обстановки по своему усмотрению, в том числе и путем нанесения упреждающего удара (*Preemptive Attack*). Как известно, такое не заставило себя долго ждать. Особую роль в морально-политическом утверждении «доктрины Буша-мл.» сыграли трагические события 11 сентября 2001 г., связанные с уничтожением террористами башен-близнецов Международного торгового центра. По мнению некоторых аналитиков, это было выражением столкновения «лоб в лоб» глобального напора американского могущества и не менее гло-

бальных намерений религиозно-экстремистских сил мусульманского мира, подпитанных безнадежно запущенными социальными проблемами в «третьем мире», за влияние в ряде важнейших регионов планеты.

Используя широкую солидарность с американским народом, возникшую после небывалых террористических актов в сентябре 2001 г., администрация Буша начала «войну с мировым терроризмом», которая оказалась весьма своевременным подспорьем, предоставленным международным терроризмом для реализации основных постулатов, выдвинутых Вашингтоном подходов к решению острых мировых проблем. Ставка была сделана на силовые методы борьбы с терроризмом и, как сопутствующее, на развитие и усиление влияния в ключевых районах мира, в том числе и ранее недоступных для военно-стратегического присутствия США. Именно в этот момент и в этих обстоятельствах удалось совершить администрации США, при молчаливом согласии Москвы, как представляется, временный геостратегический прорыв в регион Центральной Азии, который в принципе был задуман еще до событий сентября 2001 г.

США начали и продолжают вести войны в Афганистане и Ираке, которые потребовали концентрации в этих странах и прилегающих регионах значительных воинских подразделений и сил ВВС и ВМС, заключения разного рода соглашений и договоренностей, связанных с базированием и доступом, а также с использованием воздушного и морского пространства многих государств. Как отмечает директор Института стратегических исследований Военного колледжа армии США Д. Лавлас, «американские военные разместили свои силы в регионах Центральной Азии и Кавказа, т.е. в тех районах, где присутствие еще не так давно не могло даже присниться». Таким образом, «Транскаспийское пространство» по многим причинам, и не только в связи с энергетическим фактором, стало зоной стратегического значения для США¹¹. В первые полгода своего пребывания у власти администрация Буша по инерции еще сохраняла основные элементы подходов клинтоновской концепции (политические и экономические реформы, региональная безопасность), но уже к концу 2000 г. и в администрации Буша, и в Конгрессе США усилилось чувство разочарования отсутствием прогресса в направлении демократизации по-американски во всех центральноазиатских государствах, особенно в Киргизии, в которую в этом плане были вложены большие усилия, а также в Узбекистане, чей «портфель» нарушений в области прав человека всегда представлялся большинству американских политиков неприемлемым.

В конце 2001 г. в Сенате США был создан новый Подкомитет по делам Центральной Азии при Комиссии по иностранным делам, что само по себе подчеркнуло резко возросшее значение, которое Вашингтон стал придавать региону ЦА после террористической атаки в Нью-Йорке. Фактически борьба с терроризмом привела к ускоренной реализации задуманных ранее драматических изменений в американской внешней политике. Можно говорить, что международные террористы опередили Буша и нанесли неожиданный удар по самой американской территории, в то время как борьбу с терроризмом, видимо, изначально собирались вести на чужой территории. Выступая 13 декабря 2001 г. во вновь созданном Подкомитете, тогдашний заместитель госсекретаря США Э. Джоунс (дочь вице-президента США Д. Чейни) уже следующим образом сформулировала долгосрочные интересы Вашингтона в ЦА: «Первое – предотвращение распространения терроризма; второе – оказание странам ЦА помощи в деле проведения экономических и политических реформ; третье – обеспечение безопасного и транспарентного развития каспийских энергетических ресурсов». Такая постановка приоритетов, как мы видим, уже существенно отличалась от, как считалось, беззубой, клинтоновской модели. Быстро определилась и ключевая страна, на которой сосредоточились основные американские усилия. Ею стал Узбекистан. Уже в 2001 г. Ташкент получил для активизации своего участия в антитеррористической деятельности дополнительно 25 млн долл. по линии финансирования иностранных военных (*Foreign Military Financing*), 18 млн долл. – на цели нераспространения, антитерроризма и разминирования и 40,5 млн долл. – из фондов «Поддержки свободы»¹². Правда, Конгресс несколько подпортил игру администрации Буша, потребовав от Госдепартамента каждые полгода сообщать о результатах использования Узбекистаном американской военной помощи и о нарушениях прав человека, превратив последнее требование в инструмент давления как на Узбекистан, так

и на саму администрацию Буша. (Правда, надо сказать, что идеологически администрация Клинтона и здесь явилась первооткрывателем, договорившись с Ташкентом о создании в 1998 г. американо-узбекской двухсторонней комиссии по борьбе с террористической сетью У. бен Ладена). Малая польза от этого мероприятия выявилась в сентябре 2001 г.

КОНЦЕПЦИЯ «РЕВОЛЮЦИИ В ВОЕННЫХ ДЕЛАХ» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Среди основополагающих принципов выражения американских интересов в сфере безопасности в регионе Центральной Азии имеется «предотвращение враждебного доминирования в ключевых районах и поддержание стабильного баланса сил; обеспечение доступа к ключевые рынки и к стратегическим ресурсам; противодействие появлению угрозы с территорий слабых (!) государств; сохранение коалиций и, наконец, готовность к вмешательству в случае неожиданных кризисов»¹³.

Особо хотелось бы отметить, что известный установочный документ Пентагона уже при администрации Буша — *Quadrennial Defense Review* – (октябрь 2001 г.) провозглашает важную принципиальную задачу, которая определила курс последующих действий Пентагона в Центральной Азии. Была поставлена задача постоянной готовности сил «передового сосредоточения» для различных чрезвычайных ситуаций по всему миру и расширения базирования за пределами Западной Европы и Северо-восточной Азии и получения *временного доступа к объектам в тех районах, где у США нет баз*¹⁴. Была сделана ставка на перевод военной машины на новые технологии и адаптацию имеющегося потенциала к изменяющемуся стратегическому окружению. Как известно, мышление военных и политиков нынешней администрации стали определять две модные концепции, одна из них – революция в военных делах (*Revolution in Military Affairs*), согласно которой американские вооруженные силы могут быть размещены в *любой точке мира и могут быть должным образом оптимизированы способностью глобального проецирования мощи*. В этой связи новые театры применения ВС – такие, как Центральная Азия – приобретают для Америки значительное стратегическое значение. Параллельно, согласно *Revolution in Strategic Affairs*, идеи военных нашли политическую поддержку, так как ЦА была определена потенциальным театром стратегических операций. Это уже заявка на долгосрочное и одностороннее доминирование в данном регионе¹⁵.

В результате военное присутствие США в ЦА и на Кавказе резко возросло, были получены возможности для временного передового базирования в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, доступ в воздушное пространство и ограниченное использование баз в Казахстане и даже в Туркмении. Появилась также возможность начать создание коалиций путем направления высокопоставленных миссий в ЦА. Свою роль стали играть такие направления, как обмен разведывательной информацией и координация действий с *Сенткомом* ВС США, в чью зону ответственности Центральная Азия теперь прочно вошла. В контексте этих усилий были получены права на базирование на узбекской базе ВВС Карши-Ханабад (по американскому сокращению – «база К-2»), но при условии, что она не будет вовлечена в размещение наземных войск, предназначенных для вторжения в Афганистан. (Однако с самого начала это условие не было выполнено, о чем повествует в своей книге главнокомандующий *Сенткома* ВС США генерал Т. Фрэнкс: «Что прошло не отмеченным во время совместной пресс-конференции Д. Рамсфелда и И.А. Каримова (речь идет о встрече в марте 2002 г.), это то, что узбекский президент согласился на размещение на узбекских военных базах американских сил для проведения специальных операций. Президент обещал свою поддержку коалиционным усилиям, но он нуждался в защите от критики внутри страны. Но даже в тот момент, когда Каримов вместе с Рамсфелдом делал заявление о готовности своей страны способствовать гуманитарной поддержке, подразделения сил специального назначения полковника Дж. Мулхолланда были уже хорошо укрыты в Узбекистане и развертывали на «К-2» *Task Force Dagger*, готовясь к переброске ее в лагеря Северного Альянса»¹⁶. Мы не против подобного рода операций в борьбе против террористов, но сама ситуация скрытности дейст-

вий от других союзников заставляет задумываться об искренности и истинных замыслах партнера.

События с американским проникновением в ЦА по военной линии развивались стремительно. Кроме Узбекистана, 5 декабря 2001 г. Госдепартамент США подписал соглашение с киргизской стороной о доступе к военным базам на территории последней, что позволило американским ВС использовать аэропорт *Манас*, который они для внутреннего потребления сразу переименовали в авиабазу им. Петера Ганси (шеф пожарной службы Нью-Йорка, погибший при атаке террористов на башни Всемирного торгового центра). Поначалу права базирования были предоставлены на один год, затем продлены еще на один год, а затем 5 июня 2003 г. Киргизия приняла на себя обязательство продлить права базирования еще на три года. (Ценой огромных дипломатических усилий К. Райс после свержения А.А. Акаева удалось сохранить базу за ВС США).

Ганси – весьма активно работающая база, на которой находятся в общей сложности 1300 американцев и южнокорейцев, которыми, судя по всему, Акаев хотел несколько смягчить неблагоприятное впечатление, возникшее в Москве и Пекине. Важным является то обстоятельство, что на базе получили работу около 300 киргизов, значение чего в условиях огромной безработицы в стране нельзя преуменьшать.

14 мая 2002 г. Киргизия прикомандировала к *Сенткому* США пять военных представительств. Расчет Акаева, по-видимому, был и на то, что заинтересованность США в базе Ганси стимулирует американскую готовность в поддержке его режима против «оранжевых революций» и что американцы помогут сдерживать оппозиционеров из *Хизб-ут-Тахрир* (ХТ) (с опорными городами Ош и Джелалабад), которые и возглавили в скором будущем выступления, приведшие к уходу Акаева.

Пожалуй, президент Акаев не обратил внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, в отличие, например, от Германии США отказываются от внесения ХТ в лист запрещенных экстремистских организаций. (Говорят, это было сделано в противовес Шанхайской организации сотрудничества – ШОС). Во-вторых, даже лидер Исламской партии Таджикистана, ныне заместитель премьер-министра этой страны, Х.А. Тураджонзода утверждает, что *Хизб-ут-Тахрир* рассматривается и США, и большинством стран Запада, прежде всего Великобританией, как некий инструмент для инициирования процессов «демократического перелицовывания» Центральной Азии, поскольку других сил, способных к организации массовых выступлений против правящих элит региона, пока нет¹⁷. Это стало очевидным, когда при проведении в рамках Совета «Россия–НАТО» совместного исследования о террористических угрозах для ЦА представители Великобритании упорно выводили *Хизб-ут-Тахрир* за скобки анализа¹⁸. Но, видимо, руководители других стран ЦА оказываются несколько прозорливее Акаева и делают необходимые поправки на возможные конечные цели американской стратегии в регионе. В конце концов, почти все они вышли из элиты советского времени и, по определению, не могут пользоваться доверием Вашингтона в контексте осуществляемой «Революции в стратегических делах».

10 июля 2002 г. США и Казахстан подписали меморандум о взаимопонимании относительно использования аэропорта Алма-Аты в чрезвычайных ситуациях, когда по погодным условиям киргизский *Манас*, он же *Ганси*, не сможет принимать американские самолеты. Казахстан также предоставил права пролета через казахстанское воздушное пространство, а также транспортную перевозку через свою территорию грузов, направляемых в Узбекистан и Киргизию. В целом речь пока не идет о возможности временного размещения в Казахстане американских военных подразделений. Американцы существенно увеличили свою помощь Астане в обучении казахстанских военных и поставляют им некоторые виды оборудования. Астана прикомандировала к штабу *Сенткома* своих представителей и направила небольшой контингент военнослужащих в Ирак.

Казахстан привлекает внимание американских политиков и военных не только потому, что к 2010 г., по словам президента Назарбаева, страна ежедневно станет производить 1,5 млн бар. нефти в день. Речь идет о Каспии, где США вызвались «в целях улучшения структуры национальной безопасности» обновить военно-морскую базу Ату-

рау. (Более крупная работа по возможному обустройству мобильных сил США идет в Азербайджане. Примечательно, что заместитель госсекретаря США Кеннеди достаточно откровенно высказалась совсем в духе концепции «Революции в стратегических делах»: «США не заинтересованы в стационарных базах в Азербайджане для размещения своих сил. Другое дело, что в рамках *Реконфигурации военного присутствия за рубежом* стоит вопрос для США о доступе в кризисных ситуациях к соответствующим объектам инфраструктуры». И такие объекты на азербайджанской территории уже определены.)

Видимо, в процессе сепаратных переговоров с Казахстаном и Азербайджаном и родился у Пентагона неафилируемый проект «Каспийская стража», основная цель которого предусматривает усилениями трех стран контролировать морские пространства Каспийского моря для перехвата «подозрительных грузов», прежде всего имеющих значение с точки зрения распространения ОМУ. В принципе, нельзя отрицать, что формально цель благородна и актуальна. Непонятно только, почему это делается за спиной России, роль и влияние которой в каспийских делах нельзя переоценить, почему вместо общекаспийского взаимодействия на многосторонней основе, в котором участвовали бы посылно все государства акватории Каспия, вопросы такой важности решаются келейно державой, не принадлежащей к этому региону. А в случае возникновения по-настоящему кризисной ситуации вокруг другого, не участвующего в «Каспийской страже» государства, каким, например, является Иран, возникают еще более серьезные вопросы. Напрашивается догадка о том, кто и зачем мешает реализации российской идеи о создании военно-морской группы оперативного взаимодействия «Касфор», в которой, кстати, учтены и американские озабоченности.

На «круглом столе» в середине ноября 2005 г. в пресс-клубе «Восток» в РИА «Новости» генеральный секретарь Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Н.Н. Бордюжа высказал некоторое недоумение по поводу планов создания узкой организации типа «Каспийская стража», как и вообще по поводу конечной цели всего замысла постоянного доступа на военные объекты. Но это одна из нарастающих проблем в политическом взаимодействии в регионе – проявление узконационального эгоистического видения решения важных общерегиональных задач и отход от поиска совместных ответов на возникающие вызовы. А ведь Россия присоединилась к провозглашенной США в 2003 г. *Инициативе в области распространения (ИБОР)*, проявляет интерес к взаимодействию в этом «процессе».

В свою очередь Таджикистан также разрешил Пентагону (а затем и французским военным) использовать аэропорт Душанбе в экстренных случаях и для дозаправки самолетов. Кроме того, американцам предоставлены права пролета в воздушном пространстве страны. С марта 2003 г. американцы вовлекли Таджикистан в обучение военнослужащих новой афганской армии.

В годовом докладе министра обороны Д. Рамсфелда Конгрессу США «Стратегия Национальной безопасности» за 2002 г. говорится: «Невозможно защититься от каждой угрозы, в каждом отдельно взятом месте и в каждый отдельно взятый момент. Единственная защита — это перенести войну на территорию противника. Лучшая оборона – нападение»¹⁹. Делается официальный вывод о приемлемости для предупреждающей, превентивной стратегии. Утверждается, что «плотность возможностей для базирования войск США и их путей сообщения в Азии ниже, чем в любом другом критическом регионе»²⁰. Отсюда делается вывод, что американским приоритетом должен стать доступ на дополнительные базы, подписание соглашений по созданию инфраструктуры и развитие новых форм сотрудничества в области безопасности.

Во многом вышеуказанные соглашения и договоренности со странами ЦА были опережающим отражением этих подходов. Американские военные признают, что военные ресурсы США в связи с боевыми действиями в Ираке и Афганистане весьма напряжены, но начальник штаба сухопутных войск США генерал Шумейкер подчеркивает, что в этих условиях ключевой задачей становится «стратегическая подвижность». Доступ США на базы и временные пункты базирования в ЦА позволяет американским силам быстро реагировать в случае террористических угроз и *других кризисов в регионе*. Опыт операций

в Афганистане и Ираке дал хороший урок — все надо делать быстро. Такой вывод сделал Д. Рамсфелд уже в докладе Конгрессу в 2003 г.²¹

Высказывания американских деятелей, приведенные выше, содержат много неясных моментов, и думается, что Россия как стратегический партнер США в борьбе с терроризмом вправе настаивать на пояснении хотя бы того, что имеется в виду под «другими кризисами» в регионе. Но смущает другое. Когда говорят о быстроте действий, то не может ли получиться так, что страны ЦА и Россия и оглянуться не успеют, как будут втянуты в очередную американскую «битву со злом»? Показательно в этом смысле заявление заместителя министра обороны США Д. Фейта: «Военные конфликты в период после «холодной войны» требуют быстрой реакции и размещения, поскольку войска передового базирования вряд ли будут сражаться там, где они размещены».

Приводя пример войны в Афганистане как пример глобального проецирования военной мощи, Фейт высоко оценил то, как подразделения ВС США с баз в Европе и Азии использовали Центральную Азию в качестве плацдарма для проведения операции «Несокрушимая свобода»²². В дальнейшем поиск наиболее выгодных вариантов военного присутствия США в ЦА привел к выводу, что здесь необходимо применять эффективную стратегию, основывающуюся на многоаспектных военных замыслах и хорошем межведомственном взаимодействии.

Становится очевидным, что, кроме полномасштабного взаимодействия с правительствами и вооруженными силами по обе стороны Каспийского моря, Вашингтону во что бы то ни стало надо добиваться так называемых «передовых операционных пунктов» – *Forward Operating Locations (FOL)*. Искания американских стратегов пока завершились на том, что было озвучено президентом Дж. Бушем в августе 2004 г. при представлении так называемых *Global Posture Review* – своего рода декларации о глобальных стратегических намерениях: вместо получения постоянных баз, в том числе и в зоне Транскаспия, США будут добиваться «постоянного доступа» на нужные им объекты в регионе. В-первых, это важное изменение по сравнению с ранее упоминавшимся «временным доступом в случае чрезвычайной ситуации», а во-вторых, завесой неопределенности покрыто, что имеется в виду под «постоянным доступом».

Впрочем, такой подход администрации США разделяется далеко не всеми в американском Конгрессе и политологическом сообществе. Ряд влиятельных деятелей считают, что по завершении афганской операции США необходимо будет уйти из ЦА, ограничившись политическими договоренностями о сотрудничестве на случай чрезвычайных ситуаций – и не только со странами региона, но и с Россией и Китаем. Но таких осмотрительных людей подавляющее меньшинство. Другая влиятельная группа деятелей идет дальше: они утверждают, что нынешняя линия Вашингтона приведет к большому ослаблению отношений и позиций США в Турции, союз с которой имеет несравненно большее значение для Запада, чем Центральная Азия.

РЕВОЛЮЦИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ

Военная интервенция США в Ираке серьезно осложнила восприятие официально заявленных Вашингтоном целей расширения своего присутствия в ЦА, особенно среди городского населения и среди правящих элит всех стран региона за исключением Узбекистана. Правительства стран региона были озабочены тем, что их военное сотрудничество с США может вовлечь их в противостояние с исламистами и несвоевременно обострить внутреннюю напряженность. С другой стороны, большинство правительств стран ЦА воспользовались американской войной в Ираке для того, чтобы еще больше придать внутреннюю политическую оппозицию и деятельность исламистских сил. Т.е. произошло нечто прямо противоположное заявленным американцами целям их политики в ЦА. На фоне того, что в пересчете на душу населения в ЦА уровень американской экономической помощи составил всего 53 американских цента, стало ясно, что у Вашингтона мало шансов достичь поставленных целей. При опросах жителей Казахстана 83,5% респондентов высказались против войны в Ираке, 66% жителей Киргизии выступили за нейтральную позицию в этом вопросе. Еще бо-

лее интересный результат был получен на вопрос о том, поможет ли война в Ираке укреплению стабильности Центральной Азии. Среди опрошенных 46% в Казахстане, 42% в Киргизии и 31% в Таджикистане заявили, что война в Ираке не приведет к улучшению региональной стабильности в Центральной Азии²³. В Казахстане 77% опрошенных выступили против командирования своих военных в Ирак. Характерно, что наиболее прочные в тот период симпатии к американской интервенции обнаружились в Узбекистане, государстве, которое впоследствии первым закрыло американскую базу «К-2», служившую фактически витриной новой американской «Революции в военных делах».

Главным выводом *Революции в стратегических подходах*, как это следует из заключений американских политологов, является то, что «в мире по определению не существует нестратегических регионов, откуда не исходила бы угроза жизненно важным интересам США»²⁴. Шеф Пентагона Д. Рамсфелд любит повторять, что очень важно, чтобы ВС США располагались в таких местах, где в них «есть нужда, где они приветствуются и где их присутствие желаемо»²⁵. Слов нет, формула идеалистически вдохновляющая по сравнению с имеющейся практикой. Выше мы уже привели пример бы-стро разочарования в этой лукавой формуле в Узбекистане.

Сфокусированность американской политики на антитеррористическом аспекте в двухсторонних отношениях с пятью центрально-азиатскими государствами, по мнению ведущих американских аналитиков, сталкивается с концептуальной трудностью. При всей своей разрекламированности политика США фактически не затрагивает интересов безопасности подавляющего количества населения ЦА, проблемы же, как отмечает Комиссия ООН по гуманитарной безопасности, в этом регионе возникают в результате переплетения угроз политического, экономического, социального, военного и природоохранного характера. По мнению американских аналитиков, стратегический подход Вашингтона к ЦА носит узкий и достаточно эгоистический характер, и в нем мало учитываются реалии взаимосвязей стран региона между собой, со своими соседями, с близлежащими регионами, такими, как Кавказ, Южная Азия, Иран, Турция и др. При этом большинство этих аналитиков тщательно обходят упоминанием Россию и сложившиеся в ЦА механизмы сотрудничества во всех областях, включая обеспечение безопасности.

Надо сказать, что такой примитивный подход, пожалуй, ярче всего проявился в опубликованной летом 2005 г. в журнале «Россия в глобальной политике» статье небезызвестного, близкого к Госдепартаменту США политолога Фр. Старра²⁶. Он считает, что стратегически Соединенные Штаты должны сделать важный шаг вперед к утверждению своего влияния в ЦА. При этом Старр довольно необъективно и даже произвольно интерпретирует положение, сложившееся в Афганистане, находясь в своего рода эйфорическом ажиотаже от американских успехов. Вот что пишет Старр: «Главная цель Соединенных Штатов — разгром движения «Талибан» — достигнута. (А мы-то по наивности полагали, что главная цель — разгром терроризма «Аль-Каиды»! — Прим. автора). Многие лидеры ЦА начинают вести *двойную игру*, опасаясь, что внимание США вскоре будет переключено на какие-то другие объекты. Мало кто из американских политиков отдает себе отчет в том, что недавние успехи США в Афганистане открывают огромные возможности не только для самого Афганистана, но и для всей Центральной Азии»²⁷. Здесь мы прервем цитирование г-на Старра и посмотрим, так ли все замечательно в этом самом Афганистане?

Заявления о стабилизации и нормализации обстановки в Афганистане после выборов в Лойя Джиргу, которые американскими официальными лицами и политологами типа Старра подаются как большой успех так называемой демократизации и убедительный пример для подражания странам ЦА, вряд ли могут быть приняты сколь-нибудь серьезными специалистами. Особенно это опровергается статистикой военных потерь американского экспедиционного корпуса. Если в 2001 г., т.е. в начале операции против талибов, погибло всего 12 американцев (имеются в виду военные потери), то после полной победы над талибами, по неполным данным за 2005 г., было убито уже 95 американских военнослужащих. Количество раненых исчисляется

многими сотнями²⁸. (Что, конечно, по сравнению с Ираком, намного меньше, однако вряд ли это может служить утешением.)

Но дело не только в этом. Фактически при наличии многотысячного корпуса солдат США и еще более многотысячного корпуса солдат НАТО кабульские власти продолжают не контролировать ситуацию в стране. На местах командуют полевые командиры, а часть страны фактически сохраняет приверженность талибам. И это подается Старром как образец для подражания светским властям ЦА! Думается, что надо быть совсем местечковым, или, как говорят в России, «квасным» патриотом, чтобы выступать с таких позиций.

Теперь несколько слов о проведенных под защитой иностранных штыков парламентских и президентских выборах. Даже по признанию *Human Rights Watch*, в процессе голосования на выборах в парламент избиратели подвергались тем же притеснениям со стороны талибов, полевых командиров и местных властей, что и на президентских выборах 2004 г., и участие составило не более 35%. Кабульская газета *Ирада* писала по результатам выборов в сентябре 2005 г., что такие выборы вызывают еще большую озабоченность, чем президентские выборы 2004 г. Российская телекомпания *НТВ* сообщила 19 сентября 2005 г., что многие политики в Афганистане эти выборы считают не чем иным, как фарсом с возможными трагическими последствиями, так как здесь был задействован большой административный ресурс²⁹.

Мы далеки от мысли, что такой видный политолог, как Ф. Старр, не понимает ущербность своих утверждений насчет больших достижений США в Афганистане. Здесь задача совсем другая. В политических кругах США в последнее время стали остро ощущать потерю стратегического темпа в ЦА, что произошло в результате просчетов и непоследовательности стратегической линии, рассчитанной на односторонние действия в регионе, а также вследствие неготовности к взаимодействию с другими важными игроками на этом пространстве, к совместным действиям в рамках уже возникших в регионе межгосударственных организаций и механизмов. Необходим новый крупный стратегический ход, но начинать его можно только на более контролируемой США и их союзниками территории. Таким в стратегическом пространстве вокруг ЦА можно считать только Афганистан. Именно поэтому Афганистан необходимо срочно ввести в геостратегический контекст, присоединить его к Центральной Азии (или ЦА к нему) и создать региональный форум «Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА)». Задача нового форума будет состоять в планировании, координации и осуществлении целого ряда программ, разработанных в США³⁰. Штаб-квартиру предлагаемого нового форума, естественно, для начала следует разместить именно в Кабуле.

Мы не будем детально излагать весь пакет предлагаемых Старром мероприятий по контролю над всеми сторонами возможной деятельности в рамках нового форума. Опять отчетливо провозглашается односторонняя линия на преобладание США и, в представлении Старра, максимум, на что могут рассчитывать Россия и Китай, – это статус наблюдателей, если они не станут донорами. Старр прекрасно понимает, что Россия и Китай будут воспринимать ПБЦА как инструмент осуществления долгосрочных интересов и присутствия США в регионе и поэтому могут возражать против реализации ПБЦА. По-видимому, многие американские эксперты выдают желаемое за возможное, когда пишут, что народы ЦА «смотрят на усиление присутствия США скорее с благодарностью и надеждой». Вероятно, это большое заблуждение, которое может привести к краху. В 2002 г. на пике американской популярности в ЦА при опросе общественного мнения на вопрос, кому они доверяют больше всего в решении их проблем, 92% респондентов в Киргизии, 80% в Узбекистане и 76% в Казахстане ответили, что больше всех они доверяют России. США оказались вообще на третьем месте. А тут еще известный американский специалист Дж. Голт дает такую тревожную картину ситуации: «Нападение на Ирак привело к разрушению старой структуры энергетической безопасности на Ближнем Востоке. Даже американская оккупация не может защитить нефтяные объекты от саботажа. Выяснилось, что США, завязшие в Афганистане и Ираке, могут оказаться не в состоянии прийти на помощь другому ре-

жиму. Выяснилось также, что администрация Буша собирается проводить (на Ближнем Востоке. – Прим. автора) процесс «демократизации за счет авторитарных режимов», на которые пока опирается»³¹. Это, конечно, не прошло мимо внимания правящих элит ЦА.

В данной публикации мы сознательно не касаемся подробно присутствия блока НАТО, который в затянувшемся поиске *raison d'être* своего существования ухватился за события в Афганистане как за посланную судьбой возможность показать свою полезность для мирового сообщества, а заодно и крупно расширить географическую зону ответственности альянса. Мы все знаем об «атлантической солидарности», и поэтому присутствие НАТО в регионе является существенным подспорьем для Вашингтона в его устремлениях, что бы там ни говорили руководители блока. И поэтому вопрос, заданный на последнем заседании Шанхайской Организации Сотрудничества о сроках пребывания американских и других иностранных баз на территории стран ЦА, является, по меньшей мере, уместным и не отражает чьих-то происков против Запада.

А ЧТО ЖЕ РОССИЯ?

Надо сказать, что в России палитра мнений о положении в ЦА куда более разнообразна, чем в демократической Америке. Не является задачей этой публикации описывать все имеющиеся взгляды. Но нужно отметить, что принцип многовекторности российской внешней политики устоялся, и это позитивно сказалось и на отношении к делам Центральной Азии. Не говоря уже о важности решений казанского саммита СНГ, по общему мнению ответственных аналитиков, Организация Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ) становится по-настоящему «интеграционным ядром» в сфере региональной безопасности.

Возникает законный вопрос: не стоит ли нашим американским и западноевропейским партнерам вместо того, чтобы разрабатывать планы построения в регионе параллельных структур в сфере безопасности, войти в сотрудничество с уже действующими, сложившимися механизмами общерегионального плана – такими, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и ОДКБ? ШОС идет именно по этому пути, внося вклад в региональную стабильность. Ведь в таком сложном и хрупком во многих отношениях районе, каким является ЦА, региональная безопасность *неделима*. Тот, кто пытается ломиться в открытую дверь со своим «уставом», вряд ли до конца понимает, какие последствия это может вызвать. По этой же причине крайне опасны любые искусственные попытки переноса на центральноазиатскую почву проблем и нестабильности, а также методов их преодоления, применяемых в Афганистане.

Страны ЦА по всем гуманитарным показателям, а также организации общества стоят на голову выше этой страны. Тем более, что министр иностранных дел России С.В. Лавров, на наш взгляд, дал исключительно гибкую и конструктивную формулу возможного сотрудничества: «С позиций заинтересованности в реальной стабилизации региона мы подходили и к оценке роли наших европейских и других партнеров на пространстве СНГ. Мы «готовы признать здесь их интересы в той мере, в которой будут учитываться наши интересы. В любом случае, пространство СНГ не должно быть полем деструктивного соперничества, любая деятельность здесь вне региональных сил должна быть транспарентной и понятной. Для нас неприемлемы любые «скрытые повестки дня», тем более действия, направленные на дестабилизацию обстановки в нашем ближайшем окружении»³².

Конечно, между странами в оценке ситуации, в том числе и в ЦА, есть и будут расхождения и даже противоречия, но сейчас весьма необходим постоянный диалог, а взаимодействие реально возможно только на совместной оценке угроз и совместном принятии решений, особенно по практическим действиям. Тогда только может произойти действительный поворот в сторону эффективного партнерства в области безопасности, о котором так любят много говорить на Западе, но так мало делают.

Примечания

¹ Старр Фредерик. Партнерство для Центральной Азии. *Россия в Глобальной Политике*. 2005, №4. С. 72–87.

² Blank Stephen. After Two Wars: Reflections On The American Strategic Revolution In Central Asia. Strategic Studies Institute. 2005, July. P. V.
<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubid=614>

³ Smith Dianne. Central Asia: A New Great Game? Strategic Studies Institute. 1996, June 17. P. iii.
<http://www.911investigations.net/IMG/pdf/doc-46.pdf?PHPSESSID=bc4fd0ea0ab6af9d770eded7855204d4>

⁴ Ibid. P. V.

⁵ Ibid. P. 24.

⁶ US Government FY 1992-FY2003 Budgeted Security Assistance to Central Asia, Freedom Support Act, And Agency Budgets. State Department, Coordinator of US Assistance to the New Independent States; Nichol Jim. Central Asia's Security: Issues and Implications for US Interests. Updated January 7, 2005. Order Code RL 30294.

⁷ Wishnick Elisabeth. Growing US Security Interests in Central Asia. *University Press of the Pacific*. 2002, October. P. 5.

⁸ US Government FY 1992-FY2003 Budgeted Security Assistance to Central Asia, Freedom Support Act, And Agency Budgets. State Department, Coordinator of US Assistance to the New Independent States. P. 6.

⁹ Smith Dianne. Central Asia: A New Great Game? Strategic Studies Institute. 1996, June 17. P. 24.

¹⁰ Mann James. Rise of the Vulcans. Viking Penguin, 2004. P. XII.

¹¹ Blank Stephen. After Two Wars: Reflections On The American Strategic Revolution In Central Asia. Strategic Studies Institute. 2005, July. P. III.

¹² Wishnick Elisabeth. Growing US Security Interests in Central Asia. University Press of the Pacific. 2002, October. P. 6.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Blank Stephen. After Two Wars: Reflections On The American Strategic Revolution In Central Asia. Strategic Studies Institute. 2005, July. P. V.

¹⁶ Franks Tommy. American Soldier. Regan Books, 2004. P. 286.

¹⁷ Материалы личного архива автора.

¹⁸ Там же.

¹⁹ 2002 Annual Report to the President and Congress by the Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld. P. 30. <http://www.comw.org/qdr/fulltext/04secdef.pdf>

²⁰ Ibid. P. 12.

²¹ 2003 Secretary of Defense Annual Report to the President and Congress. P. 8.
http://www.defenselink.mil/execsec/adr2003/adr2003_toc.html

²² Transforming the US Global Defense Posture. Speech by Undersecretary for Policy Douglas J. Feith. Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C. December 3, 2003.

²³ *Opinion Analysis*, M-94-03. Office of Research, U.S. Department of State. 2003, August 7. P. 3.

²⁴ Blank Stephen. After Two Wars: Reflections On The American Strategic Revolution In Central Asia. Strategic Studies Institute. 2005, July. P. vi.

²⁵ Ibid. P. 1.

²⁶ Старр Фредерик. Партнерство для Центральной Азии. *Россия в Глобальной Политике*. 2005, №4. С. 72–87.

²⁷ Menon Rajan. The New Great Game In Central Asia. *Survival*. 2003, Vol.45, № 2, Summer. P. 201.

²⁸ Operation Enduring Freedom: US Fatalities. <http://icasualties.org/OEF>

²⁹ *НТВ*. 2005, 19 сентября.

³⁰ Старр Фредерик. Партнерство для Центральной Азии. *Россия в Глобальной Политике*. 2005, №4. С. 72–87.

³¹ Gault John. Has Iraq Helped America's Energy Security? *International Herald Tribune*. 2005, December 14.

³² Лавров С.В. Внешнеполитические итоги 2005 года: размышления и выводы. Статья министра иностранных дел РФ для *Дипломатического Ежегодника-2005*. 2005, 5 декабря.

На протяжении более 10 лет с высоких трибун Генеральной Ассамблеи ООН лидеры Центральной Азии заявляют о решимости создать зону, свободную от ядерного оружия. Среди причин, давших импульс развитию данной идеи, называются укрепление режима нераспространения и региональной безопасности, воплощение мер доверия в регионе, решение проблемы радиоактивных отходов, доставшихся региону в наследство от советской гонки вооружения. Время идет, а договор о создании зоны еще не подписан. Что же мешает претворить эту идею в жизнь, а самое главное, каковы перспективы договора о создании ЗСЯО в данном регионе – эти и другие вопросы рассматриваются в данной работе.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА СОЗДАНИЯ ЗСЯО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Первый этап: зарождение идеи (1992–1996 гг.)

Впервые идея о создании ЗСЯО в Центральной Азии (в дальнейшем – ЦАЗСЯО) прозвучала 25 сентября 1992 г. на 47-й сессии ГА ООН, когда Монголия заявила о себе как о государстве, свободном от ядерного оружия. Президент Монголии П. Очирбат также не исключил возможности создания и региональной центральноазиатской зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО). Однако, хотя Монголия и принадлежит географически Центральной Азии (ЦА)¹, тот факт, что она окружена ядерными государствами – Россией и Китаем, не оставляет ей шансов присоединиться к другим ЗСЯО.

В 1993 г. президент Узбекистана И.А. Каримов внес предложение о создании ЦАЗСЯО в духе VII статьи ДНЯО на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, имея в виду регион, ограниченный территорией пяти постсоветских центральноазиатских республик. В течение двух следующих лет этот вопрос вновь поднимался в стенах ООН. В 1995 г. в рамках Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО (КРП ДНЯО) сначала в своем выступлении подчеркнул необходимость создания безъядерных зон представитель узбекской делегации², а затем киргизская делегация распространила рабочий документ о создании ЗСЯО в ЦА³.

Финальные документы КРП ДНЯО 1995 г. отразили предложения Киргизии и Узбекистана в следующем виде: «Конференция отмечает заинтересованность Киргизии и Узбекистана в создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии и верит, что это будет вкладом в мир, стабильность и безопасность в регионе. В этом отношении Киргизия и Узбекистан собираются представить на рассмотрение свои предложения и будут приветствовать их рассмотрение всеми заинтересованными государствами»⁴.

В 1996 г. Киргизия и Монголия предложили проект резолюции о создании в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия⁵. Но и на этот раз предложение не нашло

должного отклика у соседей по региону. Было решено сначала провести консультации на региональном уровне, то есть с центральноазиатскими республиками, Россией и Китаем. Об этом, в частности, сообщил в своем выступлении представитель Монголии Ж. Енхсайхан на пленарном заседании Конференции по разоружению⁶. Таким образом, странам не удалось «наскоком» решить вопрос создания ЗСЯО в ЦА.

Существует несколько причин, почему инициатива о создании ЗСЯО в Центральной Азии вообще появилась на повестке дня. Однако можно смело утверждать, что одним из фундаментальных факторов была обеспокоенность некоторых центральноазиатских государств в связи с состоянием окружающей среды в регионе и связанных с этим угроз для своей безопасности. В силу этого хотелось бы особенно заострить внимание на экологическом аспекте ситуации в центральноазиатском регионе.

В результате распада Советского Союза в *Казахстане* остались 1 410 ядерных боеголовок и Семипалатинский ядерный испытательный полигон. К 1995 г. на территорию Российской Федерации были вывезены все ядерные боезаряды, а к 2000 г. уничтожена вся предназначенная для проведения ядерных испытаний инфраструктура Семипалатинского полигона. Сам полигон был официально закрыт президентом Назарбаевым 29 августа 1991 г.

В период с 1949 по 1989 г. на Семипалатинском полигоне было проведено 456 ядерных испытаний, из них 340 подземных и 116 атмосферных. В настоящий момент по периметру испытательного полигона нет заграждений, что позволяет людям и животным свободно передвигаться по его территории⁷. Проблема содержания плохо охраняемого радиационно-загрязненного оборудования и радиоактивных отходов остро стоит на повестке дня не только в отношении Семипалатинского полигона. Например, только на Актауском химическом гидрометаллургическом заводе, который с 1962 и до середины 1990-х гг. производил концентрат урановой руды, по состоянию на ноябрь 2004 г. хранилось свыше 5 т радиоактивного металлолома⁸.

Кроме того, нельзя забывать и о так называемых «бесхозных радиоактивных источниках», предназначенных для применения в промышленности, науке или медицине, которые теперь находятся вне государственного контроля и представляют, таким образом, потенциальную опасность для здоровья населения. Согласно заявлению председателя Комитета по атомной энергетике Республики Казахстан Т.М. Жантикина, в Казахстане из 100 тыс. радиоактивных источников, имевшихся в 1992 г., до сих пор неизвестно местонахождение почти 20 тыс. единиц, которые предположительно остаются на территории страны⁹.

Несмотря на то, что Казахстан перестал быть ядерным государством, в стране все еще остаются ядерные материалы оружейного качества, в том числе три тонны плутония, содержащегося в отработанном топливе остановленного ядерного реактора в Актау (Западный Казахстан), и небольшое количество высокообогащенного урана (ВОУ) в двух институтах ядерных исследований¹⁰.

На конец 2005 г. общие урановые запасы Казатомпрома составляли 1,1 млн т. Ежегодно компания производит около 4 тыс. т урана¹¹.

В результате работы бывших союзных предприятий по добыче урана и полиметаллических руд в *Киргизии* осталось 49 хвостохранилищ и более 80 отвалов горных пород, которые не были должным образом законсервированы¹². После 1991 г. работы по обеспечению сохранности хвостохранилищ, отработанных в период с 1942 по 1968 г., не проводились. Особую тревогу вызывают следующие хвостохранилища, расположенные:

- около г. Майлуу-Суу, где сосредоточено 23 хвостохранилища общим объемом 1374 тыс. м³ и 18 отвалов некондиционных руд объемом 845,6 тыс. м³;
- около поселка Каджи-Сай Иссык-Кульской области объемом 150 тыс. м³ (хвостохранилища находятся в 1,5 км от озера Иссык-Куль);
- около поселка Мин-Куш (хвостохранилища расположены в речной пойме).

Уровень радиации в локальных зонах указанных территорий колеблется от 100 мкр/час до 1800 мкр/час. Наиболее опасными из вышеперечисленных «хвостов» является Майлуу-Сууйское хвостохранилище, которое находится в 30 км от границы с Узбекистаном. В случае усиления оползневых процессов, перекрытия оползнем реки Майлуу-Суу и прорыва насыпи накопившейся водой с образованием селевого потока (как это уже произошло в апреле 2002 г., когда в реку Майлуу-Суу сползло 400 тыс. кубометров грунта)¹³ может произойти частичное или полное разрушение хвостохранилищ, что приведет к резкому возрастанию радиационной опасности в обеих республиках.

Так же, как и в Казахстане, в Киргизии существует проблема адекватной охраны химических комбинатов, например Кыргызского химико-механического завода, расположенного в селе Орловка Чуйской области, на хвостохранилище которого с 1956 по 1990 гг. скопилось 37 млн м³ складированных отходов. С 1990 г., когда комбинат перешел на переработку исключительно концентрата урана, дополнительно ежегодно складировалось по 8 тыс. т отходов¹⁴. Отсутствие охраны таких предприятий способствует возникновению незаконного оборота радиоактивных материалов¹⁵.

Во времена Советского Союза на территории *Таджикистана* велась добыча урана для атомной отрасли и военной ядерной программы СССР. В настоящий момент на территории Таджикистана расположено 34 урановых хвостохранилища, где захоронено 210 млн т радиоактивных и токсичных отходов. Из имеющихся 22 могильников 11 содержат радиоактивные отходы, но только 6 из них законсервированы¹⁶. В Файзабадском районе в республиканском пункте захоронения жидких и твердых радиоактивных отходов, который был создан еще в советское время, хранятся радиоактивные источники ионизирующего излучения, отработавшие свой гарантийный срок.

Кроме того, таджикские экологи отмечают, что промышленные предприятия и организации хранят радиоактивные отходы на своих же складах, что предоставляет возможность легкого доступа к ним¹⁷.

В советское время в *Туркменистане* не проводилось испытаний ядерного оружия, но в 1972 г. был произведен один подземный ядерный взрыв для консервации газовой скважины в Марыйской области¹⁸. Согласно некоторым данным, на северо-западе Туркменистана, возле местечка Гызыл-Гай находится заброшенный урановый рудник¹⁹.

Территория *Узбекистана* являлась одной из основных минерально-сырьевых баз урана для бывшего Советского Союза. На базе около 50 урановых месторождений работало два горнодобывающих и перерабатывающих комбината. В результате их деятельности на территории республики и в пограничных районах скопилось большое количество радиоактивных отходов²⁰.

В настоящее время в республике имеется крупнейший в Центральной Азии исследовательский институт, занимающийся ядерными исследованиями и производством изотопной продукции. Кроме реактора ВВР-СМ в институте есть два циклотрона, источник гамма-излучения, нейтронный генератор и радиохимический комплекс²¹. В этом институте ядерной физики в Улугбеке, в 30 км к северо-востоку от Ташкента, до недавнего времени находилось по меньшей мере 237 облученных тепловыделяющих элементов, содержащих высокообогащенный уран, который потенциально пригоден для создания ядерного оружия. Известно, что 9 сентября 2004 г. топливо было вывезено для дальнейшей переработки во Всероссийский научно-исследовательский институт атомных реакторов в Димитровграде (Россия)²².

Исходя из вышесказанного, становится более понятной обеспокоенность центрально-азиатских государств в связи с экологической безопасностью в регионе.

Таким образом, инициатива о создании ЗСЯО в Центральной Азии опиралась во многом на озабоченность государственных деятелей экологическими проблемами своего региона. Страны региона – особенно Киргизия, Таджикистан и Узбекистан – столкнулись с проблемой обеспечения безопасного содержания и последующего уничтожения урановых хвостохранилищ, оставшихся после советского прошлого. Оползни, наводнения, прорыв грунтовых вод – все это реальная угроза безопасному содержанию урановых

хвостохранилищ в республиках. Поскольку 70% рек Центральной Азии берут свое начало в Киргизии и Таджикистане, где расположено большинство урановых хвостохранилищ, экологическая катастрофа стояла (и продолжает стоять) на повестке дня особенно остро.

Второй этап: развитие инициативы (1997–2002 гг.)

В 1997 г. произошел прорыв: 27 февраля лидеры пяти центральноазиатских стран подписали *Алма-Атинскую декларацию*, где в свете озабоченности состоянием окружающей среды полностью одобряли создание ЦАЗСЯО²³. И хотя в Декларации содержатся фразы о национальной безопасности, о поддержке независимости и об устойчивом развитии, именно озабоченность состоянием окружающей среды красной нитью проходит через весь документ. Стремление улучшить ситуацию и работать в направлении регионального сотрудничества сдвинуло дело в практическое русло.

Интересно отметить, что в Алма-Атинской декларации применяются два разных по содержанию термина «безъядерная зона» и «зона, свободная от ядерного оружия». Понятие «безъядерная зона» исключает возможность проведения работ по мирному использованию ядерной энергии, в то время как понятие «ЗСЯО» имеет в виду исключение лишь ядерного оружия, используемого в военных целях. На встрече в Алма-Ате разницей в терминологии вызвал естественные вопросы, хотя присутствующие и понимали, что имеется в виду только «зона, свободная от ядерного оружия». Поэтому киргизские дипломаты предложили на последующем экспертном заседании в Женеве (в апреле 1998 г.), что в проекте договора речь должна идти не о «безъядерной зоне», а «зоне, свободной от ядерного оружия»²⁴.

Следующим важным шагом стала *Ташкентская конференция* 15–16 сентября 1997 г. На этой конференции представители стран-членов других ЗСЯО поделились опытом в создании ЗСЯО. Тогда же министры иностранных дел пяти центральноазиатских республик еще раз подтвердили желание их стран и далее работать над созданием ЦАЗСЯО. Конференция была примечательна тем, что на ней впервые главы ядерных государств и стран региона озвучили свое отношение к идее создания ЦАЗСЯО.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению принципиальных позиций ядерных держав по ЗСЯО, хотелось бы вкратце остановиться на подходах самих центральноазиатских республик к созданию ЗСЯО.

ПОЗИЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ ПО СОЗДАНИЮ ЦАЗСЯО

С самого начала *Казахстан* отнесся несколько настороженно к инициативе соседних республик о создании ЗСЯО. Нельзя забывать, что только к 1995 г. был завершен вывод ядерного оружия с территории страны. Возможно, Казахстан не хотел форсировать события, прорабатывая варианты сотрудничества с Российской Федерацией в ядерной области или связанные в перспективе с транзитом через страну или с размещением российских ракет на территории Казахстана.

Кроме того, одной из возможных причин неопределенной позиции Казахстана могло быть негласное соперничество между этой республикой и Узбекистаном, который выступил одним из инициаторов создания ЗСЯО.

Нельзя исключать и того, что Россия могла стоять за позицией Казахстана о преждевременности этой инициативы. В пользу этой версии можно привести следующие слова российского дипломата: «Мы против того, чтобы в центральноазиатской безъядерной зоне принимал участие Казахстан»²⁵.

К 1996 г. позиция Казахстана начала понемногу трансформироваться, но вплоть до Ташкентской конференции 1997 г. Казахстан настаивал на поэтапном процессе создания ЗСЯО. Отголоски такого подхода можно проследить и по выступлениям казахстанских представителей на Генеральной Ассамблее ООН. В частности, А.Х. Арыстанбекова заявила, что «правительство моей страны продолжит работу над создани-

ем зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Однако оно [правительство] отдает себе отчет в существовании трудностей и ответственности по созданию такой зоны»²⁶.

После того как в 1997 г. была подписана Алма-Атинская декларация, Казахстан начал более активно подключаться к вопросам по созданию ЗСЯО в ЦА. Можно предположить, что к 1998 г. правительство Казахстана увидело преимущества создания такой зоны в том, что через нее можно было решить проблему Каспия.

Целью *Киргизии* было, *во-первых*, за счет ЗСЯО повысить имидж страны на международной арене, выступив одним из инициаторов идеи, а *во-вторых*, обратить внимание на проблемы экологической безопасности и в регионе в целом, и на своей территории. Имея урановые хвостохранилища, оставшиеся от советского прошлого, республика не могла пренебрегать решением этой проблемы за счет мирового сообщества.

Как известно, во время развертывания основных дебатов вокруг ЦАЗСЯО в *Таджикистане* шла гражданская война, поэтому особых инициатив со стороны этой республики выдвинуто не было. Однако поскольку в Таджикистане, как и в Киргизии, имеются урановые хвостохранилища, Таджикистан был, несомненно, заинтересован в том, чтобы стать участником в создании такой зоны.

ЦАЗСЯО – это едва ли не единственный международный договор, в котором готов участвовать нейтральный *Туркменистан*. Как уже было отмечено выше, Туркменистан практически не пострадал от работы ядерной промышленности в советское время – на территории Туркменистана не было урановых хвостохранилищ, ядерные испытания не производились, за исключением единственного случая. Поэтому можно предположить, что членство в ЦАЗСЯО нужно было Туркменистану в конце 1990-х гг., чтобы с помощью договора решить каспийскую проблему.

Как уже было отмечено, в *Узбекистане* имеются свои экологические проблемы, доставшиеся в наследство от Советского Союза. Однако представляется, что, выступая инициатором создания ЦАЗСЯО, Узбекистан хотел, прежде всего, продемонстрировать свою независимую политику в регионе ЦА. Поэтому роль лидера, которую он себе выбрал, предполагала продвижение любых крупных инициатив, которые бы могли сформировать имидж Узбекистана как государства, определяющего политику региона ЦА. Это показало не только проведение Ташкентской конференции «Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия», но и многочисленные выступления представителей узбекской делегации на заседаниях в Генеральной Ассамблее ООН – как от имени своего государства, так и от имени пяти стран региона по поводу создания ЦАЗСЯО²⁷. Стремление вырваться вперед на региональной арене впоследствии почувствовали и другие центральноазиатские страны, и прежде всего Казахстан, который не хотел уступать Узбекистану в региональном соперничестве. Примером этому может стать практически одновременное проведение конференций, посвященных ядерной проблематике, в сентябре 1997 г. в Ташкенте и Алма-Ате.

Из вышесказанного следует, что, *во-первых*, для центральноазиатских государств общими целями в деле создания ЦАЗСЯО были, несомненно, стремление закрепить проблему экологической реабилитации территорий, использовавшихся для разработки, производства и испытания ядерного оружия (урановые хвостохранилища, ядерные полигоны и т.д.). *Во-вторых*, в середине 1990-х гг. молодым центральноазиатским республикам было необходимо заявить о себе на мировой арене выдвижением всемирно значимой региональной инициативы. *В-третьих*, присутствовал элемент конкуренции между Узбекистаном, Казахстаном и в какой-то мере Киргизией.

Существуют по крайней мере еще две причины, в силу которых республики решили подключиться к работе над этим договором. Это географические и геополитические реалии соседства двух ядерных государств – России и Китая. Нельзя забывать и о непосредственной близости к региону двух государств, владеющих ОМУ де-факто – Индии и Пакистана, а также так называемого *порогового* государства – Ирана.

ПОЗИЦИЯ ЯДЕРНЫХ ДЕРЖАВ В ОТНОШЕНИИ СОЗДАНИЯ ЦАЗСЯО

Как же отреагировали ядерные государства на решение центральноазиатских лидеров о создании ЦАЗСЯО?

Позиция *Великобритании* заключалась в соблюдении принципа добровольности при создании ЗСЯО, в четком определении территории такой зоны и соблюдении международного права при создании региональной ЗСЯО. Впоследствии такая позиция не претерпела изменений.

Представители *Китайской Народной Республики* в целом не возражали против предложения о создании ЗСЯО в Центральной Азии. На Ташкентской конференции глава китайской делегации подчеркнул позицию Китая: Китай ни в коем случае не будет угрожать или использовать ядерное оружие против неядерных государств и безъядерных зон²⁸. Кроме того, он отметил, что Китай «ценит и поддерживает стремление государств Центральной Азии установить зону, свободную от ядерного оружия»²⁹. Далее были обозначены несколько пунктов, выражающих позицию Китая относительно создания ЦАЗСЯО.

Во-первых, зоны, свободные от ядерного оружия, должны создаваться странами на основе реальной ситуации соответствующего региона, базируясь на принципе добровольности через проведение взаимных консультаций.

Во-вторых, создание подобных зон должно отвечать целям Устава ООН, и подобные договоры не должны использоваться для вмешательства во внутренние дела государств вне этих зон.

В-третьих, на статус зон, свободных от ядерного оружия, не должны влиять другие механизмы безопасности. Страны-участники такой зоны не должны ни под каким предлогом (включая участие в военных союзах) отказываться от выполнения соответствующих обязательств.

В-четвертых, необходимо определить географические очертания ЗСЯО, и ни континентальные шельфы, ни особые экономические районы, а также районы, являющиеся предметом территориального спора, не должны быть включены в такую зону.

В-пятых, Китай выступил за то, чтобы установить эффективный контроль над выполнением положений договора, включая гарантии МАГАТЭ.

В-шестых, создание ЗСЯО не должно препятствовать мирному использованию атомной энергии.

И в-седьмых, странам-членам ЗСЯО должны быть предоставлены негативные гарантии со стороны ядерных стран³⁰.

Впоследствии китайские дипломаты не раз заявляли о желании подписать договор о создании ЦАЗСЯО³¹.

Российская Федерация изначально – в 1995 г. – не была готова к созданию такой зоны в Центральной Азии. Лишь к 1997 г., а именно к Ташкентской конференции, республики Центральной Азии смогли услышать о позиции бывшего «старшего брата». Россия прежде всего заявила, что необходимо определить контуры «Центральной Азии», поскольку под этим названием могут рассматриваться не только Средняя Азия и Казахстан. В историко-географическом смысле «Центральная Азия» может включать в себя соседние с регионом страны, то есть часть России, Монголию, Китай, Пакистан, Афганистан, Индию. Поэтому Россия попросила определиться с термином «Центральная Азия»³².

На Ташкентской конференции 1997 г. представитель Российской Федерации приветствовал инициативу создания ЦАЗСЯО. Однако затем высказался в том ключе, что, *во-первых*, Центральная Азия и все вопросы, связанные с этим регионом, являются одними из приоритетных аспектов во внешней политике Российской Федерации. *Во-вторых*, был упомянут Договор о Коллективной Безопасности, который является «самым важным достижением стран СНГ, и РФ намерена полностью выполнять принятые обязательст-

ва»³³. В целом позиция России заключалась в принципиальной поддержке данной инициативы. Посольством Российской Федерации в Бишкеке, в частности, было заявлено, что «Российская Федерация последовательно выступает за создание безъядерных зон и зон, свободных от ядерного оружия, в различных районах земного шара, рассматривая их в качестве важного фактора укрепления мира и безопасности как на региональном, так и на глобальном уровнях»³⁴.

Что касается *Соединенных Штатов Америки*, то они с самого начала были принципиально согласны с созданием ЗСЯО в Центральной Азии. Однако на Ташкентской конференции представитель США обратил внимание на то, что «подобные зоны могут также быть причиной сложных проблем для США и их союзников»³⁵. В своем выступлении он очертил 7 основных пунктов, которые государства, желающие создать зоны, свободные от ядерного оружия, должны выполнить прежде, чем США выразят им свою поддержку:

- инициатива должна исходить от самих заинтересованных стран;
- в создании зоны должны участвовать все страны, чье участие считается важным (страны, связанные с производством, приобретением или развертыванием ядерного оружия);
- необходимо установить механизм соответствующего контроля под эгидой МАГАТЭ над полным отсутствием ядерного оружия;
- создание зоны не должно нарушать существующие структуры безопасности в ущерб региональной и международной безопасности или каким-то другим образом ограничивать право индивидуальной или коллективной самообороны, гарантированной Уставом ООН;
- механизмы ЗСЯО должны эффективно использоваться для запрещения разработки или иного владения ядерным устройством для любых целей;
- создание ЗСЯО не должно влиять на существующие права его участников по международному праву предоставлять или отказывать другим государствам в привилегии транзита в пределах их сухопутной территории, внутренних вод и воздушного пространства оснащенным ядерным оружием или способным нести ядерное оружие кораблям и воздушным средствам, включая заход в порты и перелет;
- условия зоны не должны налагать ограничения на существующие права государств, признанные международными законами, в частности на право свободы судоходства в открытом море и перелета, право мирного прохода территориальных и архипелагских вод, право транзитного прохода международных проливов³⁶.

Впоследствии на пленарном заседании Конференции по разоружению представитель США также повторил эту позицию, заявив, что США проголосовали за создание ЦАЗСЯО как за ценную инициативу стран региона ЦА. Несмотря на это, он призвал государства региона «учиться на ошибках и на опыте других подобных зон»³⁷.

Представитель *Франции* на Ташкентской конференции заявил, что при признании зон, свободных от ядерного оружия, Франция придерживается следующих принципов:

- зоны должны создаваться на основе единогласного согласия заинтересованных государств региона;
- ЗСЯО должны быть уместными в географическом и военных аспектах;
- такие зоны не должны противоречить международно-принятым правовым нормам, например морскому праву³⁸.

Таким образом, на Ташкентской конференции представителями пяти ядерных государств (США, РФ, Великобритания, Франция, КНР) были высказаны определенные ус-

ловия, необходимые при создании будущей ЗСЯО. Если суммировать все их рекомендации, то получится следующее:

- границы зоны должны быть четко обозначены и не должны являться предметом территориальных споров;
- зона не должна включать континентальные шельфы и особые экономические районы;
- договор о ЦАЗСЯО должен соответствовать принципам и целям ООН и иметь эффективный механизм контроля, в том числе гарантии МАГАТЭ;
- ЗСЯО не должна оказывать влияние на структуры безопасности в Центральной Азии, оказывать давление на страны за пределами зоны; а государства-члены ЗСЯО не должны отказываться от выполнения своих обязательств в военных союзах;
- установление ЗСЯО не должно влиять на существующие международно-признанные права его участников предоставлять право одним странам и отказывать другим в транзитных привилегиях в пределах своей наземной территории, внутренних вод, воздушного пространства – воздушным и морским судам, использующим или имеющим ядерные материалы;
- условия ЦАЗСЯО не должны нарушать установленное международными конвенциями и соглашениями право государств – не членом ЗСЯО на проезд через территорию зоны;
- должны быть отрегулированы вопросы экспортного контроля над ядерными материалами.

Кроме того, на конференции стало понятно, что одним из препятствующих созданию ЗСЯО обстоятельств, исходящих из самого региона, будет двойное соперничество Узбекистана – с Казахстаном и Киргизией – за лидерство по данному вопросу.

На 52-й сессии Генассамблеи ООН представители центральноазиатских республик представили проект резолюции о создании ЦАЗСЯО, и после внесения поправок 9 декабря 1997 г. резолюция была принята ГА ООН³⁹.

В 1998 г. при содействии МАГАТЭ и Департамента ООН по разоружению киргизскими дипломатами был разработан первый проект договора о ЦАЗСЯО⁴⁰.

Своеобразным толчком, ускорившим разработку первого проекта договора и давшим новый импульс самой идее о ЦАЗСЯО, оказались события, произошедшие весной 1998 г. – ядерные испытания в Индии (11 и 13 мая на полигоне Похран) и Пакистане (28 и 30 мая на полигоне Чагай).

В июле 1998 г. в Бишкеке состоялась встреча так называемых «С5», т.е. государств региона, так называемых «Р5», т.е. ядерных держав и представителей ООН. Это была первая консультативная встреча в формате «С5+Р5+1». На ней были обсуждены основные принципы будущего договора, который был назван «Основные элементы договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии». По результатам этой встречи было составлено Бишкекское коммюнике – Заявление министров иностранных дел всех 5 республик Центральной Азии⁴¹.

Последующие встречи экспертной группы были проведены в Женеве (7–9 октября 1998 г.), Ташкенте (1–3 февраля 1999 г.), Женеве (27–30 апреля 1999 г.), Саппоро (5–8 октября 1999 г. и 2–5 апреля 2000 г.) и Самарканде (25–27 сентября 2002 г.). Кроме того, Центр по вопросам мира и разоружения в Азиатско-Тихоокеанском регионе организовывал несколько неформальных встреч (так называемые *встречи на кофе-брейк*) в Нью-Йорке, чтобы представители Центральной Азии смогли прийти к согласию по остающимся спорным вопросам.

Наконец, 27 сентября 2002 г. на Самаркандской встрече текст договора был согласован, и эксперты смогли договориться по большинству пунктов договора, за исключением нескольких спорных вопросов, которые будут рассмотрены ниже.

Заместитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения Дж. Данапала поспешил заявить на пресс-конференции в Ташкенте по итогам своего визита в Узбекистан в 2002 г., что «в настоящее время подготовка договора об объявлении Центральной Азии безъядерной зоной вступила в завершающий этап, и договор практически готов к подписанию»⁴².

До этого, однако, было далеко. После того как проект текста договора был уже принят самими государствами региона, ядерные державы на встречах в формате C5 + P5 в Нью-Йорке в октябре и декабре 2002 г. должны были высказать свое мнение о самом договоре и о протоколе к нему. Эксперты ядерных держав – прежде всего Франция, Великобритания и США – в январе 2003 г. представили ряд своих дополнительных замечаний и предложений по этим документам.

ТРЕТИЙ ЭТАП: ОЧЕРЕДНАЯ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ (2002–2006 ГГ.)

Центральноазиатские государства надеялись подписать договор уже в апреле 2003 г.⁴³, но проработка предложений ядерных стран заняла еще два года. В этом вынужденном перерыве тема создания ЦАЗСЯО обсуждалась на семинаре МАГАТЭ «Нераспространение ядерного оружия: укрепление системы гарантий», который прошел в июне 2003 г. в Ташкенте⁴⁴. Непосредственно по договору о ЗСЯО крупное мероприятие (а именно встреча региональной группы) должно было состояться в марте–феврале 2004 г. в Ташкенте, но «по техническим причинам» встреча была отложена на год.

Зато в следующем, 2005 г., произошел положительный сдвиг. На седьмом Ташкентском заседании региональной группы экспертов 7–9 февраля 2005 г. было принято «Ташкентское заявление по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии». Было вновь подчеркнуто, что «утверждение текста данного договора является историческим событием. Этот документ внесет важный вклад в обеспечение ядерной безопасности не только в Центральной Азии, но и во всем мире»⁴⁵.

Февральская встреча 2005 г. имела одну особенность. Несмотря на то, что состав делегаций был достаточно представительный – присутствовали не только эксперты всех центральноазиатских республик, но и делегация ООН во главе с директором Центра по вопросам мира и разоружения в Азиатско-Тихоокеанском регионе Ц. Ишигури. Однако в работе заседания не участвовали представители ядерных держав. Поэтому в Ташкентском заявлении от 7–9 февраля 2005 г. представители центральноазиатских государств «настоятельно призывают все государства, особенно государства, обладающие ядерным оружием, в полной мере сотрудничать с пятью центральноазиатскими государствами по реализации Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии»⁴⁶. Помимо этого в этом же заявлении говорится о стремлении как можно скорее подписать Договор о ЗСЯО.

Результатом почти семилетних переговоров о ЦАЗСЯО (1998–2005 гг.) явился окончательный текст договора, во многом изменивший свое первоначальное содержание. Ожидалось, что договор должен был быть подписан в Семипалатинске в середине 2005 г.⁴⁷. Однако до настоящего времени этого так и не случилось. Вопрос о создании ЦАЗСЯО будет вновь рассматриваться на 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 2006 г.⁴⁸.

ДОГОВОР О ЗОНЕ, СВОБОДНОЙ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Перед тем как перейти к рассмотрению спорных вопросов, которые на длительное время затормозили разработку окончательного варианта договора, хотелось бы рассмотреть те моменты, по которым экспертам все-таки удалось договориться.

Страны Центрально-Азиатского региона сошлись во мнении, что зона применения данного договора пройдет по границам всех пяти республик. Разногласия возникли, когда речь зашла о границе Казахстана и Туркменистана по Каспийскому морю. Эти трудности были разрешены на встрече экспертов в 1999 г. в Саппоро, когда республики решили не включать территориальные воды в границу ЗСЯО.

В раннем проекте договора он был открыт для вступления новых членов, граничащих с регионом. Хранение, производство, исследования в целях создания ядерного оружия или любого другого ядерного взрывчатого вещества были запрещены. Разумеется, указывалось на недопущение проведения ядерных испытаний. Стороны также пришли к выводу, что необходимо препятствовать попыткам проведения подобных испытаний другими государствами. Что интересно, в договоре содержалась статья о недопущении приема и захоронения на территории центральноазиатских республик радиоактивных отходов других государств (впоследствии этот пункт был изменен). Безусловно, в договоре была заложена статья и об экологической безопасности, ведь именно она остается одним из основных мотивов для создания ЦАЗСЯО. Страны-участницы надеются, что с принятием договора международное сотрудничество в области решения ряда экологических проблем, связанных с радиоактивными материалами, будет интенсифицироваться. В отдельной статье предусматривалось подписание участниками ЗСЯО Дополнительного протокола МАГАТЭ.

Каковы же спорные вопросы, которые оставались нерешенными в течение долгого времени и стали камнем преткновения на пути подписания договора?

Как отмечалось выше, на ранних этапах разработки договора Россия и Китай хотели бы получить уверенность в четком территориальном разделении зональных границ, т.е. в том, что в данный регион не будут включены территории этих государств. Это учтено разработчиками проектов договора, и в нем было четко оговорено, что в понятие «Центральная Азия» в данном случае входят пять республик – Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Остальные разногласия касаются преимущественно двух статей (4 и 12)⁴⁹– это вопрос транзита и проблема участия центральноазиатских республик в разных военно-политических блоках. По большому счету, существует только одна проблема – это незримое (а кое-где и зримое) присутствие супердержав в регионе. Нельзя забывать и о постоянном соперничестве самих республик между собой.

Итак, Казахстан, Киргизия и Таджикистан довольно тесно сотрудничают с Россией как в социально-экономическом, так и в военно-политическом плане. Туркменистан же воздерживается от сближения с Россией, поскольку, как известно, принял политику неприкосновенности к каким-либо союзам. Вплоть до последнего времени выбор Узбекистана падал на более «интересного» стратегического партнера в лице США. В результате «похолодания» отношений между Соединенными Штатами и Узбекистаном в 2004–2005 гг. по ряду причин (в том числе обвинения со стороны США в нарушении Узбекистаном прав человека, отсутствии свободы вероисповедания, а особенно вследствие Андижанских событий) Узбекистан самоустранился от стратегического партнерства с США и, соответственно, сблизился с Россией. 24 октября 2004 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров в своем докладе президенту В.В. Путину даже упомянул, что узбекские партнеры проявили интерес к членству в ОДКБ. Однако генеральный секретарь ОДКБ Н.Н. Бордюжа позднее заявил, что «никаких заявок от Узбекистана на вступление в ОДКБ не подавалось»⁵⁰. В любом случае потепление отношений с Российской Федерацией, безусловно, пошло на пользу договору о создании ЦАЗСЯО.

И США, и Россия, которые впоследствии должны будут наряду с другими тремя ядерными государствами подписать протоколы к договору, имея в виду долгосрочные перспективы, не соглашались на 4-ю статью – о полном запрещении транзита ядерного оружия через территорию республик. Поэтому Казахстан предложил рассматривать вопрос о транзите в каждом отдельном случае. Туркменистан и Узбекистан, однако, до последнего момента не были готовы пойти на это и занимали достаточно жесткую позицию необходимости запрета любого транзита для всех республик. Тем более что не было дано оп-

ределение самого термина «транзит» и его временных рамок. Ведь при условии разрешения транзита через ту или иную страну можно получить кратковременное размещение ядерного оружия, не нарушая при этом условий договора.

Еще большую озабоченность вызывает 12-я статья договора, оговаривающая участие республик в других военно-политических союзах. Речь идет, прежде всего, об ОДКБ. И хотя в некоторых докладах и приводится в качестве примера ШОС⁵¹, думается, что в рамках данной организации вряд ли какая-либо из сторон намеревается размещать или перевозить ядерное оружие через страны Центральной Азии. Имеются в виду, разумеется, Китай и Россия. Но Китай не сможет этого сделать, не нарушив баланс сил в регионе, чего не допустят ни США, ни Россия⁵². А Российская Федерация может это сделать и через другую организацию – ОДКБ. Вот тут на самом деле возникло много вопросов: например, как может безъядерная зона претендовать на право существования, если страны, находящиеся на территории, которую она будет охватывать, состоят в военном сотрудничестве с ядерной державой, что предполагает размещение и транзит ядерного оружия в рамках ОДКБ? Или как решится вопрос о возможности размещения российского ядерного оружия в случае угрозы нападения на страны СНГ, что предусматривается Ташкентским Договором о коллективной безопасности (ДКБ) 1992 г.?

Казахстан, Киргизия и Таджикистан заявили, что в договоре о ЦАЗСЯО должно быть отражено, что договор не касается ранее заключенных договоров⁵³. Узбекистан и Туркменистан, которые и не входили в ОДКБ (а с 1999 г. по 2002 г. Узбекистан еще и состоял в ГУУАМ – Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова – в организации, которую иногда называют противовесом ОДКБ в регионе), были явно против подобной формулировки. Многие политологи говорили, что страны не смогут договориться именно по этому пункту и из-за этого процесс создания ЦАЗСЯО зайдет в тупик⁵⁴.

Однако к сентябрю 2002 г. (этому предшествовал визит заместителя Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения Дж. Данапалы) Узбекистан и Туркменистан все же согласились на формулировку, предложенную другими республиками, согласно которой страны, заключив этот договор, тем не менее, должны соблюдать положения ОДКБ. Что касается транзита, то и здесь произошел прорыв: все республики пришли к консенсусу, что каждая страна имеет право самостоятельно принимать решения о транспортировке через свою территорию ядерного оружия, других ядерных устройств, установок, материалов и радиоактивных отходов.

К концу 2002 г., а именно на Самаркандской встрече экспертов все спорные моменты были разрешены, и «участники переговоров согласились с тем, что подписание договора должно состояться в возможно краткие сроки»⁵⁵. К сожалению, когда региональные лидеры, наконец, пришли к согласию по поводу текста договора, в игру вступили глобальные игроки: США и Франция, представляя также и точку зрения Великобритании, выразили несогласие по пресловутой 12-й статье. Как выразился американский дипломат в своей речи по поводу создания ЦАЗСЯО, «в таких делах, как это, дьявол кроется в деталях»⁵⁶.

Что же не устраивает некоторые ядерные державы в Самаркандском тексте договора?

США, Франция и Великобритания хотя и точно знают, как договор будет влиять на свободное транзитное прохождение иностранного транспорта с ядерными материалами по территории ЗСЯО и как договор будет взаимодействовать с существующими региональными договоренностями по безопасности. Также три ядерные державы смущает пункт договора о возможности присоединения к зоне соседних стран. Ведь соседние страны, прилегающие к возможной ЦАЗСЯО – это те государства, которые или имеют ядерное оружие или подозреваются в обладании им (Иран и Пакистан)⁵⁷.

В то время как США, Великобритания и Франция решили не подписывать существующий проект протоколов к договору, Китай и Россия предложили одобрить протокол, который предполагает, что ядерные державы уважают отсутствие ядерного оружия в ЗСЯО, будут воздерживаться от действий, которые могли бы нарушить договор, и обещают не использовать ядерное оружие против стран, входящих в зону (негативные гарантии)⁵⁸.

Поэтому с осени 2002 г. до февраля 2005 г. консультационный процесс продолжался, и эксперты пытались найти компромисс по вопросам и комментариям, полученным от ядерных держав.

В результате появился новый проект договора 2005 г., в который были внесены некоторые изменения. Во-первых, по просьбе Казахстана проект теперь разрешает импорт и захоронение отходов низкого и среднего уровня радиоактивности при соблюдении стандартов и процедур, принятых МАГАТЭ (статья 3). Как уже было отмечено выше, предыдущий проект запрещал ввоз любых видов радиоактивных отходов. Видимо, Казахстан теперь думает об изменении своего законодательства с целью разрешения захоронений радиоактивных отходов иностранного происхождения на коммерческой основе. Кроме того, по новому проекту статья 4 предусматривает, что каждая сторона имеет право решать вопросы, связанные с транзитом через свою территорию, по своему усмотрению. Спорная статья 12 теперь говорит о том, что договор не влияет на права и обязанности сторон по другим международным договорам, которые они могли заключить до вступления в силу настоящего договора.

Еще одним отличием от предыдущих проектов является то, что договор никак не упоминает возможность присоединения к нему для стран, имеющих общие границы со странами-участниками договора и желающих присоединиться к ЦЗСЯО.

Последнее это то, что новый проект устанавливает депозитарием не Генерального секретаря ООН, как это было в ранних проектах, а Киргизию. По мнению некоторых экспертов, такое решение является больше политическим жестом, который призван отметить роль, которую Киргизия играла в установлении ЦЗСЯО⁵⁹.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА О СОЗДАНИИ ЦЗСЯО

Перспективы заключения договора – обнадеживающие. Тот факт, что соперничающие республики, являющиеся иногда выразителями интересов той или иной глобальной державы, все-таки смогли договориться, говорит о том, что создание ЦЗСЯО все же актуально и необходимо, прежде всего, для стран региона. Нельзя исключать и возможность ускорения процесса подписания договора вследствие трансформации позиции ядерных держав из-за изменения геополитической ситуации в регионе, смены правительств ядерных государств, или (в наихудшем случае) вследствие использования экстремистскими организациями в террористических целях радиоактивных материалов, находящихся на территории Центральной Азии.

Вообще перемена курса может случиться крайне неожиданно: например, после событий 11 сентября 2001 г. произошла смена акцентов в восприятии национальной безопасности США, что, в свою очередь, повлияло на прежние договоренности (выход США из ПРО).

Нельзя забывать, что угроза незаконного приобретения ядерных материалов становится в последнее время особенно актуальной, поскольку участились случаи незаконного оборота украденных радиоактивных материалов. Разумеется, в большинстве случаев речь идет о материалах, непригодных для создания ядерного взрывного устройства. Например, в 2004 г. в Киргизии был задержан торговец индикатором дыма, содержащим Рн-239⁶⁰, в Таджикистане в том же году был арестован гражданин Узбекистана с капсулой с плутоний-бериллиевым радиационным источником нейтронов⁶¹, а в Казахстане только в 2003 г. было выявлено 5 случаев незаконного оборота радиоактивных материалов⁶².

Но некоторые «бесхозные источники» все же могут попасть в руки террористов, стремящихся использовать их в радиологических устройствах распыления, или *грязных бомбах*⁶³.

Актуальность созданию ЦЗСЯО придает факт размещения США на военных базах в некоторых европейских странах (Турция, Италия, Великобритания, ФРГ, Нидерланды и Бельгия) 480 единиц ядерного оружия⁶⁴. Это наводит на размышления о гипотетической

возможности такого же использования ядерными державами баз в Центральной Азии⁶⁵ подталкивает к необходимости скорейшего подписания договора о ЦАЗСЯО.

Представляется, что существует три сценария развития событий.

Первый сценарий (пессимистический) – подписание договора будет откладываться в силу различных «технических» причин, пока вообще не уйдет с повестки дня.

Второй сценарий (промежуточный) – сам договор будет подписан и ратифицирован центральноазиатскими государствами, но протокол к нему ядерные державы в силу вышеописанных причин не подпишут. Другой вариант этого сценария: договор будет подписан всеми центральноазиатскими республиками, но из ядерных государств протокол к нему подпишут только Россия и Китай (не исключено, что в этом случае подписание договора и протокола к нему произойдет на очередной встрече ШОС).

И третий вариант, самый оптимистический и поэтому самый нереальный – центральноазиатские страны подпишут и ратифицируют в 2006–2007 гг. договор о создании ЦАЗСЯО, и все лидеры ядерных держав поставят свои подписи в протоколе к нему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы отметить специфику ЦАЗСЯО, то есть ее отличие от других подобных зон.

Во-первых, до сих пор ни одна из существующих зон, свободных от ядерного оружия, не имела среди стран-участниц государство, обладавшее арсеналом ядерного оружия (ЮАР, являющаяся частью Договора о безъядерной зоне Пелиндаба, располагала шестью ядерными боезарядами, однако они не стояли на вооружении в южноафриканской армии). Казахстан, отказавшийся в начале 1990-х гг. от ядерного оружия и имевший на своей территории четвертый по объему ядерный арсенал, является одним из подписантов этого договора⁶⁶.

Во-вторых, только центральноазиатская ЗСЯО представляет собой территорию, полностью окруженную сушей.

В-третьих, впервые договор о ЗСЯО включает обязательства, по которым страны – члены договора должны полностью подчиняться Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и Дополнительному протоколу МАГАТЭ, который предоставляет МАГАТЭ расширенное право на проведение инспекций⁶⁷. Кроме того, договор обязывает государства ЦА отвечать международным требованиям относительно безопасности их ядерных установок. Поэтому эти условия договора о ЦАЗСЯО служат и антитеррористическим целям.

В-четвертых, ЦАЗСЯО станет первой зоной, свободной от ядерного оружия, полностью находящейся в Северном полушарии, в котором большую часть занимают ядерные государства. Кроме непосредственно ядерных государств с ЦАЗСЯО соседствуют страны, владеющие ОМУ де-факто – Индия, Пакистан – и граничит *пороговая* страна – Иран.

Ну и, наконец, *последняя* уникальная черта договора заключается в том, что он признает ущерб, который понесли центральноазиатские республики вследствие ядерных программ в годы холодной войны. Договор призывает поддержать реабилитационные мероприятия в области охраны окружающей среды⁶⁸.

Примечания

¹ Название «Центральная Азия» является условным, и хотя с точки зрения географии и культурологии было бы правильнее говорить «Центральная Евразия», в данной работе будет использоваться устоявшееся словосочетание «Центральная Азия», которая будет рассматриваться на примере пяти постсоветских республик: Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан.

- ² NPT/CONF.1995/SR.8, "1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons". 1995, 25 April.
- ³ NPT/CONF.1995/MC.II/WP.17, Article VII – nuclear-weapon-free zone in Central Asia: working paper submitted by Kyrgyzstan.
- ⁴ NPT/CONF.1995/MC.II/1, "1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons". 1995, 5 May.
- ⁵ См. текст проекта резолюции «Kyrgyzstan and Mongolia: draft resolution. Establishment of a nuclear-weapon-free zone in the Central Asian region».
- ⁶ United Nations. Press Release, GA/DIS/3064. 1996, 4 November.
- ⁷ См.: Мнения казахстанских экспертов об угрозе со стороны Семипалатинского испытательного полигона разошлись. *NIS Export Control Observer*. 2004, апрель. С. 10.
- ⁸ См.: Случаи незаконного оборота в ННГ. *NIS Export Control Observer*. 2005, апрель. С. 13–14.
- ⁹ См.: В Казахстане прошел семинар по поиску и сохранности радиоактивных источников; планируется проведение инвентаризации источников радиации. *NIS Export Control Observer*. 2005, июнь. С. 3–4.
- ¹⁰ См.: Казахстан подписал Дополнительный протокол МАГАТЭ. *NIS Export Control Observer*. 2004, март. С. 2–3.
- ¹¹ См.: Казахстан ищет инвесторов для месторождения урана на юге. *AKIpress*. 2005, 9 декабря.
- ¹² См.: Абдыкапаров Ч., Иманходжаев Ч.У., Соколова Е.И. Экологическое воздействие на окружающую среду хвостохранилищ и отвалов урановых и полиметаллических руд в Кыргызской Республике. *Полисфера*. 2000, 2 февраля; другие данные (36 урановых хвостохранилищ и 25 горных отвалов) в: Как укротить хвосты. *Вечерний Бишкек*. 1999, 30 марта. С. 5.
- ¹³ См.: Оторбаева Асель. Урановая прибыль. *Вечерний Бишкек*. 2004, 1 марта. С. 1.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: В Кыргызстане похищено 460 кг оксида европия. *NIS Export Control Observer*. 2003, февраль. С. 16.
- ¹⁶ См.: Что важно знать в Таджикистане тому, кто ищет ОМУ? *Вечерний Душанбе*. 2003, 25 июля. С. 7.
- ¹⁷ Подробно о проблемах радиоактивной безопасности см.: Джураев Акрам. Статус радиоактивных материалов в Таджикистане. *NIS Export Control Observer*. 2004, июль. С. 11–16.
- ¹⁸ См.: Туркменистан подписал Дополнительный протокол МАГАТЭ. *NIS Export Control Observer*. 2005, июнь С. 2–3.
- ¹⁹ CNS. Turkmenistan: Overview. NIS Nuclear and Missile Database. <http://www.nti.org/db/nisprofs/turkmen/overview.htm>
- ²⁰ См.: Гольдштейн Р.И., Макаров П.В. Радиоактивные отходы на территории Узбекистана и в трансграничных районах, проблемы радиационной безопасности. *Полисфера*. 2000, 2 февраля.
- ²¹ См.: Россия вывезла ядерное топливо из Узбекистана. *NIS Export Control Observer*. 2004, сентябрь. С. 10–11.
- ²² См.: Там же. С. 11.
- ²³ См.: United Nations General Assembly, 52nd session, A/52/112, annex. Almaty Declaration, adopted by the leaders of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. 1997, 28 February.
- ²⁴ См.: Россия смотрит на Бишкек. *Слово Кыргызстана*. 1998, 9 июля. С. 1.
- ²⁵ См.: Сафранчук Иван. Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии: что думают в России. *Ядерный Контроль*. 1999, № 4, июль–август. С. 40–48.
- ²⁶ Перевод автора, United Nations Press Release GA/DIS/3110. 1998, 14 October.
- ²⁷ См., например: United Nations Press. Release GA/DIS/3142. 1999, October 13; United Nations Press Release GA/DIS/3186. 2000, October 20; United Nations. Press Release GA/DIS/3208, 56th General Assembly. 2001, October 23; United Nations. Press Release GA/DIS/3257, 58th General Assembly. 2003,

October 20; United Nations. Press Release GA/DIS/3281, 59th General Assembly. 2004, October 19; United Nations, 60th General Assembly, First Committee. 2005, October 14.

²⁸ Подробно о позиции Китая относительно ЦАЗСЯО см.: Хамраев Фарид. Создание в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, и политика Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2000, № 4. С. 42–45.

²⁹ См.: Speech by Head of the Chinese Delegation to the International Conference “Central Asia – Nuclear-Weapons-Free Zone”, Tashkent, Uzbekistan, 15 September 1997.

³⁰ Ibid.

³¹ См.: Statement of the Ambassador Hu Xiaodi, head of the Chinese delegation. The Second Preparatory Committee of the NPT, 28 April – 9 May 2003.

³² См.: Сафранчук Иван. Цит. соч.

³³ См.: Russian Statement at International Conference “Central Asia – Nuclear-Weapons-Free zone”, Tashkent, September 14–16, 1997.

³⁴ См.: Россия смотрит на Бишкек. *Слово Кыргызстана*. 1998, 9 июля. С. 1.

³⁵ См.: Remarks of U. S. Delegation to the Central Asian Nuclear-Weapon-Free Zone Conference, Tashkent, Uzbekistan, September 15–16 [1997].

³⁶ См.: Remarks of U. S. Delegation to the Central Asian Nuclear-Weapon-Free Zone Conference, Tashkent, Uzbekistan, [1997], September 15–16.

http://www.nti.org/e_research/profiles/Turkmenistan/index_5215.html#un

³⁷ См.: United Nations Press Release GA/DIS/3095. 1997, November 10.

³⁸ Подробнее см.: Courmont Barthelemy. Mongolia's Nuclear-Weapon-Free Status: France's Implication and Security Issues.

<http://www.iris-france.org/pagefr.php3?fichier=fr/Archives/Tribunes/2001-09-05>

³⁹ См.: United Nations General Assembly, 52nd session, Resolution 52/38, Establishment of a nuclear-weapon-free zone in Central Asia. 1997, December 9.

⁴⁰ Хотелось бы отметить роль Монтерейского института международных исследований США, эксперты которого не только помогали консультациями по вопросам создания зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, но и помогали проводить встречи на экспертном уровне представителей республик ЦА.

⁴¹ См. Заявление министров иностранных дел Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан.

⁴² См.: Центральная Азия может быть безъядерной зоной. <http://sinews.uz/articles.pl/?/4/4015>

⁴³ См.: United Nations Press Release DC/2851. 2002, 19 декабря.

⁴⁴ См.: В Ташкенте прошел семинар МАГАТЭ по укреплению системы гарантий. *NIS Export Control Observer*. 2003, июль. С. 25–26.

⁴⁵ См.: От региональной безопасности – к мировой. *УзА*. 2005, 11 февраля.

⁴⁶ См.: NPT/CONF.2005/WP.28.

⁴⁷ См.: Мукашев Кубаньчбек. Бомба нам не нужна. *Вечерний Бишкек*. 2005, 15 февраля. С. 11.

⁴⁸ См.: United Nations General Assembly 60th session, A/C.1/60/L.7, 12 October 2005, First Committee. Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan: draft decision “Establishment of a nuclear-weapon-free zone in Central Asia”.

⁴⁹ О деталях проекта договора 2002 г. см.: Parrish Scott, Central Asian States Achieve Breakthrough on Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty. 2004, March 28. <http://cns.miis.edu/pubs/week/020930.htm>

⁵⁰ Узбекистан пока не планирует вступать в ОДКБ – Бордюжа. *Интерфакс*. 2005, 28 декабря.

⁵¹ Например, см.: Айманбетова Айгуль. Перспективы создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. <http://sng.astudent.ru/sbornik/aimanbetova.doc>

⁵² Кроме того, при подписании ШОС все страны-участницы заявили об одобрении инициативы создания ЦАЗСЯО. См.: Бишкекская Декларация Глав государств Республики Казахстан, Китайской

Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. Также см. о позиции Китая: Central Asia Nuclear-Weapon-Free Zone; вообще о политике Китая в области нераспространения см. China's Non-Proliferation Policy and Measures.

⁵³ На этом активно настаивала российская сторона, см.: Малов А.Ю. Договор о нераспространении ядерного оружия. <http://www.armscontrol.ru/course/lectures03b/aym031022.htm>

⁵⁴ См.: Parrish, Scott. Prospects for a Central Asian Nuclear-Weapon-Free-Zone. *Nonproliferation Review*. 2001, Spring. P. 146.

⁵⁵ См.: В Самарканде завершилась встреча экспертов стран Центральной Азии, обсуждавших проект договора о безъядерном статусе региона. *PIA Новости*. 2002, 28 сентября.

⁵⁶ См.: Establishment of a nuclear-weapon-free zone in Central Asia, Explanation of Vote (Eov) For L. 44, Unofficial Version of the United States Statement on UN First Committee Agenda. Item 71, L. 44.

⁵⁷ См.: Khan Asma. Nuclear-Weapon-Free Zones (NWFZ) at a Glance. <http://www.armscontrol.org/factsheets/nwfz.asp?print>

⁵⁸ См.: Nuclear Weapon States Dispute Central Asian Pact.

⁵⁹ См.: Central Asian States Finalize Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty. *NIS Export Control Observer*. 2005, February. P. 4.

⁶⁰ См.: Ночевкин Вадим. Базар для ядерных террористов. *Дело №*. 2004, 6 октября. С. 3.

⁶¹ См.: В Таджикистане у гражданина Узбекистана изъята капсула с плутонием. *Tajikistan Development Gateway*. 2004, 15 марта.

⁶² См.: Обзор случаев незаконного оборота ядерных материалов, радиоизотопов и материалов двойного назначения на территории ННГ в 2003 г. *NIS Export Control Observer*. 2003, декабрь. С. 21–26.

⁶³ См.: В Казахстане прошел семинар по поиску и сохранности радиоактивных источников; планируется проведение инвентаризации источников радиации. *NIS Export Control Observer*. 2005, июнь. С. 3–4.

⁶⁴ См.: Schmitt Eric. Up to 480 U.S. Nuclear Arms in Europe, Private Study Says. *New York Times*. 2005, 9 February; Cornwell Rupert. US Holds 480 Nuclear Weapons In Europe – Study. *Independent – UK*. 2005, February. 10. полный отчет см.: Kristensen Hans M. U.S. Nuclear Weapons in Europe. New report provides unprecedented details (February 2005).

⁶⁵ Представляется, что сообщения некоторых зарубежных СМИ о том, что США уже разместили ядерное оружие в Центральной Азии, не имеют под собой основы и могут рассматриваться только на уровне непроверенной информации. См.: Bush and Putin in Nuclear Tit-for-Tat Accord, October 5, 2001; Pakistani Newspaper Reports US Deployment of Tactical Nuclear Weapons In Central Asia – Quotes Debka. 2001, October 8. US Deploys Tactical Nuclear Weapons in Afghanistan. 2001, October 10.

⁶⁶ Необходимо отметить, что ядерное оружие находилось на территории Казахстана, но не было в управлении Вооруженных сил Казахстана.

⁶⁷ См.: Туркменистан подписал Дополнительный протокол МАГАТЭ. *NIS Export Control Observer*. 2005, июнь. С. 2–3.

⁶⁸ См.: Joint Statement of Five Central Asian States – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan, Conference of States Parties and Signatories of Treaties that Establish Nuclear-Weapon-Free Zones, Tlatelolco, Mexico, April 26–28, 2005.

В последние годы в рамках ведущейся дискуссии о перспективах дальнейшего выстраивания российской внешнеполитической линии было неоднократно подтверждено, что азиатское направление остается для России одним из приоритетных. С этим утверждением трудно не согласиться: в самом деле, если учитывать роль и значение азиатских стран в мировых политических и экономических делах и традиционное внимание, которое наша страна всегда уделяла азиатским гигантам, таким, как Китай и Индия, значение азиатского вектора для России оспаривать трудно.

Если взглянуть на южноазиатский регион, то здесь, бесспорно, партнером номер один для нас является Индия, отношения с которой у России вышли на уровень стратегического партнерства. Однако довольно необычной кажется ситуация, когда при развитии отношений с Индией – что, разумеется, исключительно важно, как правило, почти не уделяется внимания остальным государствам региона. Почти отсутствует российское взаимодействие с Пакистаном, а ведь это государство является одним из лидеров развивающегося мира и по потенциалу (демографическому, экономическому), и по объему экономики, и в военной сфере. По численности населения Пакистан практически равен России, а его географическое положение дает основание считать это государство своего рода «стратегическим мостом» между Ближним и Средним Востоком и Южной Азией. С внешнеполитической точки зрения Пакистан всегда был весьма влиятельной страной, пользующейся немалым авторитетом среди развивающихся государств, особенно в мусульманском мире.

В настоящее время сотрудничество с Пакистаном в сфере безопасности считается некоторыми обозревателями чем-то мало реальным. Сейчас объем российского взаимодействия с Исламабадом крайне мал: так, торговый оборот насчитывает примерно 150 млн долл. в год. Одним из основных аргументов против интенсификации российско-пакистанского взаимодействия является представление о том, что это может нанести удар по партнерским отношениям России с Индией, у которой с Пакистаном вот уже 56 лет не затухает военное противостояние.

Конечно, налаживание сотрудничества фактически «с нуля» с любым государством, особенно с учетом непростого внешнеполитического климата в регионе, требует осторожного, взвешенного подхода. Следует заметить, что развитие отношений между Россией и Пакистаном, история которого насчитывает столько же лет, сколько и независимое развитие этой страны, проходило различные этапы, среди которых были не только спады, но и заметные подъемы. Так, в 1960–1970-е гг. СССР достаточно успешно развивал сотрудничество с Пакистаном в экономической сфере.

СОТРУДНИЧЕСТВО СССР С ПАКИСТАНОМ В 1940–1970-Е ГГ.

С одной стороны, Пакистан с самого момента получения независимости в 1947 г. был и с политической и с экономической точек зрения по ряду причин «привязан» преимущественно к странам западного блока. С другой стороны, это не означало, что пакистанское руководство не пыталось налаживать отношения с Советским Союзом. Когда Пакистан к началу 1960-х гг. окончательно оформил свой внешнеполитический курс, страна начала несколько диверсифицировать рынок внешней торговли. В 1961–1964 гг. между СССР и Пакистаном было подписано несколько соглашений об экономическом, техническом и культурном сотрудничестве, с 1964 г. Пакистан начал крупные закупки изделий советской тяжелой промышленности. Заинтересованность Пакистана в сотрудничестве с СССР была очевидна после интенсивного обмена визитами руководителей, например, премьер-министр М. Айюб-Хан трижды побывал в СССР (в 1965, 1966 и 1967 гг.)¹.

Во второй половине 1960-х гг. Пакистан пошел на определенный пересмотр своей односторонне проамериканской внешнеполитической линии, и одним из наиболее явных свидетельств этого было улучшение отношений с СССР. Дело здесь было не столько в том, что новое руководство М. Айюб-Хана стояло на несколько более левых позициях, чем его предшественники, а скорее в том, что США показали себя достаточно ненадежным партнером. После войны Пакистана с Индией в 1965 г. американская военная помощь Пакистану была прекращена, что сразу же негативно сказалось на вооруженных силах, которые полностью зависели от американского содействия. В значительной степени были свернуты и американо-пакистанские контакты в экономической сфере. Пакистанское правительство, в свою очередь, пошло на шаги, направленные на уменьшение американского влияния, например, в 1968 г. оно объявило о своем нежелании продолжать контракт по содержанию американской базы в Бадабере близ г. Пешавара (база, созданная в соответствии с соглашением о военной помощи 1954 г., была окончательно закрыта в 1970 г.²). Военную помощь Пакистан также старался получать от возможно большего числа стран, в частности сразу от всех крупных держав, имевших в Южной Азии непосредственные интересы, в том числе и СССР.

Когда Равалпинди стал проявлять заинтересованность в сотрудничестве с Советским Союзом, СССР достаточно благосклонно пошел на сближение, хотя, как считают специалисты, здесь Москвой руководило в значительной степени стремление несколько «отвязать» Пакистан от Китая³. Пакистану была оказана достаточно заметная экономическая помощь, страна также закупила партию вертолетов *Ми-8* и радарных систем. Летом 1966 г. Пакистан заключил с СССР соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве на 1966–1972 гг., по которому Советский Союз оказал стране заметное содействие в развитии тяжелой промышленности и наукоемких производств, активизировалась двухсторонняя торговля. С советской помощью в Пакистане было создано несколько промышленных предприятий, ввод в эксплуатацию которых заметно содействовал увеличению экономического потенциала страны.

Важнейшим проявлением советско-пакистанского экономического и научно-технического сотрудничества стало сооружение металлургического завода в районе Карачи, закладка которого произошла в декабре 1973 г. На льготных условиях СССР предоставил основную часть оборудования, оказал необходимое техническое содействие, в том числе в подготовке кадров.

Вообще, в первой половине и середине 1970-х гг. в Пакистане в строй вошло большое количество объектов, построенных при советском содействии. Стоит, например, отметить сооружение энергоблока ТЭС в Гудде или радиостанции близ Исламабада, которая на тот момент стала самой крупной в стране. К концу 1970-х гг. каждый четвертый телевизор в Пакистане был сделан в СССР, каждая шестая тонна нефти добыта на месторождениях, разведанных или освоенных с участием советских специалистов. Каждый четвертый трактор в Пакистане был марки «Беларусь»⁴. Таким образом, Россия имеет весьма богатый опыт взаимодействия с Пакистаном.

ОБОСТРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПАКИСТАНА С СССР

Однако последующие события настолько изменили ситуацию, что советско-пакистанские отношения с начала 1980-х гг. вошли в полосу упадка. Главной причиной был ввод в Афганистан советских войск и, как следствие, резкое изменение всего стратегического баланса в регионе. Нынешнее негативное восприятие Пакистана среди части российских политиков, обозревателей и военных является практически полностью наследием именно этого «афганского» периода.

Правительство Пакистана во главе с незадолго до того пришедшим к власти генералом Зия уль-Хаком сразу же заняло курс на резкое сближение с США. В сущности, оно перед выбором в тот момент и не стояло. Пакистанцы прекрасно осознавали, что выход советской военной мощи на рубежи Южной Азии незамедлительно повлечет ответные меры американцев, которые будут стремиться «устроить Советам собственный Вьетнам» и которым в этих целях потребуются заполнить государство-союзника вблизи Афганистана. Пакистан подходил на роль прифронтового государства как нельзя лучше, тем более что опыт активного взаимодействия в военной области с Исламабадом у Белого дома был немалый. С Пакистаном американцы заключили в 1981 г. соглашение о военно-экономической помощи на сумму в 3,2 млрд долл. в течение следующих пяти лет. Поставки военной техники в рамках этого соглашения фактически сформировали пакистанские вооруженные силы на два десятилетия вперед.

Второй (и, возможно, не менее важной) причиной резкого антисоветского поворота пакистанского руководства стал очевидный шанс укрепить свое влияние в Афганистане с перспективой «привязать» эту страну к себе в случае победы там оппозиционных сил. Для Пакистана получить Афганистан в качестве близкого союзника, тем более зависимо от него экономически и политически, было настолько ценным, что Исламабад мог позволить себе вступить с Советским Союзом практически во враждебное состояние.

Здесь стоит иметь в виду, что Афганистан всегда имел для пакистанцев особое значение в контексте их противостояния с Индией. Крайне существенной слабостью Пакистана по отношению к Индии является его большая географическая уязвимость: так, в своей средней части он имеет в ширину примерно 500 км, при этом ни одна из его военно-воздушных баз не отстоит от границы с Индией дальше чем на 400 км. Фактическое отсутствие стратегического тыла постоянно внушало пакистанскому руководству самые серьезные опасения. Весьма обширная территория Афганистана как раз очень подходила на роль такого тылового приращения, которое могло бы на случай обострения индийско-пакистанского противостояния обеспечить для пакистанских вооруженных сил необходимую глубину, например для возможного рассредоточения или безопасного базирования. О более выгодном стратегическом приобретении, чем территория Афганистана, Пакистан не мог и мечтать в течение всего периода его военной конфронтации с Индией.

Не следует сбрасывать со счетов и китайский фактор. Розыгрыш «антисоветской карты» в тот момент мог только привлечь новые партии помощи – как военной, так и экономической – со стороны Китая, который еще продолжал идти маоцзэдуновским курсом, предполагавшим противостояние с Москвой.

Еще одним фактором, обусловившим выбор в пользу однозначно антисоветского курса, была неуверенность З. уль-Хака относительно собственной внутриполитической устойчивости. Пакистанскому военному режиму была срочно необходима финансовая подпитка и не меньше того требовалось отвлечь общественное мнение на какое-то важное событие, желательно внешнеполитическое. Как подчеркивают исследователи, прямое советское вмешательство в дела Афганистана стало для пакистанской верхушки неожиданным спасением⁵.

Понятно, что когда речь шла о столь важных стратегических дивидендах, да еще в сочетании с несомненными материальными выгодами, которые мог принести статус «прифронтового государства», охлаждение отношений с Москвой не могло стать для пакистанцев весомым сдерживающим фактором. Вполне естественно, что вслед за снижением уровня политических отношений с СССР последовало и изменение структуры двух-

сторонней торговли. Следует, однако, отметить, что, несмотря на напряженные политические отношения между Советским Союзом и Пакистаном, торгово-экономическое сотрудничество между ними в первой половине 1980-х гг. еще оставалось на довольно высоком уровне (хотя, конечно, масштабные проекты, подобные постройке металлургического завода, уже более не осуществлялись). Например, по соглашению 1981 г. был построен завод по сборке советских тракторов.

Но политика, проводимая пакистанской правящей верхушкой по отношению к Афганистану, включавшая даже открытое участие пакистанских инструкторов в боевых действиях против советских войск, не могла не сказаться на экономических отношениях с Москвой самым негативным образом. Несмотря на официальные заявления о стремлении к дружбе с СССР, Пакистан с 1980 г. последовательно сворачивал сотрудничество с ним. Выполнение заключенных ранее соглашений стало фактически невозможным в связи с антисоветской пропагандой в Пакистане. Показательно, что Общество пакистано-советской дружбы в Пакистане из-за репрессивной политики правительства оказалось неспособным продолжать работу⁶. Усиленное насаждение при З. уль-Хаке воинствующей исламской идеологии, естественно, только подогревало антисоветские настроения Исламабада.

ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ В РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ПАКИСТАНА И ЕГО ПОИСК НОВЫХ ПАРТНЕРОВ

Указанная неприятная ситуация продолжалась на протяжении всех 1980-х гг. и отчасти в 1990-е гг. Однако с конца 1990-х гг. пакистанцы начали постепенно менять свое однозначно негативное восприятие России. Причиной тому стала вновь возникшая необходимость поиска партнеров во внешнеполитической и внешнеэкономической областях. США с 1990 г. прекратили сотрудничество с Пакистаном в военной сфере и вообще фактически вышли из числа основных партнеров Исламабада в области безопасности, что самым отрицательным образом сказалось не только на состоянии вооруженных сил страны, но и на ее экономическом развитии. На позицию США повлияло, прежде всего, то, что с выводом советских войск из Афганистана США в значительной степени потеряли заинтересованность в крупномасштабной помощи Пакистану. После того как необходимость в «прифронтовом государстве» отпала, американцы «вспомнили» о ядерной программе Исламабада и в этой связи пошли на свертывание отношений с ним и даже на введение санкций⁷.

По словам самих пакистанцев, по причине спада «особых отношений» Пакистана с США 1990-е гг. вообще стали для Пакистана «наихудшим десятилетием» как с внешне-, так и внутривнутриполитической точки зрения. Пока советские войска находились в Афганистане, Вашингтон поддерживал Пакистан, так как это вело к поражению СССР. А после прекращения американской помощи Пакистан стал «несчастной страной, с беспокойной внутривнутриполитической ситуацией, враждебной по отношению к остальному миру»⁸.

В середине и конце 1990-х гг. в Пакистане продолжался затяжной экономический кризис. Многие видные аналитики описывали ситуацию в экономике страны как чрезвычайно тяжелую⁹. Такое утверждение было обосновано тем, что объем иностранных вложений в экономику Пакистана, по словам министра торговли А.-Р. Дауда, снизился в 2000/2001 финансовом году до отметки, рекордно низкой за последние 12 лет, составив менее 182 млн долл.¹⁰. И при всем этом Пакистан продолжал поддерживать свои военные программы на прежнем уровне, изыскивая источники финансирования внутри страны. Безусловно, нагрузка на экономику значительно возрастала, если добавить еще и огромные расходы на создание ядерных сил. Ядерная программа истощала экономические ресурсы Пакистана. В результате он столкнулся с нарастающими внутренними социальными проблемами, которые стали частично следствием расходов на ядерную программу, а частично – результатом изменения отношения к Пакистану со стороны ведущих промышленных держав мира, что, в свою очередь, было вызвано массивной поддержкой, которую Пакистан оказывал талибам, пришедшим к власти в Кабуле. Отри-

цательно на имидже Исламабада сказывалось также и то, что Движение Талибан было создано на территории Пакистана и с самым активным участием пакистанских властей.

Кроме того, санкции против Индии и Пакистана после ядерных испытаний, проведенных ими в мае 1998 г., оказались для Исламабада чрезвычайно болезненными, хотя страна, в общем, и сумела удержать экономику от обвала¹¹. Для Пакистана результат ядерных испытаний оказался, по мнению многих аналитиков, противоположен тому, которого добилась Индия¹².

В условиях столь непростой обстановки пакистанцы пришли к вполне закономерному выводу об актуальности определенного пересмотра своего внешнеполитического курса. Срочно требовались новые партнеры, новые источники зарубежной помощи и инвестиций. Но с Россией отношения наладить было тогда сложно – первые несколько лет после вывода советских войск из Афганистана Исламабад все еще оставался «заложником» прежнего антироссийского подхода. Это находило выражение в столь негативном для нас явлении, как поддержка Пакистаном чеченских сепаратистов. Еще в конце 1990-х гг. чеченские эмиссары свободно действовали в Пакистане, занимались обучением и вербовкой боевиков и сбором средств. Разумеется, при такой позиции Пакистана российская сторона не могла пойти на сближение с ним, и двухсторонний обмен между Москвой и Исламабадом носил случайный и нерегулярный характер. Отрицательное восприятие Пакистана российской политической элитой было на тот момент вполне понятным и оправданным.

Но ситуация начала проявлять тенденцию к улучшению, когда тяжелые реалии заставили Пакистан пойти на постепенное изменение своего отношения к России. Это выразилось, в частности, в том, что пакистанцы быстро подавили активность чеченских группировок на своей территории. Не в последнюю очередь в данном случае свою роль сыграло желание Исламабада дать России понять, что Пакистан стремится к улучшению двухсторонних отношений и отходит от прежних стереотипов. После ввода в Афганистан в 2001 г. американских войск Пакистан, начав принимать действительно серьезные меры по борьбе с экстремистскими группировками, окончательно устранил чеченскую «сеть» – сейчас в Пакистане эмиссары чеченских сепаратистов практически не имеют возможности вести свою антироссийскую деятельность.

Заинтересованность Пакистана в улучшении отношений с Россией не уменьшилась с началом американской оккупации Афганистана. Нельзя сказать, что эта тенденция была вызвана сиюминутными обстоятельствами, вызванными только сложностями в экономике, поскольку в 2001–2002 гг. появились достаточно заметные признаки экономического оздоровления страны (в сентябре – октябре 2001 г. был отмечен самый низкий показатель бюджетного дефицита за всю историю страны – 1 % от ВВП¹³, а курс пакистанской рупии показывал тенденцию к значительному укреплению). Одной из основных причин повышения внимания к России было, как и в конце 1960-х гг., стремление Пакистана найти новых партнеров в условиях американской «непредсказуемости». Следует отметить, что инициативу к налаживанию связей первым начал подавать Пакистан. Интересно, насколько в последние три-четыре года изменилась риторика пакистанских официальных представителей и СМИ – оголтелая критика и резкие антироссийские высказывания заметно пошли на убыль. При этом уже обычным тоном является спокойный настрой с выражением сдержанного оптимизма в отношении возможного расширения связей с Россией.

Один из аргументов пакистанцев в пользу интенсификации сотрудничества с Россией – что оно сможет оказать достаточно благотворное воздействие на стратегическую обстановку в Южной Азии. Как представляется, такое утверждение не лишено основания. Настоящий период развития международных отношений в регионе отличается чертами, которые уже в достаточно недалекой перспективе могут привести к последствиям, весьма нежелательным как для российских интересов, так и для глобальной безопасности в целом.

Дело в том, что развивавшиеся до сих пор стабильно процессы накопления обычных вооружений в Южной Азии, военное противостояние между Индией и Пакистаном и разви-

тие региональной системы стратегического баланса в целом в последние 10–12 лет характеризуются сейчас не имевшей места прежде тенденцией – растущей асимметрией этого процесса. Если практически весь предыдущий период пакистано-индийского противостояния был отмечен достаточно сбалансированной эскалацией, когда и Индия, и Пакистан повышали мощь своих вооруженных сил в целом равными темпами, удерживая, как правило, постоянное соотношение сил, то с 1990-х гг. можно говорить о том, что Индия в военной гонке явно увеличивает отрыв, который при сохранении современного положения дел Пакистан едва ли сможет компенсировать.

Такая тенденция обусловлена довольно широким набором причин как регионального, так и внешнего характера. Прежде всего, речь идет о военном противостоянии Пакистана с Индией. Здесь следует указать на ускоренный экономический рост Индии, связанное с ним увеличение военных ассигнований и те весомые результаты, которые начало приносить развитие национальной военно-промышленной базы. Пакистан пока не может похвастаться такими достижениями: его экономика также показывает положительный рост, но он происходит все же медленнее, чем прирост индийской экономики.

Кроме того, научно-техническая база Индии вплотную приблизилась к рубежу, за которым наступает резкий качественный скачок, когда страна будет в состоянии осуществлять проекты высокой степени сложности, включая космические, а также разработку и промышленный выпуск современных самолетов. Пакистан не имеет таких возможностей и, судя по всему, не получит их и в ближайшем будущем.

Однако главной причиной складывающейся ситуации является, видимо, произошедшее за последние 12 лет принципиальное изменение характера глобальной системы международных отношений и, соответственно, роли Южной Азии в мировых делах. Начиная с середины 1950-х гг. региональный стратегический баланс, основным элементом которого было военное противостояние Индии и Пакистана, складывался в зависимости от динамики биполярной конфронтации. Конечно, речь не шла о непосредственном вовлечении двух этих государств в советско-американское противоборство, но распределение внешнеполитических приоритетов и Пакистана, и Индии было в большой степени обусловлено разделением мира на два лагеря, поэтому и иностранную военную помощь оба государства получали в значительной степени в зависимости от различия интересов Москвы и Вашингтона.

Создание в 1950-е гг. антисоветских блоков СЕАТО и СЕНТО и связанные с этим программы американской военной помощи странам третьего мира (в данном случае – Пакистану) были одним из важнейших периферийных элементов американской стратегии, направленной на распространение влияния Вашингтона на возможно более широкий круг развивающихся государств в условиях «холодной войны». Масштабное содействие Вашингтона Исламабаду в военно-технической области позже, во время правления З. уль-Хака, было также вызвано в первую очередь антисоветской направленностью политики США. Таким образом, пакистанский военный потенциал в 1950–1980-е гг. развивался практически полностью благодаря американскому содействию, продиктованному стремлением Вашингтона к сдерживанию СССР, т.е. в общем не будет преувеличением сказать, что Пакистан был способен поддерживать военный баланс с Индией только благодаря холодной войне, причем баланс этот был очевидно непропорционален соотношению собственных экономических потенциалов Пакистана и Индии.

С исчезновением советско-американского противостояния и практической неспособностью нынешней России к проецированию военной силы за пределы национальной территории и тем более оказанию военного давления на США Белый дом уже далеко не так, как прежде, заинтересован в усилении военного потенциала Пакистана. В настоящее время, в условиях снижения интереса США и многих других стран Запада к активному военному сотрудничеству с Пакистаном, Исламабад рискует остаться лишь с малой долей импорта высокотехнологичных вооружений по сравнению с прошлыми временами. Пока никаких явных мотиваций для заключения с Пакистаном контрактов, подобных соглашению 1981 г., у США не просматривается, особенно если учесть заметное повышение интереса Белого дома к Индии. Тем более маловероятным представляется получение Пакистаном иных источников регулярной военной и финансовой подпитки

из-за рубежа. Китайская военная и экономическая помощь, при всей ее значимости, вряд ли сможет полностью компенсировать острую потребность в современных видах вооружений.

Усиленное финансирование вооруженных сил Индии и реализация Дели собственных программ разработки вооружений закладывают основу для качественного усиления индийской военной мощи, вероятно, уже к 2008–2010 гг. Если же говорить о Пакистане, то весьма сомнительно, что он будет в состоянии совершить столь же резкий прорыв в своей обороноспособности, не имея даже и малой доли тех возможностей, которые предоставлялись ему во времена «холодной войны». Таким образом, асимметричность индийско-пакистанской военной конфронтации, вероятно, будет становиться все более явной: Пакистан, испытывая острую нехватку финансовых средств и вооружений нового поколения, тем более в условиях достаточно сильного внешнеполитического давления, начнет «сдавать позиции» в своем противостоянии с Индией, которая выйдет на глобальный уровень в плане военно-политической мощи.

При том обстоятельстве, что продолжение противостояния с Дели становится для пакистанских военных в значительной степени залогом сохранения их позиций в обществе, ослабление трений с Индией, очевидно, не отвечает долгосрочным интересам высшего офицерства. Прекращение огня на *Линии контроля*, достигнутое сторонами в конце ноября 2003 г. по инициативе Пакистана, вполне вероятно, может в любой момент быть нарушено и потепление в пакистано-индийских отношениях не будет продолжительным.

Однако существует вероятность, что инициатива о прекращении огня и ряд последовавших за ней договоренностей, снижающих двустороннюю напряженность, включая визит пакистанского президента П. Мушаррафа в Индию в 2005 г., могут быть первыми признаками, свидетельствующими о том, что Пакистан уже начинает «сдавать позиции» в противостоянии с Индией, не выдерживая тягот военно-стратегической гонки в условиях напряженной внешнеполитической ситуации. Одним из свидетельств может служить заявление П. Мушаррафа о том, что «Пакистан более не настаивает на выполнении резолюций ООН по Кашмиру»¹⁴, т.е. Исламабад впервые готов рассмотреть возможность отказа от одного из своих наиболее фундаментальных требований. Но в случае «сдачи позиций» пакистанская армия попадает в «заколдованный круг»: с одной стороны, гонка вооружений с Индией в сочетании с нагнетанием антииндийских настроений внутри страны становятся экономически и политически неподъемными, поэтому необходимо искать выход из конфронтации, с другой – в целях поддержания руководящей роли армии в обществе эту конфронтацию и напряженность на *Линии контроля* необходимо сохранять. И в первом, и во втором случае Пакистан рискует оказаться в кризисном положении: либо армия, лишаясь фактора «индийской угрозы», в существенной степени может потерять поддержку в обществе, вследствие чего возникнет вероятность появления «вакуума власти», либо экономика страны может быть ввергнута в глубокую депрессию из-за чрезмерных военных затрат в попытках угнаться за уходящей вперед индийской военной машиной, что также повлечет падение авторитета военных. Ослабление влияния пакистанских вооруженных сил на политическую систему страны может иметь весьма пагубные последствия в виде резкого всплеска нестабильности, поскольку армия, несмотря на распространение исламистских идей среди части военных, является главным, если не единственным, реальным противовесом исламскому экстремизму в стране. Это особенно касается нынешнего пакистанского руководства во главе с П. Мушаррафом, которое в последние несколько лет предприняло действительно эффективные масштабные меры по подавлению деятельности экстремистских группировок.

Усиление дисбаланса в военном противостоянии Дели и Исламабада может привести к тому, что индийцы, почувствовав большую, нежели прежде, уверенность в своих силах, попытаются, возможно, увеличить давление на Пакистан в целях добиться беспрецедентных уступок по ряду вопросов, в том числе по Кашмирской проблеме. Не исключено при этом, что индийцы будут делать упор на силовую составляющую своей политики, тем более что взгляды «ястребов» приобретают среди индийских правящих кругов все большую популярность.

Вообще говоря, в политологии существует распространенное мнение, что у конфронтационной ситуации, тем более такой сложной и давно сложившейся, как индийско-пакистанское противостояние, не может быть иной развязки, кроме кризисной и взрывной¹⁵. Это будет не обязательно война или физический «уход со сцены» одного из противников, но в любом случае вовсе не мирное и безболезненное разрешение проблемы. Можно предполагать, скажем, физический «уход со сцены» одного из противников, как это было в случае с Советским Союзом. Если принимать такую точку зрения, то, бесспорно, из двух участников южноазиатского противостояния кандидатом на «кризисный» выход из игры становится слабейший – Пакистан (поскольку добровольный отказ от конфронтационной политики практически нереален).

Впрочем, в случае нарастания кризисных явлений в Пакистане в обстановке увеличивающегося отрыва Индии в военной гонке, нельзя полностью исключать и военный сценарий развития ситуации. Если Пакистан окажется в конце концов «загнанным в угол», может сказаться общая психологическая усталость пакистанского руководства, которое решится – в качестве жеста отчаяния – на войну. Нечто подобное случилось во время третьей индийско-пакистанской войны в декабре 1971 г., когда правительство А.М. Яхья-Хана решило, что терять ему в принципе нечего, и начало боевые действия, несмотря на заведомо проигрышное положение. В настоящее время, безусловно, война не является для Исламабада безальтернативным вариантом, но если обстоятельства для пакистанцев будут и в дальнейшем ухудшаться, возможностей Пакистана для внешнеполитического маневра будет становиться все меньше. Хотя пока, если говорить о нестабильности внутривнутриполитического положения в Пакистане в настоящее время, стоит обратить внимание на то, что нынешнее пакистанское руководство не более нестабильно, чем, скажем, правительство Яхья-Хана в конце 1960-х гг. или, в принципе, любое другое правительство Пакистана в 1950–1970-е гг. Диверсификация внешних связей, развитие отношений с такой крупной страной, как Россия, несомненно, только укрепят положение пакистанской правящей элиты.

Разумеется, банкротство экономики Пакистана и/или распад страны «по советскому образцу» с труднопредсказуемыми последствиями не могут быть выгодны никому из ведущих стран мира и самой Индии. В этой связи действия США по оказанию помощи Исламабаду в 2001–2003 гг. могут быть истолкованы как попытка Вашингтона предотвратить такой крайний вариант.

ВЫГОДЫ ОТ НАРАЩИВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ С ИСЛАМАБАДОМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Российское участие в усилиях по предотвращению подобного кризиса южноазиатской подсистемы международных отношений представлялось бы также вполне логичным. Сохранение стратегического баланса и силового равновесия в регионе, где у России остаются важные экономические и политические интересы, было бы для нашей страны крайне важно. Едва ли обоснованы тревоги индийцев в связи с возможностью «внесения дисбаланса» в соотношение сил Дели и Исламабада: индийский военный потенциал растет такими темпами, что даже самое крупномасштабное иностранное военное содействие Пакистану приведет максимум к удержанию прежнего соотношения сил.

Заключение с Пакистаном контрактов в военной области было бы для России весьма выгодно со многих точек зрения. Для российской военной промышленности на данном этапе был бы востребован еще один крупный покупатель, испытывающий острую потребность в современных вооружениях и технологиях и готовый к масштабным приобретениям практически всех видов техники. Безусловно, сдерживающим моментом на этом направлении может стать то, что пока Пакистан в общественном мнении России – как и многих других стран – ассоциируется с идеями воинствующего исламского радикализма. Следует, однако, иметь в виду, что пакистанцы, действительно, не всегда сдержанно апеллируя в прошлом к исламским лозунгам, преследовали чисто политические задачи обеспечения себе поддержки со стороны мусульманского мира и сглаживания этнических противоречий и что радикальные эмоции в этой стране всегда были во многом

столь же прагматичными, сколь и управляемыми. «Исламизация» внутренней жизни Пакистана, активно проводившаяся при З. уль-Хаке, была мерой, обусловленной прежде всего экономически – к примеру, введение исламских налогов *закята* и *ушра* дало очень существенные поступления в госбюджет. Политическая подоплека «исламизации» также более чем прозрачна: при интенсивном развитии связей с арабскими монархиями Персидского залива в конце 1970-х – начале 1980-х гг. было необходимо создать хотя бы видимость того, что законодательные и правовые нормы в Пакистане приводились в соответствие с кораническими предписаниями.

Фундаменталистские настроения в Пакистане всегда достаточно четко колебались в зависимости от политической конъюнктуры. Так, сокращение американского содействия немедленно породило всплеск исламистских настроений, на что американские аналитики не раз обращали внимание¹⁶. Поэтому если Пакистан станет импортером российской военной продукции и, тем более, приступит к развитию совместных проектов в экономической области, то, с учетом того, что пакистанская правящая элита всегда располагала достаточно мощными рычагами воздействия на радикальные исламские круги, фундаменталистские или антироссийские настроения внутри страны, вне сомнения, резко пойдут на убыль. Такого мнения придерживаются и авторитетные российские регионоведы, например В.Н. Москаленко¹⁷. Важно то, что сейчас Россия в случае наращивания отношений с Пакистаном будет на многих направлениях в весьма выгодном положении, оставаясь вне конкуренции со стороны других держав.

Опасаться нового витка конфронтации Пакистана с Россией, наподобие того, что имел место во время нахождения советских войск в Афганистане, едва ли стоит. Вряд ли может случиться, что именно Россия будет оппонентом Пакистана в борьбе за преобладающее влияние в Афганистане в обозримой перспективе.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ПАКИСТАНОМ В СВЕТЕ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Безусловно, задумываясь о путях развития военных и экономических связей с Пакистаном, следует внимательно отнестись к возможной негативной реакции на это со стороны Индии. Россия находится в данном случае в довольно выигрышном положении, располагая таким «заделом», который пока делает для Индии продолжение военно-технического сотрудничества с Москвой неизбежным практически вне зависимости от его политической желательности. Планируя ВТС на более отдаленную перспективу, целесообразно изучить опыт Франции, которая, являясь одним из основных поставщиков вооружений в Пакистан, осуществляет активное проникновение и на индийский рынок. Американцы, которые на протяжении 1950-х – 1980-х гг. были основными поставщиками вооружений в Пакистан, проявляют пристальный интерес к Индии. Нельзя исключать, что в ближайшее время между Дели и Вашингтоном могут быть заключены крупные контракты в военной области. Позиции российских экспортеров на индийском рынке военной продукции уже несколько лет испытывают сильное давление со стороны таких стран, как Франция и Израиль; кстати, по совокупной стоимости индийских военных заказов Тель-Авив вышел на второе место после Москвы. В недалеком будущем доля России в поставках вооружений в Индию может серьезно уменьшиться, что неминуемо повлечет падение нашего влияния в Южной Азии вообще (тем более, что если не считать торговли вооружениями, у нас с Индией объем двухстороннего сотрудничества не так уж и велик – всего около 1,3 млрд долл. в год, в то время как у США с Индией – более 27 млрд долл.).

Заявления, сделанные несколько лет назад на высшем уровне, о том, что «Россия не продаст Пакистану ни одного патрона»¹⁸, вряд ли можно считать отвечающими насущным задачам российской внешней политики и реалиям обстановки в мире. России вполне по силам сделать отношения с Пакистаном более интенсивными, и ни в коей мере не за счет продолжения активного ВТС с Индией. Интересно, что в последние год-два со стороны российских официальных лиц появляются высказывания о перспективности налаживания ВТС с Пакистаном: так, председатель Счетной палаты России С.В. Степашин после визита в Пакистан заявил 11 декабря 2003 г., что «пакистанский рынок в течение 3–4 лет

готов выложить порядка 12 млрд долл.» на приобретение российской техники – как военной, так и прочей¹⁹. Что касается Пакистана, то он к сотрудничеству полностью готов. Заинтересованность в российских вооружениях неоднократно озвучивалась Исламабадом, в том числе и на высшем уровне: достаточно показательным может показаться выраженное лично самим П. Мушаррафом еще в 2001 г. желание развивать военно-техническое сотрудничество с Россией вплоть до закупок многоцелевых самолетов Су-30²⁰. Если говорить о конкретных направлениях военно-технического сотрудничества, то на первом этапе представляется целесообразным сосредоточиться на тех видах техники, которые не могут служить целям количественного или качественного наращивания ядерных сил. Перспективно было бы подумать о контрактах в области систем ПВО.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

Что касается сотрудничества с Пакистаном в области мирного использования атомной энергии, то и здесь существует возможность искать пути налаживания контактов, несмотря на то, что в настоящее время такое сотрудничество с этой страной невозможно. По существующим международным обязательствам Россия не может поставлять ядерную продукцию государствам, не имеющим соглашения с МАГАТЭ о полноохватных гарантиях: такой принцип существует в Руководящих принципах Группы ядерных поставщиков (ГЯП), заложен он и в российское внутреннее экспортно-контрольное законодательство.

В настоящее время американцы начали принимать меры к тому, чтобы сделать «исключение» для Индии: в совместном заявлении Дж. Буша и индийского премьера М. Сингха 18 июля 2005 г. было озвучено намерение США вести дело к такому изменению правил ГЯП и внутреннего законодательства США, чтобы сделать возможными поставки ядерной продукции Индии. Первые шаги в этом направлении американцами уже предприняты. Расширение сотрудничества с индийцами обусловлено рядом встречных шагов со стороны Дели – разграничением гражданского и военного секторов ядерной инфраструктуры с постановкой под контроль МАГАТЭ гражданского сектора, введение жестких правил экспортного контроля и т.д. По мнению США, Индию можно рассматривать как исключение, так как она, в отличие от Пакистана, не была источником утечек опасных материалов и технологий.

Действительно, репутация Пакистана в ядерной области оказалась сильно подмоченной из-за деятельности в 1990-е гг. целой подпольной сети, занимавшейся поставками за рубеж ядерных товаров, которую возглавлял лично «отец» пакистанской атомной бомбы А.К. Хан. В настоящее время данная «сеть» практически ликвидирована, хотя негативные последствия распространения опасных материалов могут сказываться еще довольно долго.

Но если мотивировка американцев при налаживании сотрудничества с Дели – необходимость «подтягивания» Индии к режиму нераспространения, то в отношении Пакистана это становится, если иметь в виду «сеть распространения», еще более актуальным. В рамках работы по вовлечению Пакистана в режим ядерного нераспространения вполне рациональным было бы подумать об аналогичных послаблениях и для Пакистана при выполнении им тех же условий, что США предъявляют Индии. При этом, конечно, налаживание сотрудничества следует обусловить полной ликвидацией в Пакистане оставшихся элементов «сети распространения» и прояснением всех аспектов ее деятельности в прошлом. Пакистанское руководство, имея столь заманчивый «пряник», как получение международного содействия в атомной энергетике, несомненно, примет все меры по исправлению своих прегрешений.

Таким образом, не только индийский, но и пакистанский атомно-энергетический рынок будет открыт для нас. Главная же выгода, которую может обрести Россия, налаживая сотрудничество в военной области и сфере безопасности сразу с обоими крупнейшими государствами Южной Азии, – это получение исключительно удобного инструмента воздействия на политический процесс в этом важнейшем для нас регионе, что особенно важно сейчас, когда возможности нашей страны во внешнеполитической области достаточно ограничены.

Примечания

- ¹ Москаленко В.Н., Сидоров М.А. Пакистан: трудный путь развития. М., 1979. С. 58.
- ² Одной из причин закрытия базы стало то, что именно из Бадаберы взлетел пилотируемый Ф. Пауэрсом самолет тактической разведки *TR-2*, сбитый над СССР во время знаменитого инцидента в 1961 г. Пакистан тогда оказался против своей воли непосредственно втянутым в выяснения отношений между сверхдержавами и не хотел повторения такой ситуации. См., например: Мукинджана Р.М. Пакистан, Южная Азия и политика США. М., 1974. С. 126.
- ³ Там же. С. 18.
- ⁴ СССР и Пакистан. М.: ГРВЛ, 1984. С. 188.
- ⁵ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 108.
- ⁶ СССР и Пакистан. М.: ГРВЛ, 1984. С. 213.
- ⁷ В соответствии с так называемой Поправкой Пресслера (часть 620 Закона о помощи иностранным государствам 1964 г.) США не могли осуществлять экспорт вооружений и военной техники в страны, активно реализующие ядерные военные программы. Президент Дж. Буш в октябре 1990 г. не дал в отношении Пакистана гарантии, что эта страна не проводила такой программы, и экспорт был прекращен. Действие запрета на поставки в Пакистан военной техники, вступившего в силу 6 октября, распространялось на все соглашения, заключенные ранее. Пакистан не успел получить крупную партию техники, в том числе и самолеты *F-16*, за 28 из которых уже было выплачено авансом более 650 млн долл.
- ⁸ *World Affairs*. 1999, №1. Р. 40–49.
- ⁹ См., например: Ганковский Ю. Пакистан: нестабильность становится перманентностью. *Азия и Африка Сегодня*. 1999, №4.
- ¹⁰ *Nation*. 2001, July 28.
- ¹¹ Подробный обзор экономических последствий санкций см., например, в работе: Morrow Daniel, Carriere Michael. The Economic Impacts of Glenn Amendment: Lessons from India and Pakistan. In: Cirincione Joseph (Editor). *Repairing the Regime. Preventing the Spread of Weapons of Mass Destruction*. NY, L., 2000.
- ¹² Орлов В.А., Соков Н.Н. (ред.). Ядерное нераспространение. М.: ПИР-Центр, 2000. С. 191.
- ¹³ *Коммерсант*. 2001, 6 октября.
- ¹⁴ *Pakistan Observer*. 2003, 19 декабря.
- ¹⁵ Wheeler Nicholas, Booth Ken. Beyond the Security Dilemma: Technology, Strategy and International Security. In: *The Uncertain Course. New Weapons, Strategies and Mind-sets*. SIPRI, Oxford University Press, 1987. Р. 331.
- ¹⁶ См.: Perkovich George. Pervez, the Friendly Dictator. *Weekly Standard*. 2002, July.
- ¹⁷ Москаленко В. Исламский радикализм набирает силу. *Азия и Африка Сегодня*. 2003, №6. С. 27.
- ¹⁸ *Известия*. 1995, 22 декабря. Цитируется высказывание Б.Н.Ельцина.
- ¹⁹ *РИА Новости*. 2003, 11 декабря.
- ²⁰ *Известия*. 2001, 31 мая.

РОССИЙСКИЙ ФОРУМ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Теперь вопросы международной безопасности, поднимаемые на страницах журнала «Ядерный Контроль», можно обсудить в интерактивной форме в Интернете – на **российском Форуме по вопросам международной безопасности** <http://www.securityforum.ru>

Security Forum – это экспертный портал, где специалисты из научно-исследовательских институтов, политологи, журналисты и обычные люди, интересующиеся различными аспектами международной безопасности, обмениваются мнениями, полемизуют и предлагают свое видение актуальных проблем в сфере безопасности, стоящих перед Россией и всем миром.

- Каковы интересы и задачи России в области безопасности в рамках председательства в «Большой восьмерке»? Как эти задачи реализуются?*
- Что означало бы появление ядерного оружия в Иране с точки зрения российских национальных интересов, и как Россия должна действовать, чтобы не допустить такого варианта событий?*
- Центральная Азия, вопросы безопасности и российские национальные интересы в регионе.*
- Ренессанс атомной энергетики в мире и роль России в развитии ядерных технологий.*

Эти и другие вопросы обсуждают участники Форума.

Российский Форум по проблемам международной безопасности не только представляет площадку для открытого диалога экспертов, но и предлагает пространство портала для размещения полемических материалов по обсуждаемым вопросам, а также эксклюзивных интервью российских и зарубежных официальных лиц. Не останутся в стороне от обсуждения и материалы, публикуемые на страницах периодических и электронных изданий ПИР-Центра.

Приглашаем читателей журнала «Ядерный Контроль» присоединиться к виртуальному сообществу экспертов. Принимать участие в дискуссиях по проблемам международной безопасности вы можете, зарегистрировавшись на портале

<http://www.securityforum.ru>

Общение происходит на русском языке.

Надеемся, что полемика и темы, поднимаемые на *Форуме*, будут иметь заметное влияние и на формирование редакционного портфеля периодических изданий ПИР-Центра, подсказывая новых авторов и новые темы, требующие постановки и обсуждения в экспертном формате.

За более подробной информацией о работе российского Форума по вопросам международной безопасности следует обращаться к директору информационных проектов ПИР-Центра Надежде Логутовой по тел.: +7-495-234-0525, или logutova@pircenter.org

Предметом данной статьи являются многосторонние подходы к ядерному топливному циклу как один из методов контроля над распространением чувствительных ядерных технологий. В работе проводится анализ и оценка возможностей реализации различных вариантов многосторонних подходов в ядерной области (МПЯО). Основное внимание уделено вопросам создания международного банка топлива как механизма гарантий поставок и возможности создания многостороннего консорциума в области обогащения. На основе проведенного анализа даются практические рекомендации по позиции Российской Федерации в отношении этих и других инициатив МПЯО в целях нераспространения.

УКРЕПЛЕНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ МЕХАНИЗМОВ РЫНКА ТОВАРОВ И УСЛУГ ЯТЦ В ЦЕЛЯХ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ; СОЗДАНИЕ БАНКА ТОПЛИВА

Большинство экспертов, а также представителей правительства РФ и российской промышленности рассматривают укрепление существующих рыночных механизмов поставок топлива и обращения с отработанным ядерным топливом как наиболее приемлемый и вероятный вариант реализации МПЯО в целях нераспространения. К такого рода подходам относится, в первую очередь, укрепление механизмов лизинга – возврата топлива, а также создание виртуального или физического банков топлива.

Лизинг – возврат топлива

Механизм лизинга топлива, при котором после его облучения в реакторе и последующей выдержки в пристанционных бассейнах импортированное топливо возвращается поставщику, дает дополнительные гарантии, что страны-получатели топлива не начнут переработку ОЯТ в военных целях².

Опыт переговоров России с Ираном о подписании дополнительного протокола относительно возврата отработанного ядерного топлива с АЭС в Бушере подтверждает необходимость разработки стандартного контракта лизинга топлива, изначально включающего пункт о возврате топлива стране-поставщику и оговаривающего все условия такого возврата. Переговоры с Ираном показывают, что в некоторых случаях страна-получатель может заявлять о неприемлемости такого решения, ссылаясь на экономическую ценность ОЯТ. Разработанные и принятые в качестве международной нормы контракты лизинга позволили бы в будущем избежать длительных переговоров по возврату топлива. Кроме того, для большинства государств, особенно с небольшой ядерной энергетикой, возможность избавиться от проблем хранения ОЯТ может стать дополнительным стимулом импорта топлива.

Более серьезная проблема может возникнуть у государств-поставщиков с принятием ОЯТ зарубежных реакторов. Это болезненный вопрос, который, безусловно, может вызвать протесты населения и политических сил государств. Решением этого вопроса, как отмечают специалисты, может стать возврат топлива в третьи страны, либо создание международного центра по обращению с ОЯТ³. Россия активно выступает на международном уровне с идеей создания такого международного центра по обращению с отработанным ядерным топливом на своей территории в Железногорске (Красноярский край).

Международный банк топлива

Создание международного банка топлива – один из предложенных экспертами МАГАТЭ вариантов, который в настоящее время наиболее активно прорабатывается. Суть заключается в предоставлении странам, развивающим ядерную энергетику, но не имеющих установок по обогащению урана и производству топлива, дополнительных гарантий поставок топлива, которые бы разрешали проблемы, связанные с возможным прекращением поставок не по вине страны-импортера. Такие гарантии могут основываться как на создании запасов топлива, доступных в случае невыполнения контракта основным поставщиком (физический банк топлива), так и на обязательствах производителей резервировать часть мощностей или продукции для тех же целей (виртуальный банк топлива).

Инициатива в развитии этих идей принадлежит США. В частности, США активно продвигают идею «виртуального банка» – разработки механизма резервных поставок. В рамках данного механизма страна-импортер в случае срыва поставок по основному контракту может обратиться к МАГАТЭ с просьбой о переходе на резервную схему⁴. Согласно американским предложениям, такой механизм должен включать совместную декларацию стран, обладающих технологиями обогащения; трехстороннее соглашение между страной-поставщиком, страной-получателем и МАГАТЭ; двухстороннее соглашение между МАГАТЭ и страной-получателем; типовой коммерческий контракт на поставку обогатительных услуг или обогащенного урана.

Так как создание резервного механизма в той или иной мере отразится на существующих экономических отношениях на рынке обогатительных услуг и продукции, данные предложения требуют дальнейшей проработки и анализа. В частности, необходимо детально определить такие вопросы: кто и каким образом будет компенсировать производителям издержки по резервированию мощностей или хранению продукции, а также возможную в этом случае упущенную выгоду? Какие мощности производители могут резервировать без существенных последствий для ситуации на рынке (многие эксперты отмечают, что в настоящее время на рынке обогащения предложение практически равно спросу и избытка мощностей не существует⁵)? Каким образом будет приниматься решение о переходе на резервного поставщика и др. вопросы.

Россия является одним из четырех основных поставщиков обогатительных услуг и продукции в мире. Соответственно, при обсуждении такого механизма необходимо четко понимать, как это отразится на российских контрактах и позиции России на рынке обогащения.

В дополнение к созданию механизма резервных поставок США также продвигают идею формирования физических резервов топлива под контролем и управлением МАГАТЭ. В сентябре 2005 г. на Генеральной конференции МАГАТЭ представители США выступили с поддержкой идеи М. Эльбарадея о создании международного резерва топлива и в качестве первого шага объявили о том, что США готовы выделить 17 т высокообогащенного оружейного урана в разубоженном виде (что составит 290 т НОУ – достаточного для 10-летней эксплуатации реактора типа ВВЭР-1000)⁶.

Россия официально поддержала данное предложение. Выступая в рамках Генеральной конференции МАГАТЭ, А. Ю. Румянцев, занимавший в то время пост главы российского Федерального агентства по атомной энергии, заявил, что Россия в целом поддержива-

ет американскую инициативу, но такой механизм должен быть «оформлен международными соглашениями»⁷. М. Эльбарადей отметил, что получил от России принципиальное согласие на участие в данной инициативе; по его словам, «с января 2006 г., когда председательство в «Большой восьмерке» перейдет к России, они передадут часть материалов для банка топлива»⁸. Неизвестно, из каких запасов Россия выделит материалы.

Так же, как и предложение о виртуальном банке топлива, идея создания международного резерва топлива требует дальнейшей проработки. Помимо детальной разработки организационных, правовых и технических деталей механизма, необходимо, прежде всего, оценить, как именно и насколько эффективно данный механизм будет способствовать решению проблем нераспространения.

В этой связи необходимо оценить, какую пользу с точки зрения нераспространения могут принести данные инициативы. Страны, которые потенциально могут участвовать в банке топлива, можно разделить на две группы:

- государства, имеющие действующие атомные электростанции;
- государства, начинающие или планирующие развитие атомной энергетики.

Кроме того, отдельно стоит выделить две страны, развивающие национальные программы по обогащению – Бразилию и Иран. Можно предположить, что для этих государств создание дополнительных гарантий поставок топлива не станет убедительным основанием для отказа от собственных обогатительных программ.

В то же время государства, уже имеющие атомные станции, без сомнения могут стать пользователями системы гарантированных поставок, однако их присоединение не даст существенных результатов с точки зрения нераспространения. Как видно из *Таблицы 1*, в настоящее время 15 государств, не обладающих действующими технологиями обогащения и не участвующих в многонациональных обогатительных консорциумах, имеют легководные реакторы (Пакистан не включен в этот список как государство, *де-факто* обладающее ядерным оружием). Это страны с достаточно сформировавшейся политикой в области атомной энергетики и устоявшейся системой контрактов на обогатительные услуги, поставки обогащенного урана и топлива. Можно с большой долей уверенности констатировать, что их программы атомной энергетики не представляют угрозы для режима нераспространения.

Таким образом, с точки зрения нераспространения, банк топлива рассчитан, в первую очередь, на государства, находящиеся в начале развития или планирующие в будущем начать программы собственной ядерной энергетики, перед которыми встанет вопрос о бесперебойном получении топлива для своих реакторов (см. *Таблицу 2*).

Можно предположить, что клиентом номер один, на участие которого рассчитывают американские эксперты, является **Индонезия**⁹. Это исламское государство, один из лидеров движения неприсоединения, отстаивающее неприкосновенность права на мирное использование ядерных технологий. Индонезия имеет вполне конкретные планы развития атомной энергетики в своей стране.

В апреле 2005 г. правительство Индонезии объявило о возобновлении работ по проекту строительства первой атомной электростанции на острове Ява, замороженного в 1997 г. Первоначальный план предусматривал строительство 12 энергоблоков, в 2005 г. было объявлено о планах по строительству четырех. Согласно принятому плану, тендер на строительство АЭС будет объявлен в 2008 г., строительство начнется в 2010 г., запуск намечен на 2016 г.¹⁰.

13 декабря 2005 г. южнокорейская компания *Korea Electric Power Co (KEPCO)* и индонезийское государственное предприятие *PT PLN* подписали меморандум о взаимопонимании по строительству АЭС. Детали меморандума не разглашаются, однако известно, что *KEPCO* планирует построить в Индонезии реактор типа OPR-1000¹¹.

Важно отметить, что Индонезия обладает достаточно развитыми технологиями различных стадий ЯТЦ. По оценкам СИПРИ, «Индонезия успешно развивает собственный

ядерный топливный цикл. Работы по добыче, переработке и конверсии урана (пока) ведутся в лабораторных условиях, в то же время в стране построены значительные ядерные объекты, включая три исследовательских реактора»¹². Особо следует отметить возможности по производству ядерного топлива (из порошка диоксида урана)¹³.

Таким образом, присоединение Индонезии к создаваемому банку топлива будет иметь решающее значение для проверки жизнеспособности данной инициативы, ее возможности реально уменьшить угрозу распространения. В пользу того, что Индонезия может присоединиться к инициативе в качестве реципиента, воздерживаясь от развития собственных технологий обогащения и производства топлива, служит тот факт, что страна серьезно зависит от иностранной помощи в развитии программы ядерной энергетики, что можно использовать как рычаг давления. Кроме того, в 2004 г. Индонезия перешла из разряда экспортеров нефти в разряд нефтеимпортирующих государств¹⁴, то есть у страны отсутствуют резервы нефтедолларов для развития дорогостоящих программ обогащения (на чем во многом держится ядерная программа Ирана).

Среди других потенциальных клиентов банка следует отметить **Вьетнам**. В 2002 г. было проведено технико-экономическое обоснование строительства АЭС во Вьетнаме, к настоящему времени выбрано две возможные площадки для строительства. Предполагается, что станция начнет работу в 2015–2020 гг., а ее мощность будет составлять 1400–4000 МВт¹⁵.

За участие в строительстве станции борются Китай, Россия, Франция, Южная Корея и Япония. В частности, в 2006 г. министерство экономики, торговли и промышленности Японии планирует оказывать техническое содействие Вьетнаму, в том числе в исследовании и подготовке строительства атомной станции. В октябре 2005 г. Франция совместно с правительством Вьетнама провела в Ханое симпозиум, центральной темой которого стало обсуждение наиболее подходящего для Вьетнама типа реактора¹⁶.

Безусловно, в случае достижения компромисса по ядерной программе **Северной Кореи** и принятия решения о строительстве легководного реактора в стране КНДР попадает в разряд пользователей банка топлива. Строительство легководного реактора в Северной Корее является частью обсуждаемого в настоящее время компромисса, что зафиксировано в Совместной декларации по итогам четвертого раунда шестисторонних переговоров¹⁷. В настоящее время переговоры по конкретным механизмам реализации соглашения не ведутся, так как не достигнуто принципиальное согласие. Тем не менее, когда такое соглашение будет подписано, несомненно, встанет вопрос о гарантиях поставок топлива. В этом случае существование международного банка топлива может служить дополнительным стабилизирующим фактором решения северокорейской ядерной проблемы.

Турция – потенциально еще один важный клиент международного банка топлива. В 2002 г. под давлением экологов в стране был заморожен проект строительства атомной электростанции, разрабатываемый в 1997–1998 гг. Предполагается, что в ближайшем будущем работы по развитию атомной энергетики будут возобновлены. Так, информационное агентство *Рейтер* передает, что, по источникам, близким к турецкому правительству, в конце января 2006 г. может быть обнародовано решение о строительстве от трех до пяти атомных электростанций общей мощностью 5000 МВт. Начать производство электроэнергии на АЭС планируется в 2012 г. Представитель турецкого правительства сообщил, что Турция не намерена покупать АЭС, а собирается разрабатывать собственные технологии с иностранной помощью. Переговоры ведутся с компаниями США, Великобритании, Франции, России и Китая¹⁸.

Учитывая сближение позиций России и Турции по ряду вопросов при отсутствии ясности в отношении направления вектора развития сотрудничества Анкары с США и европейскими странами, России стоит более активно ставить вопрос о возможности российско-турецкого сотрудничества в ядерной сфере.

Наряду с Индонезией Турция может стать своего рода «показательным примером» участия в банке топлива. Трудно предположить, что Турция пойдет на конфронтацию с Западом, развивая собственные технологии обогащения (членство в НАТО и стремление

войти в Европейский Союз говорят сами за себя). В то же время не стоит забывать, что Турция – это один из крупнейших игроков в регионе Центральной Азии, где она борется с Ираном за региональное лидерство. При определенных обстоятельствах (существенном продвижении иранской ядерной программы, победе радикальных исламских группировок в Турции) можно предположить, что Турция может принять решение о начале собственных программ обогащения (тем более, что известно об участии турецких граждан в деятельности сети тайных ядерных поставщиков А.К. Хана). В этих условиях существование действующего механизма гарантий поставок топлива может стать своего рода защитным барьером, удерживающим страну от принятия решения по программе обогащения в отсутствие экономических причин.

Среди стран, проявляющих интерес к развитию атомной энергетики и, соответственно, возможных клиентов международного банка топлива, традиционно называют **Египет**. В настоящее время нет свидетельств того, что Египет планирует возвратиться к идее строительства АЭС. Последним шагом государства в этой сфере было проведение при содействии МАГАТЭ технико-экономического обоснования строительства АЭС в 2002 г. Однако решение о строительстве не принято до сих пор¹⁹. Этот вопрос не обсуждается на правительственном уровне. В то же время, по сведениям *Nuclear Threat Initiative*, с апреля 2005 г. появились сообщения о переговорах с Россией по ядерной энергетической программе²⁰.

Тем не менее важность Египта с точки зрения нераспространения и участия (потенциального) в международном банке топлива заключается в том, что Египет обладает достаточно развитой исследовательской программой в ядерной сфере, которая изначально имела определенную военную направленность²¹. Кроме того, Египет является одним из лидеров арабского мира, в последнее время он достаточно критично относится к режиму нераспространения в связи с применением, по мнению Египта, двойных стандартов в связи с Израилем²². Соответственно, признание Египтом принципов действия банка топлива и механизма гарантий крайне важно для успешного действия всей системы.

Кроме этих государств – потенциальных клиентов банка топлива, позиция которых по этому вопросу крайне важна, еще ряд государств рассматривает в настоящее время возможности развития собственной ядерной энергетики:

- ❑ **Таиланд** в 1993–1997 гг. совместно с МАГАТЭ проводил исследование возможности развития атомной энергетики страны²³. Отмечается, что правительство Таиланда вновь проявляет интерес к этой сфере в связи с прогнозом роста энергопотребления в стране²⁴.
- ❑ Среди проектов технического сотрудничества МАГАТЭ, ожидающих выделения финансирования, находится проект «Поддержка национальных усилий по строительству АЭС» в **Марокко**²⁵. ТЭО проекта и определение площадки для строительства было проведено в 2001–2002 гг.²⁶.
- ❑ В январе 2005 г. министр науки и технологии **Нигерии** Т. Исоун обратился к МАГАТЭ с просьбой помочь в строительстве двух энергетических реакторов мощностью 1000 МВт каждый²⁷. В июне 2005 г. делегация МАГАТЭ посетила Нигерию для более детального обсуждения проекта и предоставления технического содействия²⁸.
- ❑ В декабре 2005 г. министр добывающей промышленности **Чили** заявил, что группа инвесторов начала работу по технико-экономическому обоснованию строительства атомного реактора мощностью 1000 МВт на севере страны. Кто именно занимается проектом, держится в секрете. Однако эксперты полагают, что это может быть либо американская компания *Westinghouse*, либо французская *Framatom*²⁹.

Проведенный анализ потенциальных стран–реципиентов международного банка топлива показывает, что существует определенная потребность в установлении какого-либо

рода защитного механизма против распространения технологий обогащения, и банк топлива как раз способен выполнять функцию такого барьера.

Банк топлива рассчитан, прежде всего, на предотвращение появления новых стран, развивающих национальные программы по обогащению урана, и его эффективность в будущем во многом будет зависеть от того, каким образом будут решены проблемы сегодняшнего дня. Прежде всего, это вопрос наличия промышленных установок по обогащению в Бразилии и Иране (в Иране строительство объекта – по состоянию на 1 января 2006 г. – заморожено).

Таким образом, в условиях, когда полезность банка для целей нераспространения не полностью очевидна, а возможные негативные последствия от вмешательства в экономические процессы могут быть существенными, России следует внимательно рассматривать предложенные варианты и не следовать логике «сначала начнем, а потом разберемся», которую предлагают американские представители.

ПЕРЕВОД НАЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК ЯТЦ ПОД МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ, СОЗДАНИЕ НОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ОБОГАЩЕНИЮ В СТАТУСЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ/ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ: ВОЗМОЖНЫЕ МОДЕЛИ

В данном разделе мы сосредоточимся на рассмотрении вопроса о создании новых или перевода действующих установок ЯТЦ для обогатительных предприятий.

В настоящее время существует два примера действующих предприятий по обогащению с многонациональным участием – *Eurodif* и *Urenco*, которые представляют две радикально различающиеся модели многонационального участия. Следует отметить, что оба этих предприятия создавались, прежде всего, из экономических соображений, а вопросы нераспространения при этом имели второстепенное значение³⁰. Тем не менее, опыт функционирования этих предприятий может быть полезен при рассмотрении современных идей создания многонациональных предприятий ЯТЦ или перевода существующих установок под многонациональный контроль в целях нераспространения.

Eurodif

Компания представляет собой модель, в которой обогащение производится на территории одного государства (Франция) без распространения технологий; все другие члены концерна участвуют в его финансировании и общем управлении и получают долю готовой продукции пропорционально своему вкладу. Таким образом, технологии и оперативное управление сосредоточено в одном государстве, что, безусловно, делает эту модель привлекательной с точки зрения нераспространения. При этом государства, входящие в концерн, получают достаточные гарантии поставок обогащенного урана.

В то же время механизм функционирования *Eurodif* не лишен недостатков. В частности, как отмечается в докладе экспертов МАГАТЭ, государства-участники, не имеющие доступа к технологиям, участвуют в принятии стратегических решений, от которых зависит финансовое положение концерна, лишь номинально. Это хорошо видно на примере важного для концерна решения о переходе от технологий газовой диффузии на технологии центрифугирования³¹. Не обладая детальным знанием технологий, государствам-участникам приходится полагаться на выводы французских экспертов³².

Однако более негативным моментом с точки зрения привлекательности модели *Eurodif* для укрепления режима нераспространения является возможный произвол государства, на чьей территории производится обогащение, по отношению к другим участникам – по политическим причинам. В рамках многосторонних подходов с целью нераспространения именно политические гарантии поставок топлива выходят на первый план для государств, решивших воздерживаться от развития собственных технологий обогащения.

В этом отношении ситуация с участием Ирана как акционера *Eurodif* может добавить сомнений в целесообразности использования этой модели потенциальным участникам многосторонних предприятий по обогащению.

Концерн *Eurodif* был создан в 1974 г., изначально в нем участвовало пять государств – Франция, Италия, Испания, Бельгия и Иран. После революции 1979 г. в Иране Франция отказалась считать Иран акционером концерна (по первоначальному соглашению Иран инвестировал 1 млрд долл. США и должен был получать 10 % произведенного *Eurodif* урана с обогащением 3%)³³. После серии судебных разбирательств Международная торговая комиссия в 1991 г. обязала Францию выплатить Ирану 1 млрд долларов и сохранить за Ираном часть акций *Eurodif*. При этом Франция отказалась поставлять обогащенный уран в Иран.

Соответственно, если мировое сообщество возьмет за основу модель *Eurodif* (а для этого есть все предпосылки), необходимо будет разработать дополнительный механизм гарантий допуска государств к участию в работе предприятия. Это может быть своего рода международное соглашение, в котором будут четко прописаны условия, при которых страна-поставщик может отказать участнику консорциума в поставках продукции – прежде всего это будет касаться нарушения страной обязательств по нераспространению³⁴.

Urenco

Консорциум *Urenco* был создан на основе соглашения трех государств – Великобритании, Германии и Нидерландов – для совместной разработки и использования технологий обогащения³⁵. Одной из основных целей создания *Urenco* являлась координация в сфере научных исследований и разработок, т.е. распространение технологий среди участников группы.

Механизм управления компании состоит из двух уровней: политического и оперативно-го. На политическом уровне межправительственный Совместный комитет, включающий представителей трех участвующих государств и принимающий решения единогласно, занимается рассмотрением политических аспектов деятельности *Urenco*, таких, как вопросы членства, распространение технологий обогащения, обеспечение гарантий нераспространения при выполнении контрактов на предоставление обогатительных услуг³⁶.

Все три страны-участницы *Urenco* имеют на своей территории установки по обогащению: Алмело (Нидерланды), Капенхерст (Великобритания), Гронау (Германия). В 2003 г. в компании прошла реструктуризация, в ходе которой в рамках холдинга *Urenco Ltd.* была выделена две компании: *Urenco Enrichment Company Ltd. (UEC)*, ответственная за производство и сбыт продукции, и *Enrichment Technology Company (ETC)*, занимающаяся деятельностью по разработке технологий и производству центрифуг³⁸. *ETC* координирует работы в области разработок: филиал в Великобритании занимается разработкой и управлением проектами строительства объектов по обогащению; филиал в Германии – разработкой технологий и производством компонентов центрифуг; в Нидерландах осуществляется их производство³⁸.

С экономической точки зрения модель *Urenco*, основанная на принципах разделения труда и минимизации издержек путем централизованного сбыта, представляется более привлекательной. Однако если предположить, что основными участниками многосторонних предприятий будут государства, в настоящее время не имеющие технологии обогащения (либо находящиеся в процессе их разработки, – случай Ирана), модель *Urenco*, в которой участники делятся своими технологиями друг с другом, может быть даже контрпродуктивна с точки зрения нераспространения. Существует опасность, что государство, участвующее в таком многостороннем консорциуме и получающее через него доступ к технологиям, начнет (или будет продолжать) параллельную тайную программу обогащения³⁹.

Таким образом, следует признать, что модель *Urenco* менее привлекательна для решения проблем нераспространения. Тем не менее, какого-либо общего правильного решения не существует, и для каждого конкретного случая требуется отдельное решение, отвечающее конкретным условиям.

Создание новых многонациональных установок представляется делом отдаленного будущего по крайней мере в целях нераспространения. Более реальной видится перспектива перевода существующих национальных установок в многонациональные предприятия.

ПРОВЕРКА ИНИЦИАТИВ НА ПРАКТИКЕ: БРАЗИЛИЯ, ИРАН, ЮЖНАЯ КОРЕЯ

Основываясь на приведенном выше анализе государств, которые начинают или планируют развивать атомную энергетику, можно сделать вывод, что у них, скорее всего, не появится в ближайшем будущем стимулов для участия в многонациональных установках. С точки зрения нераспространения многонациональные установки могут быть решением проблемы для государств, развивающих в настоящее время свои технологии обогащения – Ирана и Бразилии, а также стран, имеющих значительный сектор атомной энергетики.

Считается, что создание собственного обогатительного производства экономически целесообразно при наличии в стране более 10 реакторов мощностью 1000 МВт каждый (т.е. с общей мощностью 10000 МВт). Как видно из *Таблицы 1*, среди государств, не обладающих собственными технологиями обогащения, к странам, имеющим реакторы на легкой воде с общей мощностью более 10000 МВт, относятся Украина и Южная Корея.

В данном разделе мы остановимся на рассмотрении трех случаев: Бразилия, Иран и Южная Корея (см. *Таблицу 3*).

Бразилия. Пример Бразилии показателен с точки зрения того, что проблемы нераспространения нельзя свести к набору технических характеристик – прежде всего, это политическая проблема, основанная на оценочных суждениях. По сравнению с Ираном Бразилия продвинулась далеко вперед в области развития собственных технологий обогащения. В сентябре 2005 г. было объявлено, что промышленное производство на обогатительном заводе Ресенде начнется в 2006 г. (запуск неоднократно откладывался, начиная с 2003 г.)⁴⁰.

Бразилия заявляет, что обогащенный уран будет производиться для покрытия нужд собственных электростанций. Количество станций в Бразилии (2 реактора общей мощностью 1900 МВт) не дотягивает до принятого порога экономической целесообразности развития собственного обогатительного производства (в чем часто упрекают Иран).

Вряд ли можно ожидать, что Бразилия откажется от программы обогащения. В этой связи одним из возможных вариантов укрепления гарантий нераспространения могло бы стать создание многонационального консорциума по типу *Urenco* с одним или несколькими ведущими мировыми обогатительными предприятиями. Например, в таком консорциуме могла бы принять участие американская *USEC*. Данная идея является скорее теоретической, поскольку экономических обоснований такого сотрудничества нет – *USEC* в настоящее время переходит на использование усовершенствованных технологий центрифугирования.

Создается впечатление, что мировое сообщество (прежде всего страны Европы и США) не особенно озабочено сложившейся ситуацией. Даже проблемы с доступом инспекторов МАГАТЭ на обогатительное предприятие Ресенде не вызвали какой-либо значительной реакции на Западе⁴¹. Такое отношение, безусловно, не способствует выстраиванию общих норм, единых для всех государств в отношении чувствительных ядерных технологий и, таким образом, подрывает саму основу, на которой, в частности, должны выстраиваться многосторонние подходы в целях нераспространения.

Иран. Наиболее широко обсуждаемый вариант создания обогатительного производства с многонациональным участием рассматривается сейчас в связи с Ираном.

Разговоры о возможности обогащения иранского урана на российской территории или о какой-либо другой форме участия Ирана и России в многонациональном консорциуме по обогащению периодически появлялись при обсуждении иранской ядерной проблемы, начиная с 2004 г. Причем предложения такого рода приписывались поочередно то иранской, то российской стороне⁴².

Не вдаваясь в детали иранской позиции в отношении технологий обогащения урана, необходимо подчеркнуть, что отказ Ирана от развития этих технологий маловероятен. Большинство экспертов скептически относятся к потенциальной заинтересованности Ирана в российской инициативе. В то же время нельзя исключать, что при возрастании угрозы применения санкций СБ ООН Иран может пойти на это в целях получения тактической выгоды в виде дополнительного времени⁴³.

Пока детали российского предложения неизвестны. Представляется логичным, что управление и производство консорциума будет основано по типу модели *Eurodif*, – то есть технологии и оперативное управление будут находиться под контролем России. В данном случае, поскольку обогащение будет проводиться на территории государства, обладающего ядерным оружием, то, скорее всего, для самого производства не потребуются создания дополнительного режима гарантий. В то же время транспортировка и использование материала на территории Ирана будет проходить под контролем МАГАТЭ.

Обязательным условием реализации российского предложения должно стать обязательство Ирана временно воздерживаться от проведения работ в области обогащения на собственных предприятиях.

Из опыта проведения переговоров с Ираном по контракту на АЭС в Бушере и особенно по дополнительному протоколу на возврат ОЯТ представляется необходимым уже на ранних стадиях переговоров включить в круг обсуждаемых вопросов финансовые аспекты соглашения.

Если рассматривать варианты создания совместной компании, более вероятной представляется возможность выделения части существующих в России мощностей (и их возможное расширение) в рамках действующих обогатительных предприятий. Как отмечают специалисты, после окончания выполнения контракта ВОУ-НОУ в 2013 г., если он не будет продлен, у России освобождаются обогатительные мощности, которые она может использовать для коммерческих целей⁴⁴. Часть этих мощностей может быть использована для обогащения урана по соглашению с Ираном.

Из четырех обогатительных комбинатов на территории России наиболее приемлемой с точки зрения нераспространения площадкой для создания совместного предприятия по обогащению является Ангарский электролизный и химический завод (АЭХЗ). Это единственное обогатительное предприятие, находящееся в открытом городе. Упрощенный по сравнению с ЗАТО допуск и, предположительно, меньшая чувствительность сосредоточенных в городе производств могут существенно облегчить международное сотрудничество. Из всех обогатительных производств в России АЭХЗ был наименее тесно связан с военными программами. По некоторым данным, на предприятии никогда не производился уран оружейного качества⁴⁵.

Половина производства АЭХЗ работает на экспорт – обогащенный уран поступает в США, Великобританию, Германию, Финляндию, Францию, Китай, Южную Корею и другие страны⁴⁶. Кроме того, на территории предприятия имеются мощности по конверсии.

Иран настаивает на проведении конверсии на своей территории. В настоящее время с наличием конверсионных установок в Иране готовы согласиться даже американские специалисты. В частности, такую мысль высказал бывший директор Лос-Аламосской национальной лаборатории США З. Хекер⁴⁷. В то же время специалисты заявляют, что схема, при которой гексафторид урана производится в Иране и перевозится на территорию России, категорически неприемлема – как по соображениям безопасности, так и по экономическим причинам. Возможна перевозка тетрафторида урана с его последую-

щей конверсией в гексафторид и обогащение на территории России (хотя экономическую целесообразность такого варианта также необходимо дополнительно изучать)⁴⁸.

Безусловно, разрешение иранской ядерной проблемы следует рассматривать в контексте более широкого вопроса обеспечения энергетической безопасности. Иран является одним из крупнейших экспортеров нефти и газа. Соответственно, к решению ядерного вопроса Ирана нужно подключать государства, которые являются наиболее перспективными партнерами Ирана в энергетической сфере (импортеров иранской нефти и газа) в ближайшие годы – прежде всего, таких крупных региональных лидеров, как Китай и Индия.

В русле реализации российского предложения по обогащению иранского урана на территории России многосторонний консорциум с участием третьих стран, пожалуй, является предпочтительным. Вряд ли в ближайшем будущем следует ожидать прорыва в отношениях Ирана со странами Европейского Союза, тем более в ядерной сфере. Таким образом, многосторонний формат, который бы мог привлечь иранцев и мог бы отвечать интересам России, может выглядеть следующим образом: Россия – Китай – Индия – Иран.

Индийские представители отмечают, что хотя Индия в целом не заинтересована в многосторонних подходах к ЯТЦ и считает, что рыночные механизмы работают эффективно, Индия готова рассмотреть возможность присоединения в качестве инвестора к российско-иранскому совместному предприятию⁴⁹, учитывая планы масштабного строительства, в том числе, и легководных реакторов. Потенциальное изменение положения Индии в связи с началом сотрудничества в ядерной сфере с США открывает дорогу к такому сотрудничеству и другим странам. Россия должна воспользоваться имеющимися у нее контактами с Индией и развивать потенциально интересные для обеих стран проекты.

Безусловно, участие Китая в подобном многонациональном консорциуме (особенно построенном по типу *Eurodif*) вызывает больше сомнений, так как Китай делает ставку на развитие собственного обогатительного производства⁵⁰. Тем не менее, такой вариант не исключен; к тому же создание многостороннего консорциума в таком формате хорошо сочетается с политическими тенденциями укрепления роли Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как евразийского противовеса НАТО.

В целом многосторонний консорциум с участием третьих стран выгоден как России, так и Ирану. Ирану важно, чтобы предлагаемое решение не выглядело как выделение Ирана: для иранцев очень важно сохранить лицо – как перед мировым сообществом, так и внутри страны. Для России привлечение иностранных инвесторов и получателей продукции будет означать укрепление позиций на рынке обогащения.

Южная Корея. Это государство с развитой атомной энергетикой: 20 действующих реакторов обеспечивают около 40% электроэнергии страны, в период до 2015 г. планируется ввести в эксплуатацию еще восемь реакторов. Из 20 реакторов на территории Южной Кореи 16 блоков с общей мощностью 14,261 МВт работают на легкой воде и потребляют топливо на основе НОУ. Кроме того, общая мощность восьми реакторов, которые планируется построить в стране к 2015 г., составляет 9,200 МВт⁵¹. Таким образом, из экономических соображений Южная Корея имеет все основания развивать собственные технологии обогащения.

Тем не менее, можно предположить, что по политическим соображениям руководство страны воздержится от таких действий. Хотя интерес к технологиям обогащения в стране, возможно, существует. В 2004 г. в связи с началом выполнения в Южной Корее Дополнительного протокола МАГАТЭ обнаружилось сведения о незаявленных экспериментах по обогащению урана (методом лазерного разделения изотопов). В 2000 г. был проведен эксперимент по разделению изотопов урана, в ходе которого было получено 0,2 грамма урана со средним обогащением 10%, максимальное обогащение составило 77%⁵². Официально было заявлено, что эксперимент проводился исключительно по инициативе ученых и высшее руководство страны не было поставлено в известность. И все же ряд аналитиков склонны полагать, что такого рода исследования не могли проводиться без санкции правительства⁵³.

В Южной Корее практически нет запасов урана, она участвует в разработке урановых месторождений и импортирует уран из различных частей света. В области обогащения Южная Корея ориентируется на диверсификацию поставщиков обогатительных услуг, работая с США, Великобританией, Францией и Россией.

Для России Южная Корея является важным рынком обогатительных услуг. В этой связи интересным выглядело бы предложение Южной Корее присоединиться к потенциальному консорциуму с Ираном. С военно-политической точки зрения Южная Корея сильно зависит от США и вряд ли сможет принять предложение об участии в совместном обогатительном предприятии с Россией. В то же время можно утверждать, что присоединение Южной Кореи к обогатительному консорциуму России и Ирана будет способствовать большей устойчивости последнего, укрепляя, таким образом, режим нераспространения. То есть помимо экономических выгод для России (укрепление на рынке Южной Кореи, а также потенциально на рынках стран Азии, с которыми Южная Корея сотрудничает в сфере атомной энергетики), такой проект повышает устойчивость режима нераспространения.

Безусловно, вероятность реализации такого проекта невелика. Тем не менее, стоило бы прозондировать реакцию представителей Южной Кореи по этому вопросу.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ВОЗМОЖНОЙ ПОЗИЦИИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ИНИЦИАТИВ В ОБЛАСТИ МНОГОСТОРОННИХ ПОДХОДОВ К ЯДЕРНОМУ ТОПЛИВНОМУ ЦИКЛУ

Первое. Прежде всего следует отметить, что многосторонние подходы в ядерной области в настоящее время выходят на первый план в качестве меры, сдерживающей распространение чувствительных ядерных технологий.

Современный мир достиг такого этапа развития, при котором меры экспортного контроля (отказ в передаче технологий), работавшие достаточно эффективно в прошлом, перестают должным образом выполнять свою функцию. Развитие технического прогресса сделало возможным разработку опасных с точки зрения распространения ядерных технологий во многих странах – примеры Ирана и Северной Кореи хорошее тому подтверждение. При этом если в 1970-е гг. расширение использования атомной энергетики происходило преимущественно за счет стран Европы, то в начале XXI века к атомному развитию приступают гораздо менее стабильные (и в политическом, и в экономическом плане) государства Азии, а в обозримом будущем и Африки.

Таким образом, можно констатировать, что меры экспортного контроля будут продолжать играть важную роль, но без сознательного добровольного отказа большинства государств от развития собственных чувствительных ядерных технологий такие меры будут мало эффективны.

Право на развитие мирных ядерных технологий является одним из основополагающих принципов режима ядерного нераспространения. Вряд ли представляется возможным достичь соглашения по изменению международных норм и признать технологии обогащения и переработки в качестве особого вида деятельности, разрешенного лишь некоторым государствам. Соответственно МПЯО, которые представляют собой полуформальный механизм временного отказа государств от использования своих прав на развитие определенных ядерных технологий, могут стать эффективным (и единственно приемлемым) компромиссом между целями нераспространения и интересами государств, не обладающих ядерными технологиями.

Предотвращение распространения ядерного оружия является одним из основных внешнеполитических интересов России. Именно поэтому Россия должна последовательно проявлять активность в области многосторонних подходов к ЯТЦ, демонстрируя приверженность ценностям нераспространения, параллельно решая задачи, связанные с расширением географии стран-потребителей российских услуг в области обогащения урана.

Второе. Специфика инициатив в области контроля над технологиями обогащения и переработки заключается в том, что они затрагивают как военно-политические аспекты нераспространения, так и экономические аспекты рынков обогащения урана и обращения с ОЯТ в мирных целях. Таким образом, при развитии этих инициатив существенное место должно быть отведено оценке экономических последствий тех или иных действий. При этом России следует, прежде всего, учитывать интересы национальной промышленности, а также исходить из соображений национальной безопасности, допуская создание совместных предприятий на производственных объектах двойного назначения.

Третье. К упомянутым инициативам следует, прежде всего, отнести идеи разработки механизма лизинга топлива и возврата топлива, которые могут рассматриваться совместно с планами строительства международного центра по обращению с отработанным ядерным топливом на территории России. В сфере лизинга топлива у России накоплен значительный опыт, которым в целях нераспространения она может поделиться с другими странами.

Четвертое. Политически наиболее заметная сфера возможного применения МПЯО – разрешение ситуации с иранской программой обогащения. Можно предположить, что в том или ином виде переговоры по российскому предложению будут продолжены.

Реализация данной инициативы способствовала бы повышению авторитета и роли России в решении вопросов нераспространения. Кроме того, это позволит России занять более прочные позиции на атомном рынке Ирана. В настоящий момент возможности маневра со стороны Европы в разрешении иранского ядерного кризиса во многом исчерпаны и именно российское предложение является той связующей нитью, которая позволяет надеяться на продолжение переговоров. В силу этого России необходимо не упустить инициативу в урегулировании ситуации вокруг Ирана и использовать сложившуюся ситуацию для получения политических выгод и повышения своего реноме на международной арене.

С технической и организационной точек зрения можно предположить, что наиболее приемлемым вариантом стало бы использование существующих в России мощностей, либо части мощностей, высвобождаемых по окончании контракта ВОУ-НОУ. Однако российское предложение должно быть экономически обосновано уже на начальном этапе обсуждения с Ираном деталей возможного создания совместного предприятия.

Пятое. Что касается инициатив по созданию банка топлива, то анализ потенциальных пользователей такого банка – стран, находящихся в начале развития атомной энергетики, – показывает, что существует необходимость укрепления системы гарантий поставок и банк топлива может выполнять эту функцию.

Создание резервов расщепляющихся материалов в физической форме или в форме обязательств производителей может повлиять на экономическую ситуацию на рынке. Необходимо проведение дополнительных экономических исследований этого вопроса с участием представителей промышленности. На политическом уровне также необходимо создание рабочей группы (возможно, в рамках МАГАТЭ) по выработке принципов работы подобного банка: критерии, которым должны соответствовать участники-пользователи банка; управляющие органы; механизм принятия решения. К этой работе необходимо привлекать не только потенциальных доноров, но и основных реципиентов создаваемого банка.

Шестое. В целом в отношении создания новых или перевода действующих установок под многонациональный контроль в целях нераспространения следует отметить, что в области обогащения урана это может рассматриваться как своего рода стратегическое направление движения, а не курс на краткосрочную и среднесрочную перспективу. В настоящее время не существует таких радикальных угроз нераспространению, которые могли бы быть решены с помощью этого метода. В отношении Ирана применяются особые меры, а случай с Бразилией, также разрабатывающей собственные технологии обогащения, не рассматривается как критический с точки зрения нераспространения.

Таким образом, в отсутствие острой необходимости использования этого метода в целях нераспространения и при туманных экономических последствиях реализации по-

добных проектов возможности их разработки следует рассматривать лишь в теоретическом плане. Одним из основных условий политики нераспространения в сфере чувствительных ядерных технологий должно быть применение мер, как можно меньше влияющих на экономические, рыночные процессы в этих отраслях.

На основе действующих моделей многосторонних консорциумов по обогащению можно говорить, что в целом модель *Eurodif*, по которой не происходит распространения технологий среди партнеров, является более предпочтительной. В то же время следует отметить, что разработка модели функционирования возможного многостороннего консорциума зависит от контекста и должна разрабатываться с учетом специфики участвующих партнеров, целей и задач такого предприятия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Действующие и строящиеся реакторы в мире

Государство	Действующие реакторы	Мощность (МВт)	Строящиеся реакторы	Мощность (МВт)	Предприятия по обогащению	Мощность действующих реакторов на легкой воде (строящихся)
Аргентина	2	935	1	692	Газодиффузионный завод по обогащению (20 000 ЕЕР в год) остановлен	
Армения	1	376	0	0		376
Бельгия	7	5801	0	0	член <i>Eurodif</i>	
Болгария	4	2722	0	0		2722
Бразилия	2	1901	0	0	Центрифужный завод по обогащению Ресенде. Запуск промышленного производства запланирован на 2006 г.	1896
Великобритания	23	11852	0	0	член <i>Urenco</i>	
Венгрия	4	1755	0	0		1755
Германия	17	20339	0	0	член <i>Urenco</i>	
Индия	15	3040	8	3602		(1810)
Иран	0	0	1	915	пилотный завод в Натанзе	(915)
Испания	9	7582	0	0	член <i>Eurodif</i>	
Канада	18	12599	0	0		
Китай	9	6602	2	2000	Центрифужные заводы Шэньси и Ланчжоу	5257 (1900)
Литва	1	1185	0	0		1185
Мексика	2	1310	0	0		1310
Нидерланды	1	449	0	0	член <i>Urenco</i>	
Пакистан	2	425	1	300		425 (300)

Россия	31	21743	4	3775	ОАО «Техснабэкспорт»	
Румыния	1	655	1	655		
Словакия	6	2442	0	0		2442
Словения	1	656	0	0		656
США	104	99210	0	0	<i>USEC</i>	
Тайвань	6	4884	2	2600		4884 (2600)
Украина	15	13107	2	1900		13107 (1900)
Финляндия	4	2676	1	1600		2676 (1600)
Франция	59	63363	0	0	член <i>Eurodif</i>	
Чехия	6	3528	0	0		3528
Швейцария	5	3220	0	0		3220
Швеция	10	8919	0	0		8904
ЮАР	2	1800	0	0	Завод по обогащению (300 000 ЕЕР в год) остановлен	1842
Южная Корея	20 (16)	16810	0	0		14261
Япония	56	47839	1	866	Завод по обогащению на Рокасе (планируемая мощность 1,5 млн ЕЕР в год)	47839 (866)

Источники: IAEA Power Reactor Information System. <http://www.iaea.org/programmes/a2/index.html>, World Nuclear Association Issue Briefs. <http://www.world-nuclear.org/info/info.htm#countries>

Таблица 2

Страны, собирающиеся развивать атомную энергетику

Государство	Планы развития атомной энергетики	Планируемая мощность первых реакторов, МВт	Основные торговые партнеры
Иран	Завершение строительства АЭС в Бушере; планы строительства второй АЭС	1000	Япония, Китай, Италия, Франция, Южная Корея
Индонезия	Строительство 12 энергоблоков. Запуск первой АЭС – 2016 г.	1000	Япония, США, Сингапур, Южная Корея, Китай
Вьетнам	План строительства АЭС в 2015–2020 гг.	1400–4000	США, Япония, Австралия, Китай, Германия
Северная Корея	Проект строительства легководного реактора	1000	Китай, Южная Корея, Япония, Таиланд
Турция	Возможное возобновление проекта по строительству АЭС и возвращение к планам развития атомной энергетики		Германия, Россия, США, Великобритания, Франция
Египет	Проект строительства АЭС – 2002 г.		США, Италия,

	Решение пока не принято		Великобритания, Германия, Франция
Таиланд	Возвращение к планам развития атомной энергетики		США, Япония, Сингапур, Китай, Малазия
Марокко	Строительство АЭС – 2017 г.	1000	Франция, Испания, США, Германия
Нигерия	Планы строительства 2 атомных энергоблоков	2000	США, Великобритания, Франция, Германия, Индия
Чили	Планы проведения ТЭО строительства АЭС 1	1000	США, Бразилия, Китай, Аргентина, Япония

Источники: KEPCO to Build N. Power Plant in Indonesia. *The Korea Times*. December 13, 2005; Vietnam and Indonesia look to nuclear power. *World Peace Herald*. November 30, 2005; Ankara unveils nuclear energy plant plans. *Reuters*. December 19, 2005; Egypt Profile. *Nuclear Threat Initiative*. December 2005. <http://www.nti.org>; Asia's nuclear energy Growth. Uranium Information Company. <http://www.uic.com.au/nip02.htm>. August 2005; IAEA *Technical Cooperation Projects Database*.

Таблица 3

Атомная энергетика Бразилии, Ирана и Южной Кореи

	Существующие объекты атомной энергетики	Планы развития атомной энергетики	Деятельность в области обогащения
Бразилия	АЭС производят 4% потребляемой электроэнергии Два действующих реактора: Ангра-1 (626 МВт) Ангра-2 (1270 МВт) Незавершенное строительство третьего блока Ангра-3 (1224 МВт)	Бразилия ищет частных инвесторов (1,8 млрд долл. США) для завершения строительства реактора Ангра-3	Запуск обогатительного завода Ресенде намечен на 2006 г. (неоднократно переносился) Проектная мощность: 200 000 ЕРР в год. Разработка собственных технологий. По некоторым данным, на основе технологий <i>Urenco</i> .
Иран	Завершение строительства АЭС в Бушере (1000 МВт)	Планы увеличения числа атомных энергоблоков до 20, доля атомной энергетики должна составлять около 10 % потребления электроэнергии. В 2006 г. планируется объявить международный тендер на строительство двух энергоблоков.	Пилотный завод по обогащению в Натанзе – деятельность заморожена в 2004 г., возобновлена в январе 2006 г. Центрифуги на основе моделей <i>Urenco</i> (получены у Пакистана).
Южная Корея	20 действующих реакторов обеспечивают около 40% электроэнергии страны. Общая мощность 16840 МВт	Строительство 8 реакторов общей мощностью 9200 МВт в период до 2015 г.	В 1990-е гг. в стране осуществлены исследования лазерных технологий, с помощью которых в 2000 г. был проведен эксперимент по разделению изотопов урана. В ходе эксперимента было получено 0,2 грамма урана со средним обогащением 10%; максимальное обогащение составило 77%.

Источники: IAEA *Power Reactor Information System*. <http://www.iaea.org/programmes/a2/index.html>, *World Nuclear Association Issue Briefs*. <http://www.world-nuclear.org/info/info.htm#countries>

Примечания

- ¹ Исследование подготовлено при поддержке ОАО «Техснабэкспорт» и завершено 20 января 2006 г. Таким образом, оно не рассматривает российскую инициативу о создании международного центра по обогащению урана, высказанную президентом России В.В. Путиным 25 января 2006 г. Автор продолжает рассмотрение этих и других вопросов, связанных с реализацией МПЯО, в электронных и печатных изданиях ПИР-Центра.
- ² Вариант тайной переработки части ОЯТ, находящегося под гарантиями МАГАТЭ, маловероятен. Однако если страна, освоившая процесс переработки и накопившая достаточные запасы ОЯТ, выходит из Договора о нераспространении ядерного оружия (как это сделала Северная Корея), возможно достаточно быстрое производство плутония оружейного качества.
- ³ В настоящее время единственным государством, законодательно допускающим прием на хранение топлива иностранного происхождения, является Россия. Тем не менее и в России вопрос о том, насколько правительство готово к протестам населения в случае ввоза и хранения ОЯТ иностранного происхождения, остается открытым.
- ⁴ Timbie James. Presentation at the 2005 Carnegie Nonproliferation Conference. 2005, November 8. http://www.carnegieendowment.org/static/npp/2005conference/presentations/Black_Markets_transcript.pdf
- ⁵ The Myth of Excess SWU Capacity. *Ux Weekly*. 2005, July 11. Jean-Jacques Gautrot. The Harmonious Market for Uranium Enrichment Services. WNA Annual Symposium, 2002.
- ⁶ Record of the First Meeting. GC(49)/OR.1. IAEA. 2005, November. <http://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC49/Records/gc49or1.pdf>
- ⁷ Russia ready to join US-led uranium fuel bank. *AFP*. 2005, September 27.
- ⁸ Conversation with Mohamed ElBaradei. http://www.carnegieendowment.org/static/npp/2005_conference_dvd.cfm
- ⁹ Об этом, в частности, упоминает Р. Айнхорн.
- ¹⁰ Indonesia to build nuclear reactor. *ABC News*. 2005, April 18.
- ¹¹ KEPCO to Build N. Power Plant in Indonesia. *Korea Times*. 2005, December 13.
- ¹² Countries of Strategic Concern – Indonesia. *Stockholm International Peace Research Institute*. <http://www.sipri.org/contents/expcon/cnsc3ins.html>. 2004, July.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Indonesia: Energy and Mining Highlites. *US Embassy in Indonesia*. 2005, March. http://www.usembassyjakarta.org/econ/energy_mining_march05.htm
- ¹⁵ Vietnam and Indonesia look to nuclear power. *World Peace Herald*. 2005, November 30.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ The joint statement of the fourth round of the six-party talks. 2005, September 19. <http://www.pircenter.org/data/resources/JointStat190905.pdf>
- ¹⁸ Ankara unveils nuclear energy plant plans. *Reuters*. 2005, December 19.
- ¹⁹ Egypt Country Profile. SIPRI. 2004, July.
- ²⁰ Egypt Prolife. Nuclear Threat Initiative. 2005, December.
- ²¹ Egypt Country Profile. SIPRI. 2004, July.
- ²² Известно, что, присоединяясь к Договору о нераспространении ядерного оружия в 1986 г., Египет рассчитывал на решение вопроса о ядерном оружии Израиля. Соответственно в настоящее время, как отмечают эксперты, многие в египетском руководстве чувствуют себя обманутыми. В 2005 г. неконструктивная позиция Египта явилась одной из основных причин провала Обзорной конференции ДНЯО.
- ²³ IAEA Technical Cooperation Projects Database. <http://www-tc.iaea.org/tcweb/projectinfo/default.asp>.
- ²⁴ Asia's nuclear energy Growth. Uranium Information Company. <http://www.uic.com.au/nip02.htm>. 2005, August.

²⁵ IAEA Technical Cooperation Projects Database.

²⁶ Ibid.

²⁷ Nigeria seeks IAEA help for nuclear power plants. Bellona Foundation. 2005, February 14.

²⁸ Nigeria Begins Nuclear Power Programme. *This Day Online*. 2005, June 7.

²⁹ Foreign Investors Eye Nuclear Power Plant in Chile. *Santiago Times*. 2005, December 13.

³⁰ Хотя можно предположить, что существенным фактором в создании *Urenco* была и цель осуществления контроля над обогатительным производством Западной Германии как страны, которой еще предстояло подтвердить свой отказ от идей фашизма.

³¹ По проекту *George Besse II*, концерн *Eurodif* приобретает технологии центрифугирования *Urenco*. Согласно предварительному плану запуск обогатительной установки намечен на 2007 г., в 2012 г. предполагается полностью перевести производство на технологии центрифугирования и начать вывод из эксплуатации газодиффузионного производства. D'Eurodif a George Besse II. Cogema. <http://www.cogema.com>

³² Multilateral Approaches to the Nuclear Fuel Cycle: Expert Group Report submitted to the Director General of the IAEA, INFCIRC/640, Vienna, IAEA, 2005. <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/2005/infcirc640.pdf>

³³ Koch Andrew, Wolf Jeanette. Selected Iranian nuclear imports. <http://cns.miis.edu/pubs/reports/pdfs/irantbl.pdf>

³⁴ При этом необходимо усовершенствовать механизм, определяющий, какие действия ведут к невыполнению обязательств по нераспространению.

³⁵ Договор Алмело о создании группы *Urenco* вступил в действие в 1971 г.

³⁶ Scheinman Lawrence. The Nuclear Fuel Cycle: A Challenge for Nonproliferation. *Disarmament Diplomacy*. 2004, Issue No. 76, March/April.

³⁷ About ETC. *Urenco*. <http://www.urengo.com>

³⁸ Ibid.

³⁹ В какой-то мере избежать подобной ситуации может помочь применение более серьезных мер верификации. Без сомнения, принятие Дополнительного протокола в этом случае будет обязательным условием.

⁴⁰ Uranium Enrichment and Fuel Fabrication – Current Issues: Brasil. *WISE Uranium Project*. <http://www.wise-uranium.org/eproj.html#BR>

⁴¹ В течение 2004 г. проходили напряженные переговоры между Бразилией и МАГАТЭ по поводу режима инспекций этого объекта, которые завершились в ноябре 2004 г. заключением компромиссного соглашения. Согласно достигнутому компромиссу, инспекторы получают так называемый «управляемый доступ», который позволяет осматривать определенные части оборудования, в то время как другие (чувствительные с точки зрения бразильцев) компоненты остаются скрытыми. В дополнение к этому инспекторы получают компьютерные диаграммы, поясняющие то, что не разрешено осматривать инспекторам. Точные детали режима инспекций обогатительного предприятия Ресенде не известны, но инспекторы МАГАТЭ утверждают, что разработанные процедуры позволяют с большой степенью уверенности гарантировать использование установки исключительно в мирных целях.

⁴² В мае 2004 г. появились сообщения о том, что секретарь по внешнеполитическим вопросам Высшего совета национальной безопасности Ирана Х. Мусавиан предложил идею создания международного консорциума по обогащению урана с участием Ирана, России и стран Евросоюза. В то время эта идея не получила продолжения – Иран предлагает ядерно-топливный консорциум. *Iranatom.ru*. 2004, 8 мая. <http://www.iranatom.ru/news/aeoi/year04/may/trust.htm>

В мае 2005 г. в средствах массовой информации прошло сообщение о том, что аналогичные предложения рассматривались в ходе российско-иранских переговоров. Агентство *Reuter* передавало, что Иран предложил производить конверсию гексафторида урана в Исфahanе с последующей отправкой для обогащения в Россию и возвращением обогащенного урана в Иран. Однако в тот же день иранское информационное агентство «Мехр» со ссылкой на анонимного представителя Ирана передало опровержение того, что Иран когда-либо выступал с данной инициативой – Nuclear official rejects reports Iran proposed Russia enrich its processed uranium. *Mehr News Agency*. 2005, 20 May. <http://www.mehrnews.ir/en/NewsDetail.aspx?NewsID=185724>

В октябре 2005 г. такую же схему – обогащение иранского UF₆ в России с возможным финансовым и управленческим участием Ирана, но без доступа к технологиям, озвучил уже российский представитель, секретарь Совета Безопасности РФ Игорь Иванов на встрече в Тегеране – Russia takes nuclear plan to Iran. *BBC News*. 2005, November 12.

⁴³ Переписка В.А. Орлова с Гэри Сеймуром, вице-президентом по вопросам глобальной безопасности и устойчивого развития Фонда Макартуров, ответственным сотрудником Совета национальной безопасности США в администрации Б. Клинтона.

⁴⁴ The Myth of Excess SWU Capacity. *Ux Weekly*. 2005, July 11.

⁴⁵ Bukharin Oleg. Downsizing Russia's Nuclear Warhead Production Infrastructure. *Nonproliferation Review*. 2000, Vol. 8, No. 1, Spring.

⁴⁶ АЭХЗ, <http://www.aecc.ru>

⁴⁷ Беседа заместителя директора ПИР-Центра А.В. Хлопкова, декабрь 2005 г.

⁴⁸ Беседа с экспертом МИФИ А.Б. Колдобским, январь 2006 г.

⁴⁹ Беседа заместителя директора ПИР-Центра А.В. Хлопкова с бывшим главой Комиссии по атомной энергии Индии М. Шринисаваном, Нью-Дели, 14 декабря 2005 г.

⁵⁰ Россия построила в Китае два центрифужных завода – в Шэньси и Ланчжоу (0,5 млн ЕРР в год каждый) – Бухарин Олег. Понимание российского комплекса обогащения урана. *Наука и Всеобщая Безопасность*. 2005, май.

⁵¹ Nuclear Power in South Korea. World Nuclear Association. 2005, November. <http://www.world-nuclear.org>

⁵² Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Republic of Korea. 2004, November 11. <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2004/gov2004-84.pdf>

⁵³ Pinkston Daniel. South Korea's Nuclear Experiments. Center for Nonproliferation Studies. 2004, November 9.

В последние несколько лет трудно избавиться от ощущения, что руководство ряда стран пытается «убедить» свое население, будто теракты с применением оружия массового уничтожения (ОМУ) – неотвратимая неизбежность². Тезис этот справедлив и для России. Достаточно вспомнить лишь несколько высказываний высокопоставленных российских чиновников. Так, заместитель секретаря Совета безопасности РФ Н.Н. Спасский в сентябре 2005 г. заявил: «Самая страшная опасность – террористический акт с применением оружия массового уничтожения в той или иной форме. К сожалению, это не вопрос «если», это вопрос «когда»»³; директор Федеральной службы безопасности Н.П. Патрушев в мае 2004 г. отметил нарастание опасности приближения терроризма к «пороговому рубежу», отделяющему его от обладания оружием массового уничтожения⁴; в сентябре 2003 г. директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ М.Н. Лысенко заявил: «Террористы по-прежнему могут завладеть оружием массового уничтожения или материалами для его создания, и это может привести к страшной трагедии. Такая угроза по-прежнему сохраняется и она высока»⁵.

Подобная озабоченность фактически полностью разделяется населением России. В ходе соцопроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения по заказу ПИР-Центра политических исследований в январе 2006 г., выяснилось, что 83% россиян опасаются применения ОМУ террористами против России. При этом именно от террористических организаций исходит наибольшая угроза применения ОМУ, по мнению россиян. На вопрос, какая страна или организация представляет наибольшую угрозу применения ОМУ против России, наибольший процент получил ответ «чеченские террористы» – 55%, «Аль-Каида» получила 38%. Для сравнения: аналогичную угрозу со стороны США обозначили 33% россиян.

Поднимая тему терроризма как такового, и в частности супертерроризма⁶, необходимо признать, что в настоящее время наибольшая угроза для России в этом аспекте связана с нестабильностью в регионе Северного Кавказа.

Угроза террористических актов заметно увеличилась в ходе второй чеченской кампании, когда поддержка террористов на Кавказе со стороны зарубежных террористических организаций стала более существенной. Достаточно вспомнить, что в ходе проведения контртеррористической операции в Чеченской Республике существенно увеличилось масштаб терактов и количество жертв (в 1999 г. взорваны жилые дома в Москве и Волгодонске, в 2002 г. взято в заложники около 1000 человек в Москве и свыше 1000 человек в 2004 г. в г. Беслан (Северная Осетия)).

Связь между террористическими группировками, базирующимися на Северном Кавказе, и «Аль-Каидой» опасна не только из-за возможного роста объемов финансирования деятельности этих организаций, но и из-за вполне реальной возможности получения

технологической помощи. Известно, что У. бен Ладен провозгласил приобретение ядерного или химического оружия религиозным долгом своих последователей⁷.

Насколько реальной является угроза ОМУ-терроризма, исходящая из этого региона, что делается российскими властями для того, чтобы снизить реалистичность сценария акта супертерроризма в России? Авторы предлагают свой ответ на эти и другие вопросы, связанные с угрозой ОМУ-терроризма.

ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ АКТОВ ОМУ-ТЕРРОРИЗМА

Исполнение акта супертерроризма возможно с использованием так называемых «средств массового поражения» (СМП). В качестве потенциальных СМП могут выступить все объекты, где эти вещества производятся как конечный продукт или используются в качестве исходных или промежуточных продуктов для получения других веществ, а также пункты их хранения, продуктопроводы, транспортные средства⁸.

Находит подтверждение интерес террористических группировок к созданию «суррогатного» ОМУ. Так, 1 декабря 2005 г. начальник Генерального штаба ВС РФ Ю.Н. Балуевский сообщил, что в Чечне были найдены документы с технологиями создания оружия массового поражения – радиационного, химического и биологического⁹.

Важный вопрос, возникающий в этой связи: смогут ли террористы на Северном Кавказе самостоятельно изготовить ядерное взрывное устройство на основе украденных или приобретенных делящихся материалов либо похитить «готовый» ядерный боезаряд и привести его в действие? В 1990-х гг. в СМИ неоднократно появлялась информация о пропаже ядерных материалов с предприятий атомной промышленности РФ, часть из которой в дальнейшем получила официальное подтверждение.

Помимо угрозы утечки ядерных технологий и материалов существует опасность попадания в руки террористов химического или биологического оружия или технологий по их производству, которые намного проще и доступнее ядерных, так как многие компоненты можно приобрести вполне легальным способом. Также необходимо держать в голове возможность изготовления террористами «грязной» бомбы, в том числе, «грязной» биологической бомбы.

УГРОЗА ЯДЕРНЫМ ОБЪЕКТАМ НА ТЕРРИТОРИИ РФ

Очевидными целями «№1» для потенциальных террористов являются ядерные объекты (гражданского и военного назначения), расположенные по всей территории страны. Можно констатировать, что системы охраны ядерных объектов, созданные во времена СССР, были ориентированы на угрозу со стороны внешнего, а не внутреннего врага.

30 октября 2002 г., вскоре после захвата в заложники зрителей мюзикла «Норд-Ост», один из лидеров чеченских сепаратистов – А. Закаев заявил представителям СМИ: «Мы не можем исключить вероятность того, что в следующий раз подобная группа захватит какой-нибудь ядерный объект». Серьезность слов А. Закаева вскоре получила косвенное подтверждение в УФСБ по Тверской области, где был задержан капитан полка охраны Калининской АЭС. При обыске у арестованного нашли схему станции с нанесенными на нее секретными объектами. Также в ходе обыска были найдены зашифрованные телефонные номера, которые, как позднее выяснилось, принадлежат выходцам из Чечни¹⁰.

Причины рассматривать угрозы ОМУ-терроризма со всей серьезностью имелись и ранее. Так, в 1999 г. пресс-служба Министерства обороны заявила, что один из лидеров чеченских боевиков – С. Радугев готовил группу диверсантов, в задачи которой входила атака на ядерные объекты в России, включая АЭС. По данным пресс-службы, группа должна была состоять из 15 человек славянской внешности. 13 октября того же года информацию подтвердили в ФСБ России¹¹.

Ранее, 13 марта 1996 г., информационное агентство *РИА Новости* сообщило, что на состоявшемся совещании полевых командиров в одном из высокогорных сел недалеко от Бамута, которым руководил Р. Гелаев, было принято решение «организовать серию террористических актов против атомных объектов на территории России»¹².

Имеется информация о том, что перед захватом здания театрального центра на Дубровке группа М. Бараева искала подходы к РНЦ «Курчатовский институт». Однако система безопасности института оказалась достаточной, чтобы террористы отказались от плана по захвату одного из исследовательских реакторов института.

Безопасность объектов Министерства обороны

Персонал ядерно-опасных объектов, подведомственных Министерству обороны, острее других почувствовал влияние экономического кризиса начала 1990-х гг. на ядерную безопасность. Так, по словам начальника 12-го Главного управления Министерства обороны (ГУМО) РФ генерал-полковника Е.П. Маслина, «недоставало защитных устройств, используемых при транспортировании ядерных боеприпасов, технических средств охраны и т.д. Проявились и ранее не знакомые нам угрозы, а именно: возможный несанкционированный доступ террористических групп к ядерному оружию, находящемуся на складах или в процессе перевозки. Особенно серьезно мы почувствовали такую угрозу, когда в 1991–1992 гг. начинал разгораться конфликт в Чечне»¹³.

Неоднократно отмечался интерес к объектам Министерства обороны со стороны экстремистских сил. В октябре 2001 г. начальник 12-го ГУМО России генерал-полковник И.Н. Валинкин заявил, что представители террористических организаций уже дважды вели разведку в окрестностях объектов хранения ядерных боеприпасов¹⁴.

В 2002 г. представители двух чеченских террористических группировок предприняли попытку проникнуть на склады хранения ядерных боеприпасов в Саратовской области. Однако террористы были обезврежены сотрудниками ФСБ¹⁵. Зарубежные спецслужбы также отмечали, что в России наблюдается интерес чеченских террористических группировок к транспортировке ядерных боеприпасов. В частности, были замечены попытки последних получить информацию о спецпоезде, осуществлявшем транспортировку ядерных боезарядов, на нескольких крупных узловых железнодорожных станциях в районе Москвы¹⁶.

В марте 2002 г. в СМИ появились сообщения о задержании в Свердловской области троих вооруженных чеченцев при попытке незаконного сбыта оружия. Помимо внушительного оружейного арсенала у преступников был обнаружен действительный пропуск на территорию ЗАТО «Лесной», где в интересах Министерства обороны РФ осуществляется серийное производство и демонтаж ядерных боезарядов¹⁷.

Еще одним «тревожным звонком» является обнаружение в апреле 2002 г. подробного плана захвата атомной подводной лодки, подготовленного одним из военных лидеров чеченских боевиков И. Хасухановым, который был задержан в ходе специальной операции. По плану семь боевиков славянской внешности должны были захватить субмарину на военно-морской базе под Владивостоком, заминировать ядерный реактор и одну из ракет с ядерной боеголовкой на борту и затем потребовать вывода российских войск из Чечни¹⁸.

Весьма сомнительным фактом является появившееся в иностранных СМИ заявление Б.А. Березовского о том, что в 2002 г. он помог британским спецслужбам сорвать планы чеченских террористов, которые якобы хотели продать ядерное взрывное устройство за 3 млн долл.¹⁹ Примечательно, что это «признание» бывший российский олигарх сделал только по прошествии двух лет, когда после серии громких терактов в России в конце августа – начале сентября 2004 г. зарубежная пресса вновь заговорила о проблемах сохранности ядерного арсенала и радиационного материала на территории стран бывшего Советского Союза. В этом контексте подобные заявления олигарха можно трактовать, как попытку привлечь внимание к своей персоне.

Большинство вновь возникших задач были успешно решены (часть из них продолжает решаться) в рамках Программы совместного уменьшения угрозы при финансовом, а

иногда и технологическом содействии зарубежных государств, в первую очередь – США. Помимо этого, по мнению генерал-полковника Е.П. Маслина, «мероприятия в рамках Программы совместного уменьшения угрозы не только повысили защиту ядерного оружия в настоящем, но и также в какой-то мере позволили играть на опережение и подготовиться к вызовам будущего, в частности угрозе ядерного терроризма».

Помимо мер, направленных на усиление физической защиты объектов хранения ядерного оружия, в России ведется отработка взаимодействия различных министерств и ведомств при транспортировке ядерных боеприпасов в целях повышения ее безопасности. Здесь следует упомянуть крупномасштабные военные учения «Авария-2004», проведенные в августе 2004 г. (подробнее см. *Ядерный Контроль, 2005, №1*). Основная цель, которая ставилась перед участниками учений, – отработка вопросов, связанных с обеспечением надежной охраны ядерного оружия на базах хранения и на маршрутах транспортирования ядерного оружия²⁰.

По словам бывшего начальника 12-го Главного управления Министерства обороны РФ И.Н. Валынкина: «За всю историю России террористам не удалось совершить ни одного эффективного нападения на ядерные объекты. Были предприняты две одиночные попытки нападения, но обе они были сразу же пресечены подразделениями охраны объектов. Это говорит о том, что у нас существуют хорошие мобильные подразделения охраны и обороны ядерных объектов. За полвека существования ядерного оружия в России не было ни единого случая его утраты. Это свидетельствует о том, что система обеспечения безопасности наших ядерных объектов хорошая, она надежно работает»²¹.

В то же время это не означает, что нет необходимости продолжать работы по совершенствованию систем физической защиты ядерно-опасных объектов. После саммита в Братиславе в феврале 2005 г., где было принято Совместное заявление президентов России и США «О сотрудничестве по вопросам безопасности в ядерной сфере», заметно активизировалось взаимодействие двух стран по дальнейшему совершенствованию систем физической защиты объектов хранения ядерного оружия в России, а также повышению безопасности его транспортировки²². С октября 2003 г. к процессу повышения безопасности объектов Министерства обороны РФ подключилась Германия.

В целом, по мнению российских экспертов, система физической защиты ядерно-опасных объектов, включая хранилища ядерных боеприпасов, в настоящее время находится на качественно ином уровне, чем 10–15 лет назад, когда сразу после распада СССР она действительно могла быть уязвима с точки зрения несанкционированного доступа. Теперь несанкционированный доступ к ядерным арсеналам со стороны террористических организаций из числа вероятных сценариев практически исключается²³.

Безопасность объектов Федерального агентства по атомной энергии

В конце 1980-х гг. был произведен учебный захват ядерного объекта, когда бойцы разведывательно-диверсионного подразделения КГБ СССР «Вымпел» смогли преодолеть все системы защиты АЭС и даже установить на реактор муляж взрывного устройства²⁴.

Очевидно, что с середины 1990-х гг. уровень защищенности ядерных объектов возрос. В декабре 2000 г. правительство России утвердило федеральную целевую программу «Ядерная и радиационная безопасность России» на срок до 2006 г., целью которой является комплексное решение проблемы ядерной и радиационной безопасности. В рамках программы Глобальное партнерство реализуется целый ряд совместных международных проектов в области повышения физической защиты научно-исследовательских институтов, имеющих ядерно-опасные установки. Ежегодно на АЭС и в НИИ проводятся учения «Атом», в ходе которых совместными мероприятиями ФСБ и МВД проверяется действенность системы мер, обеспечивающих антитеррористическую защищенность объектов.

К учениям привлекаются сотрудники Центра специального назначения ФСБ, групп «Вымпел» и «Альфа», ГРУ Генштаба, МВД. Согласно сценарию учений «Атом-2002» на Калининской АЭС, за два месяца до их начала сотрудники Центра специального назначения, которые выступали в качестве условных террористов, выехали в Удомельский

район Тверской области для проведения рекогносцировки. То есть, по условиям учений, в Тверскую область была заброшена группа «диверсантов» численностью до 15 человек, которые должны были добраться до Удомли любыми способами, видами транспорта и с какой угодно стороны. Для проведения операции им необходимо было забазироваться в районе, прилегающем к АЭС, на ближайшем к атомной станции посту. Более того, в задачу условных террористов вошло изучение маршрутов движения на КАЭС, посещение отдела кадров под предлогом трудоустройства, установление контактов с работниками с целью захвата заложников, станции и выдвижения каких-то требований²⁵.

В октябре 2002 г. командно-штабные учения по защите от актов ядерного терроризма под кодовым названием «Метель-2002» проводились на базе Исследовательского ядерного реактора НИИ ядерной физики при Томском политехническом университете. Таким образом, налицо повышение внимания к вопросам охраны ядерно-опасных объектов со стороны российского руководства.

Однако на сто процентов защищенных объектов просто не существует, что и показали проверки, проведенные Генпрокуратурой РФ в 2004 г., в результате которых были выявлены недостатки в организации безопасности Кольской, Нововоронежской и Смоленской АЭС, а также ряда объектов ядерного и нефтехимического производств²⁶. Одним из наиболее уязвимых звеньев в системе охраны ядерно-опасных объектов остается персонал, что требует дополнительного внимания и профилактических мер со стороны руководства станции. Этот аспект безопасности требует повышенного внимания, учитывая попытку террористических организаций использовать лиц славянской внешности для осуществления противоправных действий.

В этих условиях наиболее привлекательным и практически осуществимым (при реализации ряда факторов) для злоумышленников представляется создание так называемой «грязной бомбы».

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ «ГРЯЗНОЙ БОМБЫ»

Известно, что для создания «грязной бомбы» необходимо незначительное количество радиоактивных и обыкновенных взрывчатых веществ. Согласно данным МАГАТЭ, большинство стран в той или иной степени обладают радиоактивными веществами, пригодными для изготовления «грязной бомбы»²⁷. Всего за последние 50 лет в мире были произведены миллионы радиоактивных источников (РИ); сотни тысяч используются сейчас в медицине, металлургии, сельском хозяйстве, горном деле, машиностроении; 12 тыс. индустриальных радиографических источников выпускаются ежегодно; более чем 10 тыс. радиоактивных источников используются в медицине для радиотерапии. Общее число только официально зарегистрированных и подтвержденных МАГАТЭ случаев незаконного ядерного оборота радиоактивных источников составляет 470²⁸.

В России только в Москве расположено около 200 предприятий, использующих источники радиации и изотопные датчики, не говоря уже об 11 атомных реакторах и 33 ядерных исследовательских установках.

Что касается территории Северного Кавказа, то в начале 1990-х гг. фактически остался без контроля со стороны федеральных властей грозненский пункт захоронения радиоактивных отходов (ПЗРО) «Радон» – один из 16 региональных пунктов захоронения радиоактивных отходов, расположенный в 30 км к северу от чеченской столицы. На «Радоне» имелось два подземных хранилища для твердых отходов (в основном, низко- и среднеактивных изотопов Ir-192, Co-60, Tm-170, Cs-137), заполненные на 57%²⁹. Прочие хранилища «Радона», в том числе для жидких и биологических отходов, не использовались. В период первой чеченской кампании были фактически разрушены система охраны и технологические помещения «Радона», результатом чего явилась пропажа двух контейнеров с радиоактивным веществом. Усилиями МЧС эти контейнеры были найдены и обезврежены. Однако в течение достаточно длительного времени, вплоть до 1999 г., мероприятия, связанные с охраной и минимизацией влияния «Радона» на окружающую среду, не проводились³⁰. После того как федеральными войсками был установлен кон-

троль над хранилищем, для снижения угрозы проведения диверсионных и террористических актов с использованием радиоактивных веществ, размещенных на территории Чеченской Республики, в первоочередном порядке был разработан План восстановления физической защиты спецкомбината, утвержденный Госстроем РФ и согласованный с органами ФСБ, МВД и МЧС³¹.

Помимо спецкомбината «Радон» в Чечне было еще 26 учреждений, среди них заводы, предприятия нефтяной и строительной промышленности, больницы, университеты, где могло находиться около 120 радиоактивных контейнеров³². К сожалению, нет сведений о том, осуществляется ли должный контроль над всеми этими источниками. Имеются основания полагать, что часть материалов все-таки попала в руки сепаратистов. Так, один из пропавших контейнеров с комбината «Радон» позднее был обнаружен в московском Измайловском парке.

В октябре 1995 г. на пресс-конференции в г. Шали Ш. Басаев продемонстрировал несколько контейнеров с радиоактивными веществами, благодаря которым он якобы способен устроить в Москве «маленький Чернобыль». Исходя из геометрической формы и размеров контейнеров, эксперты полагают, что это были радиоактивные источники, применяемые в медицине и сельском хозяйстве, такие как Co-60 или Sr-90.

23 ноября 1995 г. на территории Измайловского парка Москвы был обнаружен радиоактивный контейнер с Cs-137. Журналисты российской телекомпании *НТВ* были заранее проинформированы о местонахождении контейнера, поэтому сумели заснять момент его извлечения из сугроба и передать материал в эфир до того, как съемка на месте происшествия была запрещена³³.

В 1998 г. федеральные войска обезвредили в Чечне мину-ловушку, прикрепленную к контейнеру с радиоактивными материалами³⁴.

Нельзя также полностью исключать возможность получения необходимых материалов либо с территории стран СНГ, либо транзитом из стран дальнего зарубежья, причем наиболее вероятным временным промежутком для подобного рода операций можно считать середину 1990-х гг. С учетом контуров государственной границы России основным потенциальным «перевалочным пунктом» может считаться Грузия. В этой стране только в 2002 г. было обнаружено около 13 неучтенных радиоактивных источников³⁵. В начале 1990-х гг. известный Сухумский физико-технический институт разделился: часть коллектива осталась в Абхазии, остальные сотрудники основали Институт физики им. Андроникашвили в Тбилиси. Впоследствии в СМИ начала появляться информация о массовых хищениях и пропажах радиоактивных материалов со складов Сухумского института. Кроме того, как считает директор института В.Г. Кашия, данные отходы могут быть использованы в создании «грязных бомб».

Радиоактивные источники из Абхазии «засветились» в связи с чеченскими представителями еще в середине 1990-х гг. В 1996 г. группа из четырех чеченцев остановилась в пос. Лидзава на окраине Пичунды и спустя некоторое время на автомобиле отправилась в сторону Сухуми. На следующий день они вернулись с металлическим ящиком, но два чеченца чувствовали себя очень плохо и через сутки скончались, после чего их напарники выбросили ящик. По мнению российских экспертов, эта группа пыталась вскрыть могильник и два «копателя» получили смертельную дозу облучения в 800 бэр³⁶.

Следует отметить, что после распада СССР на территории Грузии осталось много военных и промышленных объектов, где хранились радиационные источники. По имеющимся данным, в 1992–1993 гг. Республике Грузии официально было передано пять подвижных ремонтно-химических мастерских (ПРХМ) вместе с эксплуатационной документацией. Одновременно грузинской стороной в 1992 г. было несанкционированно захвачено три ПРХМ и 48 комплексов СО-6 с радиационными источниками от списанных ранее ПРХМ, хранившихся на войсковых складах. Известно, что большая часть вышеуказанной техники и материалов попросту была разграблена в поисках ценных металлов и «разошлась» по тем районам, которые позже и указывались грузинской стороной в связи с обнаружением «бесхозных» РИ³⁷.

В то же время представляется, что проблема возможных терактов с применением радиоактивных источников во многом является преувеличенной СМИ. Так, многие из них со ссылкой на документ ГРУ Генерального штаба ВС РФ принялись раскручивать скандал, связанный с попытками соратников убитого лидера боевиков Хаттаба приобрести некоторое количество Os-187 для создания «грязной бомбы». Учитывая нерадиоактивность данного материала и стоимость одного грамма его – от 50 тыс. до 100 долл., целесообразность такой покупки выглядит сомнительной.

Нельзя забывать и о том, что большинство изотопов, применяемых в гражданских секторах промышленности (и теоретически наиболее доступных), имеют относительно короткий период полураспада (Co-60 – 5 лет, Cs-137 – 30 лет, Ir-192 – 74 дня, Sr-90 – 29 лет).

Следует отметить, что наиболее «новые» источники, которые могли оказаться в руках чеченских боевиков, датируются 1990–1991 гг., возможно, в действительности они еще более старые. Таким образом, реальная опасность может исходить только от Cs-137, но с каждым годом степень опасности этого изотопа уменьшается, даже с учетом того, что сепаратисты имеют его в своем распоряжении. Долгоживущие изотопы можно исключить из списка потенциальных угроз, так как даже чеченцы не делали заявлений о наличии у них подобных материалов, и очевидно, что доступ к ним сильно ограничен и труднодоступен.

Кроме того, в период проведения второй чеченской кампании значительно усложнилась доставка материалов в крупные города России. Это связано с тем, что с каждым годом увеличивается число постов дорожно-постовой службы, оснащенных системой «Янтарь», предназначенной для обнаружения радиоактивных источников на железнодорожном, авиа- и колесном транспорте.

Зафиксированные заявления чеченских боевиков об обладании/доступе к источникам ионизирующего излучения и попытки приобретения ядерных устройств

Дата	Событие	Комментарии
1995, осень	Сведения о попадании в руки боевиков «ядерного чемоданчика»	Информация появилась в российских СМИ
1995, 14 октября	Демонстрация контейнера с радиоактивным материалом. Заявление о закладке 4 таких контейнеров на территории России	На пресс-конференции Ш. Басаева
1995, 23 ноября	Обнаружение контейнера с Cs-137 в Москве	Обнаружен российскими СМИ. Предположительно заложен Ш. Басаевым двумя неделями ранее
1995, 22 декабря	Демонстрация контейнера с радиоактивным веществом	На пресс-конференции Ш. Басаева. Угроза применения вещества для совершения теракта
1996, март	Заявление о наличии у чеченских боевиков атомной бомбы и другого оружия	Объявил Ш. Басаев
1996, лето	Попытка чеченцев вскрыть могильник радиоактивных отходов в Сухуми	Двое из четверых погибли Данные российских СМИ
1997, сентябрь	Заявление о попадании в руки чеченцев «ядерного чемоданчика»	Сделал А.И. Лебедь
2002	Две попытки чеченских боевиков проникнуть на склады ядерных боеприпасов в Саратовской области	Заявление И.Н. Валынкина в июне 2005 г.; источник в МО РФ
2002	Попытка чеченских боевиков приобрести ядерный заряд при посредничестве Б.А. Березовского	Огласил Б.А. Березовский в октябре 2004 г.

УГРОЗА ХИМИЧЕСКОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

По официальным данным, на территории Чеченской Республики не существует объектов, где могли бы храниться химические и бактериологические компоненты, опасные для жизни человека. В 2001 г. российские официальные лица заявляли, что возможность доступа террористов на склады химического оружия «исчезающе мала»³⁸.

В то же время очевиден интерес террористов к использованию токсинов против Федеральных сил. В январе 2003 г. в ходе спецоперации в Гудермесском районе Чечни была обнаружена инструкция по кустарному изготовлению отравляющих веществ, включая рицин, который является мощнейшим токсином³⁹.

Данных о том, что террористы, действующие на территории Чеченской Республики, обладают необходимым оборудованием для производства или транспортировки химического оружия, также нет, а с учетом складывающейся обстановки, когда населенные пункты Чеченской Республики находятся под контролем Федеральных сил, вероятность кустарного производства химического (и биологического) оружия значительно сокращается.

В этих условиях боевикам остается только делать заявления и решаться на «точечные» акции с использованием доступных материалов. Имеются сведения, что у террористов и боевиков неоднократно изымались ампулы с токсином ботулизма (опасным веществом бактериального происхождения)⁴⁰. По некоторым данным, «на вооружении у чеченских боевиков сегодня есть и штаммы сибирской язвы, и вирусы оспы»⁴¹. Эти заявления остались без комментариев со стороны официальных лиц. Тем не менее пока еще не зафиксировано ни одного случая применения упоминаемых веществ и штаммов бактерий – как против Федеральных войск РФ, так и против гражданского населения, хотя подобная опасность была вероятна.

В декабре 1999 г. был отмечен случай подрыва нескольких цистерн с аммиаком и хлором, пары этих веществ распространились на обширные территории, среди мирного населения были жертвы. Следует отметить, что ни хлор, ни аммиак не являются компонентами ОМУ, однако их поражающая сила может быть достаточно велика. К тому же существует опасность заражения воды и почвы этими веществами, что может привести к гораздо более ощутимым негативным последствиям⁴².

Летом 2001 г. один из лидеров боевиков – Р. Чигитов объявил о том, что собирается отравить воду и продукты питания, поставляемые для российских военнослужащих. Впоследствии у одного из его ближайших сподвижников обнаружили карту водных источников региона с особыми пометками⁴³.

6 апреля 2002 г., по сообщениям СМИ, у одного из убитых полевых командиров – И. Чалаева были обнаружены сулема и мышьяк, которые являются сильнодействующими ядами. Крупная партия этих ядов, а также инструкции по их применению были найдены в одном из тайников А. Масхадова, обнаруженного около селения Бачи-Юрт Курчалойского района Чечни⁴⁴.

Нельзя исключать и того факта, что и на территории Северного Кавказа, и в Чечне в настоящее время довольно сложно организовать производство химического и биологического оружия, так как в населенных пунктах подобные фабрики легко могут попасть в поле зрения спецслужб, а вне их такие производства организовать практически невозможно. В этой ситуации логичным видится «перенос» таких производств на территорию сопредельных с Северным Кавказом государств. Это предположение получило неожиданное подтверждение в заявлении МИД Франции. В марте 2005 г. тогдашний министр внутренних дел Франции Д. де Вильпен сказал, что на территории Грузии, в Панкисском ущелье террористические группировки «Аль-Каиды» занимались разработкой биологического оружия и методов его применения, после того как эти работы были прерваны в Афганистане в связи с падением режима талибов⁴⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теракты в Нью-Йорке, Мадриде, Москве, Лондоне и других городах по всему миру показали, что терроризм не может являться локальной проблемой отдельной страны. Связь между боевиками, действующими на территории Северного Кавказа, и террористами из «Аль-Каиды» уже не подлежит сомнению. Западные эксперты отмечают, что «для чеченцев в случае приобретения ядерной бомбы целью номер один, без сомнения, будет Москва, и, оказавшись в их руках несколько ядерных бомб, потенциальными покупателями будут их братья из “Аль-Каиды”»⁴⁶.

В рамках борьбы с терроризмом на территории России уже был предпринят ряд усилий, которые должны получить логическое продолжение. Не ставя перед собой задачи в рамках данной статьи предложить комплексные рекомендации российскому руководству по сокращению угрозы ОМУ-терроризма на Северном Кавказе, тем не менее, авторы хотели бы обратить внимание на следующие возможные шаги.

Более плотное взаимодействие стран антитеррористической коалиции по противодействию угрозе ОМУ-терроризма

28 апреля 2004 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1540 по нераспространению оружия массового уничтожения в контексте борьбы с терроризмом. Данный документ был разработан на основе российского проекта и одобрен единогласно. Целью резолюции является создание эффективных барьеров, предотвращающих попадание ОМУ, компонентов такого оружия и средств его доставки в руки террористов. Резолюция закладывает важные принципы и механизмы скоординированного противодействия «черным рынкам» в сфере ОМУ и связанных с ним материалов.

Работая на опережение, Россия инициировала разработку Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 апреля 2005 г. Правовые положения Конвенции призваны предупредить попадание ядерных материалов к террористам – как с гражданских, так и военных ядерных объектов. В Конвенции также закладывается механизм возвращения похищенных радиоактивных материалов, ядерных устройств или веществ государству-участнику, которому они принадлежат. Представляется, что принятие этого документа, открытого к подписанию до 31 декабря 2006 г., может в значительной мере снизить вероятность актов супертерроризма с применением делящихся материалов и в еще большей степени усложнить получение этих материалов экстремистскими силами на Северном Кавказе.

Меры, направленные на стабилизацию региона Северного Кавказа

Социальная нестабильность в Чеченской Республике, деятельность криминальных и экстремистских группировок порождают новых террористов. Борьба с терроризмом как таковым на территории РФ – один из важнейших шагов по борьбе и с угрозой супертерроризма. «Терроризм процветает в условиях отчаяния, унижения, нищеты, политического угнетения, экстремизма и нарушений прав человека; он также процветает в условиях региональных конфликтов и иностранной оккупации; он выигрывает от слабой способности государства поддерживать правопорядок», – так объясняется всплеск терроризма в конце XX века в докладе «Более безопасный мир: наша общая ответственность». Таким образом, проблема восстановления Чеченской Республики должна стать одним из основных моментов политики безопасности РФ.

Дальнейшая модернизация физической защиты объектов атомной промышленности

В данной статье было приведено несколько случаев, свидетельствующих о реальном интересе террористических формирований к объектам атомной промышленности. Во всех случаях такие попытки были пресечены силами спецслужб и правоохранительных органов, что свидетельствует о наличии контроля со стороны государственных структур над

ситуацией. Однако представляется необходимым усиление агентурной работы для ликвидации преступных замыслов на ранних стадиях планирования, а также дальнейшее усиление мер физической защиты для предотвращения нападений с использованием перспективных средств нападения.

Обустройство границ и постов таможенного контроля

В контексте борьбы с терроризмом особое значение приобретает деятельность таможенных служб. Как показывает статистика Федеральной таможенной службы, поток радиоактивных и радиационно-опасных материалов, которые пытаются ввезти в Россию, значительно превышает количество материалов, которые пытаются нелегально вывезти. В этой связи остро стоит вопрос об оборудовании пунктов таможенного пропуска системами радиационного контроля «Янтарь». Более сложной задачей, однако, также требующей решения, является контроль над транспортировкой химических и биологических материалов, пригодных для создания ОМУ.

Примечания

¹ Авторы выражают благодарность Г.М. Евстафьеву, Е.П. Маслину, Д.О. Кобякову и А.В. Хлопкову за помощь в подготовке данной статьи.

² Так, по словам координатора Госдепартамента США по борьбе с терроризмом Г. Крамптона, «вероятность атаки с использованием ОМП очень высока. Это только вопрос времени». *Gazeta.ru*. 2006, 17 января. «Террористические группы по всему миру пытаются разными путями завладеть ОМП, мы постоянно получаем информацию и сигналы об этом», – заявил заместитель Госсекретаря США, ныне – посол США при ООН Дж. Болтон в мае 2004 г. *Gazeta.ru*. 2004, 20 мая.

³ <http://www.pircenter.org/cgi-bin/pirnews/getinfo.cgi?ID=2015&L=0>

⁴ Патрушев указывает на опасность попадания ОМП к террористам. *РИА Новости*. 2004, 18 мая.

⁵ Байгарова Ксения. Российский дипломат считает высокой угрозой получения террористами оружия массового поражения. *Интерфакс*. 2003, 19 сентября.

⁶ Термин «супертерроризм» обозначает «использование (угрозу использования) в террористических целях наиболее передовых вооружений или технологий, вызывающих массовое поражение населения или нанесение ощутимого (на уровне государства) экономического или экологического ущерба». «Супертерроризм: новый вызов нового века», под общей редакцией А.В. Федорова. М.: Права человека, 2002. С. 59.

⁷ Linzer Dafna. *Nuclear Capabilities May Elude Terrorists, Experts Say*. *Washington Post*. 2004, December 29. <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A32285-2004Dec28.html> или http://more.abcnews.go.com/sections/world/DailyNews/transcript_binladen1_990110.html

⁸ Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности. *Научные Записки ПИР-Центра*. 2002, №3. С. 43.

⁹ Балуевский Ю.: В Чечне найдены документы по созданию ОМП. *РИА Новости*. 2005, 1 декабря.

¹⁰ Презентация директора ПИР-Центра В.А. Орлова «Чеченские террористы: в подготовке акта супертерроризма» в рамках семинара «Chechen Situation», Женевский Центр политики безопасности, 16 июня 2004 г. <http://www.pircenter.org/data/news/orlov250804-rus.pdf>

¹¹ Там же.

¹² *РИА Новости*. 1996, 13 марта.

¹³ См. текст выступления Е.П. Маслина на презентации Справочника «Глобальное партнерство против распространения ОМУ», Вашингтон, 1 марта 2006 г.; см. доклад Е.П. Маслина «Российско-американское сотрудничество в области укрепления безопасности ядерных арсеналов в России: 1995–1998 гг.» на конференции, посвященной восьмилетнему президентству Билла Клинтона, Нью-Йорк, 11 ноября 2005 г.

- ¹⁴ Ходаренок Михаил, Георгиев Владимир. Террористы подбираются к ядерным арсеналам. *Независимая Газета*. 2001, 27 октября.
- ¹⁵ Иванов Владимир, Терехов Андрей, Трофимов Антон. Генералы пугают иностранных инвесторов. *Независимая Газета*. 2005, 23 июня.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ <http://main.izvestia.ru/community/article15997>
- ¹⁸ <http://fsb.ru/ru/smi/ufsb/2002/020426-2.html>; ИТАР-ТАСС. 2002, 31 октября.
- ¹⁹ <http://timesonline.co.uk/01-523-1325302-523,00.html>
- ²⁰ Верховцев Владимир. Безопасность ядерного оружия – приоритет России на долгосрочную перспективу. *Вопросы Безопасности*. 2004, № 2, апрель.
- ²¹ <http://www.pircenter.org/cgi-bin/pirnews/getinfo.cgi?ID=1694&L=0>
- ²² В 2006 г. Конгресс США планирует ассигновать 74 млн долл. на финансирование систем физической защиты ядерных боеприпасов в России, 30 млн долл. – на повышение безопасности транспортировки ядерных боеприпасов. *Вестник Глобального Партнерства*. 2005, №10, зима.
- ²³ См. комментарий директора ПИР-Центра В.А. Орлова.
<http://www.pircenter.org/cgi-bin/pirnews/getinfo.cgi?ID=1694&L=0>
- ²⁴ Богданов Владимир. Пропуск к боеголовкам нашли у террориста. *Российская Газета*. 2002, 1 ноября.
- ²⁵ <http://www.knpp.ru/press/200207/agent007.asp>
- ²⁶ Прокуратура выявила ряд серьезных недостатков в организации безопасности ряда АЭС. *РИА Новости*. 2004, 28 октября.
- ²⁷ *Бюллетень МАГАТЭ*. 2002, январь. С. 2.
- ²⁸ Ваганов Андрей. «Грязная бомба» взрывается в умах людей. *Независимая Газета*. 2003, 26 марта.
- ²⁹ Антонов Евгений. Угроза террористического акта с использованием оружия массового уничтожения из Чечни. *Ядерный Контроль*. 2001, № 2. С. 61.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ О состоянии радиационной безопасности на Грозненском спецкомбинате «Радон». <http://www.gan.ru/news/info/100/info-118-2004.htm>
- ³² Антонов Евгений. Угроза террористического акта с использованием оружия массового уничтожения из Чечни. *Ядерный Контроль*. 2001, № 2. С. 61.
- ³³ *Независимая Газета*. 1995, 25 ноября.
- ³⁴ Гонсалес Абель. Сохранность радиоактивных источников. Появление новых международных аспектов. *Бюллетень МАГАТЭ*. 2001, апрель. С. 43–44.
- ³⁵ *NIS Export Control Observer*. 2004, июль.
- ³⁶ Васильев Владимир. Абхазия – кузница ядерного оружия. *Независимое Военное Обозрение*. 2005, 19 августа.
- ³⁷ Личаев Виктор. Проблема бесхозных радиоактивных источников. *Ядерный Контроль*. 2003, № 2. С. 140.
- ³⁸ Лаборатория слуха. *Московский Комсомолец*. 2001, 15 октября.
- ³⁹ Об этом факте также были проинформированы спецслужбы стран, которые сотрудничают с Россией в рамках антитеррористической коалиции. См.: В Чечне найдена инструкция по изготовлению рицина. *Gazeta.ru*. 2003, 13 января.
- ⁴⁰ Золотайкина Мария. Ампула с чумой. *Независимая Газета*. 2002, 23 декабря.
- ⁴¹ Там же.

⁴² Интервью с начальником управления радиационной, химической и биологической безопасности, начальником войск РХБЗ Министерства обороны РФ генерал-майором медицинской службы Никифором Васильевым «Подлость бандитов не знает предела». *Красная Звезда*. 1999, 16 декабря.

⁴³ Басаев угрожает новыми терактами в Москве. *Пресс-Обозрение (Молдова)*. 2003, 14 января.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Солнечная Александра. Биотеррористы готовят удар из Панкисского ущелья. *Утро.ру*. 2005, 1 марта.

⁴⁶ <http://www.globalaffaires.ru/articles/0/3069.html>

Тайваньский пролив вот уже более полувека был и остается одной из наиболее конфликтных зон Азиатско-Тихоокеанского региона. Большинство процессов взаимодействия между всеми региональными акторами в сфере безопасности невозможны без учета позиций по «проблеме присоединения». В свою очередь и вопрос распространения оружия массового уничтожения в регионе также несет на себе отпечаток этой проблемы. Основной пример тому – позиция КНР на шестисторонних переговорах в Пекине. Многие исследователи склоняются к мнению, что северокорейская ядерная программа используется как один из основных козырей в процессе торга между Пекином и Вашингтоном по вопросу обеспечения безопасности в проливе и контроля над островом¹.

В то же время статус Тайваня в системе международных отношений является уникальным. «Мятежный остров» обладает абсолютно всеми признаками государства. Он имеет фиксированную территорию, определенное население (и систему гражданства), централизованные органы власти, собственные внешнеполитические национальные интересы, в состоянии обеспечивать свою безопасность, имеет определенный уровень международного признания. Таким образом, на практике за Тайванем прочно закрепилось расхожее определение «государство de facto»². Конечно, Тайвань не является в полной мере признанным государством, и в современном международном праве он может рассматриваться как «особая территория» или «зона», статус которой до конца не определен.

На данный момент Тайвань признается в качестве отдельного суверенного государства 26 странами. В частности такими, как: Парагвай, Чад, Науру, часть государств Океании. Большинство из них можно смело отнести если не к странам третьего мира, то к странам развивающимся, или же государствам, не имеющим серьезного веса на геополитической арене. Большинство из них поддерживает Тайбэй в обмен на регулярные кредиты, займы, гуманитарные поставки³. Зачастую проблема самоопределения таких государств относительно «принципа одного Китая» становится причиной смещения местных правительств. Как правило, в таких государствах ведется жесточайшая борьба протайваньских и прокитайских лоббистских кругов, а принятие того или иного решения серьезно видоизменяет государственный бюджет. Инциденты «покупок признания» не единичны. Так, например, в 2004 г. закончилось двухмесячное противостояние КНР и Тайваня за признание со стороны государства Вануату, которое в итоге выиграл Пекин, однако за время этого кризиса сменилось несколько кабинетов министров Вануату. В 2003 г. Китай предложил государству Доминика (в бассейне Карибского моря) 117 млн долларов за разрыв отношений с Тайванем. Доминика немедленно попросила у Тайваня 58 млн долларов за сохранение признания и, получив отказ, взяла деньги у Пекина. А вот Либерия денег от Пекина не получила. Однако когда эта африканская страна решила с выгодой для себя договориться с Тайванем, то Пекин пригрозил заморозить оплату миротворцев ООН на территории Либерии⁴.

За последние годы, когда процесс воссоединения тем или иным путем становится все более неизбежным и очевидным (автором воспринимается исключительно в таком ка-

честве!), мы можем заметить тенденцию катастрофической убыли в рядах приверженцев Тайваня. За последние пять лет Тайвань потерял четыре ранее признававших его государства: Гренаду, Македонию, Либерию и Доминику.

Однако Тайвань активнейшим образом пытается, с одной стороны, удерживать на своей стороне международное общественное мнение, с другой – всеми возможными способами увеличить уровень своего присутствия и влияния в основных международных организациях. На момент написания данной работы Тайвань в той или иной форме является членом организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Всемирной торговой организации (ВТО) – в качестве «особой таможенной зоны», ДНЯО, МАГАТЭ. Помимо этого, государства, признающие Тайвань, с завидным постоянством пытаются инициировать процесс принятия «мятежной провинции» в состав ООН в любом виде⁵.

Кроме того, особо необходимо оговорить тот факт, что отношения с Тайванем вынуждены поддерживать абсолютно все акторы международных отношений. В том числе и материковый Китай. Как правило, многие государства имеют в Тайбее свои неофициальные представительства, выполняющие посольские и консульские функции.

Сегодня мы можем говорить об определенном кризисе глобальной системы безопасности, процессе ее структурной трансформации. В связи с этим на карте мира появляется все большее количество так называемых «серых зон», то есть квазигосударственных образований, претендующих на обретение независимости, суверенитета и международного признания *de jure*. К их числу относят: Абхазию, Южную Осетию, Нагорный Карабах в Закавказье⁶, Приднестровье, Северный Кипр, Западную Сахару, Сомалиленд и др. Помимо того, что эти районы сами по себе имеют достаточно серьезный дестабилизирующий потенциал, внося огромное количество переменных в геополитические уравнения на региональном уровне, подобные «серые зоны» зачастую объективно являются оплотом организованной преступности, наркотрафика, работорговли, торговли оружием. Как правило, система управления в таких государствах *de facto* также оставляет желать лучшего, она насквозь коррумпирована, в них преобладает клановость, представители органов власти, руководители на всех уровнях не просто слились с финансовыми потоками, они стали неразделимы. В таких регионах полностью соответствует действительности не только известный тезис председателя Мао «винтовка рождает власть», но и тезис «власть дает деньги».

Судя по всему, в ближайшее время мы не найдем путей неконфликтного разрешения проблемы «серых зон». Прецеденты мирного урегулирования сепаратистских противоречий, такие, как разделение Эфиопии и Эритреи – скорее исключение, подтверждающее общее правило. Поэтому существование «серой зоны» в том или ином регионе априори означает существование там же «замороженного» или латентного конфликта, а следовательно, и катализатора и без того активно происходящих процессов эрозии системы безопасности.

В связи с этим ряд исследователей обратились к проблеме «серых зон» с целью поиска метода их адаптации к уже существующим механизмам. Это своего рода попытка «вписать» новые элементы в уже существующие схемы. Например, об этом говорится в работе Д. Линча (*Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. US Institute of Peace. Washington, D.C. 2004.*). В этих условиях сам по себе напрашивается вопрос об уже существующих моделях «вовлечения» таких взрывоопасных «серых зон» в общемировую глобальную структуру международных отношений. Тайвань как достаточно серьезный региональный актор мировой политики неизбежно воспринимается как объект подобных сравнений и аллюзий. В частности, в работе Д. Линча ему также нашлось место как примеру государства *de facto*, но, если возможно так выразиться в отношении геополитического игрока, «правильного» государства *de facto*.

На наш взгляд, использование компаративного метода исследования в данном конкретном случае не представляется в полном смысле адекватным. По одной простой причине. Тайвань, строго говоря, нельзя назвать «серой зоной», к нему не может в полной мере применяться и термин «государство *de facto*» с той смысловой нагрузкой, с какой он

применяется к Абхазии или Нагорному Карабаху. Одной из главных маркировок государства *de facto* в трактовке Линча является «непризнание другими» субъектами международных отношений⁷. Однако применительно к Тайваню этот подход не действует. Во-первых, Тайвань *de facto* обладает признанием практически всех акторов международных отношений, в том числе и КНР, о чем уже говорилось выше.

Во-вторых, и это наиболее важно, главное отличие Тайваня от других государств *de facto* лежит в истории возникновения и формирования конфликтной зоны как таковой. Тайвань БЫЛ признанным государством, обладал ВСЕМИ функциями, обязанностями и полномочиями представительства на мировой арене. До 1971 г. именно Тайвань являлся юридическим воплощением всего Китая. В силу геополитических причин он потерял этот статус, однако неоспоримо имеет абсолютно иной имидж в глазах мировой общественности, нежели, например, самопровозглашенные республики. Долгое время, да отчасти и сегодня, Тайвань рассматривал себя не как суверенное государство, а как «законное правительство Китая, захваченного красными мятежниками». То есть Тайвань – не сепаратистское образование, каковым является большинство «серых зон». Более того, именно в связи с этим Тайвань имеет возможность позиционировать себя в некоторых международных организациях и договорах. В частности, и в интересующем нас ДНЯО, в который Тайвань первоначально вошел в 1968 г. еще как полноправный член Совета Безопасности ООН (Тайвань прекратил свою деятельность в ООН осенью 1971 г.)⁸. Сравнительная таблица некоторых непризнанных государств мира приведена ниже.

Таким образом, на наш взгляд, Тайвань по определению не может быть «примером» для «серых зон», однако вопрос может быть представлен в ином ракурсе. Может ли тайваньский опыт быть применен для «серых зон» в конкретных сферах безопасности, таких, как, например, вопрос распространения ОМУ?

Действительно, достаточно привлекательной выглядит идея снижения дестабилизирующего потенциала «серых зон» путем «вовлечения»⁹ их в структуру механизмов глобальной безопасности. В этом аспекте рассмотрение особого статуса «мятежного острова» в рамках существующего режима представляется особенно актуальным.

Тайвань является членом ДНЯО, он подписал Договор в 1968 г., в 1970 г. ратифицировал его. 13 октября 1969 г. правительство Республики Китай подписало Соглашение о гарантиях МАГАТЭ¹⁰. Спустя еще два года было подписано двухстороннее соглашение между Тайванем и США о постановке ядерной инфраструктуры острова под гарантии США¹¹. Однако в связи с изменением своего международного статуса сегодня Тайвань во всех официальных документах МАГАТЭ отражается как «особая территория», на которую распространяются гарантии¹². Тайванем был подписан и принят к реализации и Дополнительный Протокол, ядерные объекты острова многократно подвергались инспекциям МАГАТЭ. Помимо этого, Тайванем была подписана и ратифицирована КБТО, и сегодня статус острова в ней идентичен его статусу в ДНЯО. Представители Тайваня в качестве наблюдателей принимают участие в работе обзорных конференций по КЗХО, хотя в этот договор Тайбэй официально так и не вошел.

В итоге Тайвань, не обладая всеми правами государства в международных организациях, является одной из опор режима нераспространения. Поэтому остров может восприниматься как одна из побед системы нераспространения в ее сегодняшнем виде¹³. Этому есть достаточно веские основания: Тайвань неоднократно развивал бурную деятельность в отношении собственной военной ядерной программы, в том числе и тайно. Успехи его на этом поприще были достаточно впечатляющими. Однако во многом именно благодаря контролю со стороны МАГАТЭ и США, а также благодаря постоянному опасению руководства острова лишиться поддержки мировой общественности Тайвань вынужден очень аккуратно стараться придерживаться принятых на себя обязательств, а также норм ДНЯО и Дополнительного Протокола.

Таким образом, мы имеем своего рода прецедент, метод, с помощью которого можно повысить уровень контроля над распространением ОМУ и его компонентов в «серых зонах». Более того, некоторые из таких государств *de facto*, судя по всему, готовы поддерживать подобные инициативы. Есть данные, например, что руководство непризнанного

Карабах может выступить с заявлением о желании присоединиться ко всем международным режимам нераспространения¹⁴.

Однако стоит всерьез задуматься – к чему такие шаги могут привести? Даже если на время отстраниться от неизбежного противодействия со стороны государств, претендующих на эти территории и юридически имеющих на них права. «Серые зоны» заинтересованы во вхождении в рамки режима вовсе не из стремления стабилизировать обстановку, а исключительно из статусных соображений. Следовательно, совсем не обязательно подписание ДНЯО руководством самопровозглашенной республики N приведет к выполнению всех норм Договора и снижению опасности передачи и транзита опасных материалов и компонентов через территорию данной республики, если этот «ядерный бизнес» может приносить доход представителям местных элит.

Кроме того, в возможности подобного «допуска» государств *de facto* в существующие механизмы и режимы скрывается своего рода молчаливое поощрение центробежных тенденций, которые тем самым могут катализироваться в полиэтничных и поликонфессиональных государствах. Кому как не Российской Федерации опасаться таких схем. Да, трудно спорить с определенным соблазном выйти на путь своего рода «политики умиротворения», с желанием снизить конфликтный потенциал путем «вовлечения», однако исторический опыт показывает, что такой путь далеко не всегда дает те плоды, на которые рассчитывает мировая общественность. Ведь и Мюнхенский договор 1938 г. заключался ради стремления избежать широкомасштабных конфликтов.

С другой стороны, использование «серых зон» ведущими акторами для расширения собственного геополитического влияния в регионах традиционно является одним из рычагов мировой политики. Причем это именно двухстороннее сотрудничество, которое, по большому счету, стабилизирует международную обстановку. Иначе говоря, налаженные связи непризнанного государства N с каким-либо сильным игроком, как правило, помогают удерживать вооруженный конфликт с «метрополией» в замороженном состоянии.

Игнорировать проблему «серых зон» мировая общественность тоже не может, особенно учитывая геополитическую ориентированность этнополитических квазигосударственных образований, зачастую подогреваемую еще и религиозной рознью с бывшей «метрополией», на обретение хотя бы ограниченного международного признания. Пойти по пути наименьшего сопротивления в данном случае такие государства, как Россия, просто не имеют права как с точки зрения защиты собственных геополитических интересов в регионах, так и с точки зрения сохранения безопасного *status quo* в ареале собственного геополитического присутствия. А как мы знаем из истории, «государства *de facto*» могут быть самыми верными союзниками для поддерживающего их сильного государства.

Поэтому стоит говорить не о безусловном «вовлечении», которое предлагает Д. Линч, а скорее о «вовлечении ограниченном», масштабы которого должны определяться национальными и региональными интересами безопасности. Возможно сохранение состояния «политического гомеостаза», поощрение внутреннего развития, экономического, социального, политического, при сохранении *status quo* относительно мирового признания есть лучший политический курс. Это довольно циничный, но выгодный для всех (в том числе и для населения непризнанных государств – возможно, кроме политических элит) принцип политики «разделяй и властвуй».

Вернемся к Тайваню. С момента потери островом международного признания *de jure* именно такой принцип был выбран США в отношении берегов Тайваньского пролива. Возможно, американо-тайваньская модель «вовлечения» должна быть использована Россией в отношении таких государственных образований, как Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия? С точки зрения контроля над распространением ОМУ, на наш взгляд, «лакмусовой бумажкой» может стать соглашение о двухсторонних гарантиях между островом и США. Именно такое соглашение сыграло решающую роль в ограничении ядерных претензий Гоминьдана. Этот подход вполне может быть использован РФ в отношении «серых зон» на территории бывшего СССР, он позволит усилить контроль России над безопасностью в регионе и одновременно с этим снизит общий риск распространения ОМУ.

Сравнительная таблица непризнанных государств мира¹⁵

Непризнанное государство	Территория тыс. кв. км	Население тыс.	ВВП млн долл.	Государственный строй	Международное признание	Торговые партнеры	Режим нераспространения	Численность ВС	Инфраструктура объектов, имеющих отношение к ОМУ	Переговорный процесс по урегулированию
Абхазия	8,7 тыс. кв. км	320 тыс.	53,8 млн долл.	Президентская республика	СНГ-2 ¹⁶	Ряд субъектов РФ, финансовая помощь благотворительных организаций	–	5 тыс. чел. Мобилизационный резерв около 15 тыс. чел	Сухумский физико-технический институт. НИИ экспериментальной патологии и терапии ¹⁷	Официально идет переговорный процесс с грузинской стороной
Южная Осетия	3,2-3,9 тыс. кв. км	80 тыс.	Точных данных нет	Унитарная президентская республика	СНГ-2	Ряд субъектов РФ, финансовая помощь и инвестиции Великобритании и Швейцарии. Благотворительные организации	–	Около 5 тыс. чел. Точных данных нет	–	Официально переговоры не ведутся
Нагорный Карабах	4,4 тыс кв км	Точных данных нет	59,5 млн долл.	Президентская республика	СНГ-2, Армения	Армения, РФ, мощь международных гуманитарных организаций, помощь США	Выражает готовность присоединиться к всемирному, гуманитарная помощь США	Точных данных нет	Хранилища боевх отравляющих веществ, в том числе химического оружия нервно-паралитического действия ¹⁸	Интеграционный процесс с Арменией
Приднестровье	4,2 тыс. кв. км	555,5 тыс.	213,1 млн долл.	Президентская республика	СНГ-2	РФ, Молдова, США	–	7,5 тыс. чел	–	Переговоры с Молдовой ведутся с 1992 г.
Турецкая Республика Северного Кипра	3,4 тыс. кв. км	Около 150 тыс.	820 млн долл.	Унитарная президентская республика	Турция	Турция, Великобритания, ЕС	–	Точных данных нет	–	С декабря 1999 г. ведутся переговоры для урегулирования проблемы

Республика Сомалиленд	Точные границы не определены	Точных данных нет	Нет данных	Парламентская республика	-	ЕС финансирует реконструкцию порта Бербера, гуманитарная помощь неправительственных организаций (Италия)	Точных данных нет	Перманентная гражданская война на границах
Тайвань	36 тыс. кв. км	22,7 млн	357 млрд долл.	Президентская республика	Признание 26 государств, <i>de facto</i> всех государств мира, участие в ряде международных организаций	Все	290 тыс. чел	Переговорный процесс <i>de facto</i> , соглашение, официально достигнутое между берегами пролива – «Консенсус 1992 г.»
Эритрея ¹⁹	121,3 тыс. кв. км	4,1 млн	2,6 млрд долл.	Президентская республика	-	Эфиопия, Судан, Италия, Германия, ОАЭ, Йемен, США	Точных данных нет	Переговоры с Эфиопией, завершившиеся в итоге признанием Эритреи

Примечания

- ¹ Чжунго Чаосян шиянцзюхуэй цзюйбань «Чаосянбаньдао хэ вэньти юй дунбэйя аньцюань сюэшу таолуньхуэй» [Организованный институтом исследования истории Китая и Кореи «круглый стол» «Ядерная проблема Корейского полуострова для безопасности в Северо-Восточной Азии»]. http://www.cass.net.cn/chinese/s22_sls/index/dongtai_txt/dt_gxxsttdt_2003_txt/20041210001.htm
- ² Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. US Institute of Peace, Washington, D.C., 2004.
- ³ Тайвань восстановил дипломатические отношения с государством Науру. *РИА Новости*. 2005, 14 мая.
- ⁴ Тайвань купил дипотношения с Вануату. <http://www.7news.ru/more.cfm?id=7718&CountryID=139&CategoryID=1>
- ⁵ Тайвань в 13-й раз пытается вступить в ООН. *Центр новостей ООН*. 2005, 12 августа.
- ⁶ Кобяков Д., Кириченко Э., Язькова А. «Серые зоны» распространения в Закавказье. *Ядерный Контроль*. 2004, №4.
- ⁷ Цит. по: Орлов В. Из тени в свет... или На чистую воду. *Ядерный Контроль*. 2005, №2.
- ⁸ Цветков И.А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949–1999 гг. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 2000.
- ⁹ Орлов В. Указ. соч.
- ¹⁰ The Text of a Safeguards Agreement between the Agency and the Republic of China. IAEA INFCIRC/133. 1969, 30 October.
- ¹¹ The Text of a Safeguards Transfer Agreement Relating to a Bilateral Agreement between the Republic of China and the United States of America. IAEA INFCIRC/158. 1972, 8 March.
- ¹² Kerr P. IAEA Investigating Egypt and Taiwan. *Arms Control Today*. 2005, January/February. http://www.armscontrol.org/act/2005_01-02/Egypt_Taiwan.asp?print
- ¹³ Тимербаев Р. Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы. *Научные Записки ПИР-Центра*. 2004, №1 (25). С. 16.
- ¹⁴ Кобяков Д., Кириченко Э., Язькова А. Указ. соч.
- ¹⁵ Составлена С.В. Понамаревым.
- ¹⁶ Содружество непризнанных государств. Организация, созданная Абхазией, Южной Осетией, Нагорным Карабахом, Приднестровьем. Неоднократно проводились саммиты на уровне МИДов этих государственных образований.
- ¹⁷ СФТИ занимался проблемой центрифуг, НИИЭПТ хранил и проводил опыты с радиоактивными материалами.
- ¹⁸ По заявлениям азербайджанской стороны, специальная комиссия ООН эти данные не подтвердила.
- ¹⁹ Приведенные для сравнения данные по Эритрее соответствуют 1993 г. – году обретения государством официальной независимости и признания.

Приглашаем вас в Клуб Триалог

Основанный в 2000 г., Клуб *Триалог* объединяет крупные компании и дипломатические представительства, средства массовой информации и научно-исследовательские организации.

Цель Клуба – оперативно и квалифицированно знакомить его членов с широким спектром позиций и мнений по актуальным вопросам международной безопасности.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **подпиской** на периодические (журнал *Ядерный Контроль* на русском и английском языках) и электронные (*Вопросы Безопасности*, *Arms Control & Security Letters* и *Ядерный Контроль: Информация*) издания ПИР-Центра;
- **монографиями и докладами** серии Библиотека ПИР-Центра;
- **доступом** к информационным ресурсам Центра и специально созданным для членов Клуба разделам в сети Интернет (<http://www.trialogue.ru> и <http://www.pircenter.ru/rus/club>);
- **приглашениями** на ежеквартальные заседания Клуба и заседания Экспертно-консультативного совета Центра (4 раза в год).

С докладами на заседаниях Клуба выступают ведущие государственные и неправительственные эксперты из России и зарубежных стран. Докладчиками на последних встречах Клуба *Триалог* стали:

- **Косачев** К.И., председатель Комитета по международным делам ГД ФС РФ;
- **Спасский** Н.Н., заместитель секретаря Совета безопасности РФ;
- **Шафеи** Голямреза, посол Исламской Республики Иран в РФ (2001–2005 гг.);
- **Антипов** С.В., заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии;
- **Антонов** А.И., директор Департамента по вопросам безопасности разоружения МИД РФ;
- **Нанн** Сэм, сенатор США (1972 – 1996 гг.).

Клуб Триалог – это практическая и эффективная помощь компаниям в продвижении и развитии их бизнеса, трибуна для представления национальной позиции по актуальным вопросам современности дипломатам и эксклюзивный источник информации для журналистов.

Клуб Триалог объединяет российские и зарубежные компании с суммарным годовым оборотом более 20 млрд долл. и персоналом более 100 тыс. человек. Среди представителей бизнеса, являющихся членами Клуба *Триалог*, в частности такие компании, как *Bechtel* и *Washington Group Int.*

Членом Клуба можно стать, оплатив **клубный взнос** за индивидуальное или корпоративное членство.

За более подробной информацией об условиях вступления в Клуб *Триалог* следует обращаться по тел.: +7-495-764-9896 или электронной почте: info@trialogue.ru

Совещание Совета министров иностранных дел ОБСЕ 6 декабря 2005 г. в Любляне завершилось безрезультатно, что, впрочем, уже стало традицией для этой организации. Третий год подряд не была принята итоговая резолюция. На встрече, безусловно, было много вопросов о выборах, вопросов о некоммерческих организациях и т.д., но главным содержанием и главным конфликтом этой встречи в Любляне стали противоречия между ГУАМ и Россией.

ГУАМ – организация, которая имеет самое непосредственное отношение к энергетическим коммуникациям, более того, является «маршрутной» организацией. Изначально она формировалась по маршруту гипотетического энергетического коридора. Сегодня три члена этой организации приобрели «цветные оттенки» после «оранжевых» и других революций. Но сама организация возникла вовсе не как следствие революций или реформ. Возникла она при тех, кого сегодня называют диктаторами – Шеварднадзе, Кучме и прочих. Страны ГУАМ представляют собой кратчайший и на сегодняшний день единственный путь экспорта центральноазиатских, каспийских энергоносителей в обход территории России. И с этой точки зрения, эта организация – прямой конкурент России.

Непосредственно Люблянской встрече предшествовало заявление Газпрома России, что с 1 января существенно повышается цена на газ, поставляемый в эти страны. Параллельно велись «газовые бои» с Украиной. Обострению отношений между Москвой и Киевом предшествовало три соглашения, которые Газпром подписал осенью 2005 г. с Туркменией, Узбекистаном и Казахстаном. Эти соглашения позволили России консолидировать весь экспортный центральноазиатский газ. Газпром стал фактически оператором большей части постсоветского экспортного газа, что лишает маневра ту же самую Украину, которая раньше могла договариваться с Туркменией, Узбекистаном и Казахстаном.

Более того, эти экономические соглашения вплетаются в более широкий военно-политический контекст. Практически все центральноазиатские страны, за исключением Туркмении, которая является страной особой, входят в организацию Договора о коллективной безопасности и ЕвразЭС. Узбекистан формально еще не стал членом одной организации и не восстановил членство в другой, но это, в общем, вопрос времени.

Теперь можно представить себе, что консолидированный центральноазиатский потенциал плюс потенциал Газпрома для чего-то был нужен. Примечательно, что осенью же 2005 г. актуализировались два грандиозных газпромовских проекта – два великих водных пути: североевропейский газопровод, который должен пройти через Балтику до Германии; «голубой поток», который было решено продлить через Турцию и Балканы до Италии. Таким образом, получается «великое газовое кольцо» вокруг Европы.

При этом, если обратить внимание, и на том и на другом маршруте имеются более или менее конфликтные зоны, связанные с российским военно-политическим присутствием. На северном маршруте это Калининградская область, конфликт вокруг русскоязычных меньшинств в странах Балтии. На южном маршруте – это Черноморский флот, Приднестровье и российские военные базы в Закавказье.

Очевидно, что с запуском этих проектов и выходом их на первичную даже мощность ценность этих анклавов будет только возрастать. Равно как и борьба вокруг них. И в этой связи то, что произошло в Любляне, – один из эпизодов борьбы за коммуникации. Равно как и длящиеся уже несколько месяцев конфликты по вопросам экологии, химического оружия и прочие – вокруг проектируемого североευропейского газопровода. Практически переход Центральной Азии на российскую орбиту, который в течение 2005 г. стал очевиден, заметно ослабил геополитическую составляющую этого альтернативного гуамовского коридора.

На сегодняшний день в ГУАМ только одна нефтедобывающая и потенциально газодобывающая страна – это Азербайджан. Азербайджанской нефти и газа недостаточно для того, чтобы конкурировать с Россией на общеевропейских и мировых рынках. ГУАМ был выходом, дверью в Центральную Азию. Теперь выясняется, что эта дверь закрыта. Окончательный разрыв отношений Узбекистана с Западом, который произошел в этом году, – фактически мягкое выдавливание американцев с военной базы в Киргизии. И самое главное – это экономическая подоплека: экономические соглашения России с этими странами. Они на какой-то момент делают почти невозможной игру на гуамовском треке.

В этой ситуации, конечно, именно страны ГУАМ являются наиболее пострадавшими или первыми жертвами глобального проекта Газпрома. Равно как и в целом, наверное, большая часть Восточной Европы и Прибалтики. И здесь мы наблюдаем такую интересную картину. Хотя на Люблянской встрече едва ли не все члены ОБСЕ, за исключением Белоруссии, выступили единым фронтом против России, в реальности в этом глубинном конфликте картина совершенно иная. Потому, что в данной ситуации оба глобальных проекта Газпрома осуществляются совместно с европейцами. Северный – при сотрудничестве с Германией, Южный – с Италией. При всем том конфликт этот не носит оппортунистического характера, потому что Европа заинтересована в российских энергоносителях, а Россия – в европейском рынке. Это скорее торг и попытка сторон снизить цены и выбрать себе более или менее приемлемые условия.

Однако вся эта ситуация вплетена в более масштабную глобальную игру. Эта игра связана с восточным проектом маршрута экспорта российских энергоносителей. Это так называемый Восточный трубопровод, который должен пройти либо до российского тихоокеанского порта Находка, либо до китайского Дацина. И главная интрига как раз в том – куда именно эта труба пойдет. Если верить официальным заявлениям, то это, конечно, Находка – порт, откуда нефть и другие энергоносители могут поставляться в самые различные страны. А Дацин – это Китай, и только Китай. Представляется, что до Находки труба не пойдет.

Потому что вся комбинация вокруг Центральной Азии была бы невозможна без участия в качестве партнеров китайцев. В этом же регионе присутствует еще одна организация, которая в будущем может поглотить как ОДКБ, так и ЕвразЭС. Это – ШОС. А в ШОС Россия, если и выступает в качестве лидера, то только как одного из лидеров. И если смотреть на географию и маршруты энергетических коммуникаций, которые прокладываются в регионе помимо российской восточной трубы, то все больше и больше ниточек тянется в сторону Китая.

И вот еще одно такое громкое событие последних месяцев – это скандал с поставками российских *ТОР*ов Ирану. Это, очевидно, выглядит как не совсем дружественный шаг в отношении США. США это так и расценивают и подумывают о санкциях. Это увязывается с тем, что у России есть бизнес в Иране, интересы в Иране, например, Бушер. Но при этом, как всегда, выпадает из виду, что китайские контракты с Ираном только в сфере энергетики достигают практически 30 млрд долл. И российские *ТОР*ы, если будут поставлены в Иран, будут защищать китайскую нефть и китайский газ. Хотелось бы напо-

нить, что на последнем саммите ШОС Иран присутствовал в качестве наблюдателя, то есть он является потенциальным членом организации. Таким образом, если на западном направлении конфликты выглядят громкими, скандальными, на самом деле они не смертельны, не фатальны и, в общем-то, не особенно опасны, решаемы, и какой-то компромисс там всегда возможен и различим, то на юге и востоке Россия оказалась втянутой в очень большую и серьезную игру, результаты которой достаточно непредсказуемы. Если мы берем в качестве ядра ШОС, в которой – помимо уже названных стран и Ирана в качестве наблюдателя – присутствуют Пакистан и Индия, то это практически весь евразийский континент, то есть около 50 % всех мировых энергоресурсов и выход в самый взрывоопасный регион планеты – Персидский залив.

В данной ситуации современные средства ПВО достаточно серьезно меняют ситуацию в Персидском заливе, лишая преимущества в воздухе, имея возможность в любой момент перекрыть поставки энергоносителей из этого региона.

Иран фактически выступает в качестве контролера в этом регионе. Иначе говоря, это действительно вызов и весь вопрос в том, каким будет ответ на этот вызов. Очевидно, что он возник не на пустом месте, очевидно, что дело к этому и шло. Есть целый ряд косвенных признаков, указывающих, что стороны готовятся к некоей большой конфронтации. Так, в последнее время на мировом рынке стремительно стало дорожать золото. Эксперты считают, что это подорожание связано с активной скупкой золота некоторыми игроками. Это в первую очередь Китай, Индия, страны ОПЕК. Еще хотел бы напомнить, что во время посещения Магаданской области в ноябре 2005 г. президент Путин публично поддержал предложение Центробанка России о том, чтобы перевести часть валютного резерва страны в золото. Фактически речь идет о постепенном выдавливании доллара из ниши мировой валюты, постепенном замещении его золотом, а возможно, и другими валютами.

Представляется, что доллар и нефть связаны гораздо теснее, чем кажется, связаны напрямую. После того как в 1972 г. было объявлено, что доллар не обеспечивается золотом, единственным содержанием доллара стали нефть – единственный в мире товар, который торгуется только на доллары, – и военно-политическая мощь США.

Практически все действия стран, входящих в ШОС либо находящихся в ее орбите, были за последний год направлены на то, чтобы ослабить и то и другое – взять под контроль большую часть энергоресурсов планеты и готовиться к выдавливанию доллара как мировой резервной валюты. Евроэкспансия или евроинтеграция Газпрома может в итоге привести к тому, что в Европе совсем не обязательной станет продажа энергоносителей за доллары, что можно будет делать это и за евро.

Соединенная мощь ШОС, как экономическая, так и военно-политическая, вполне позволяет открыть свою биржу и начать торговать нефтью, газом не за доллары, а за любую другую валюту: проектов было достаточно много, в том числе и вполне российский проект торговли за рубли.

В этой связи при том, что ситуация с атомной программой Ирана вполне серьезна, представляется, что эта игра связана не с проблемой иранского атома, а с проблемой иранской нефти. Потому что Иран – это та самая гирька, которая в зависимости от того, на какой чаше окажется, определяет, чья чаша перевешивает и кто выигрывает игру. Можно предположить, что основные события будут развиваться в треугольнике США–ШОС–Иран.

Примечание

¹ В основу статьи положено выступление автора на заседании Клуба *Триалог*, организованного ПИР-Центром 7 декабря 2005 г.

Вышла в свет монография ПИР-Центра

БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ: история, применение, угроза распространения и перспективы развития

Парадигма оружия массового уничтожения в XX веке претерпела серьезные изменения. Было запрещено и уничтожается химическое и бактериологическое оружие. Многие видные ученые считают, что логика современного технологического развития постепенно и непременно приведет в XXI веке к отходу и от ядерного оружия. Со временем высокоточное оружие (ВТО), как оружие сегодняшних «войн малой интенсивности», сможет решать стратегические задачи на любом театре военных действий.

Уже в наши дни сопряжение информационно-разведывательных технологий с высокоточным оружием ближнего и дальнего боя позволяет сокрушать даже хорошо оснащенного противника, не входя с ним в прямое соприкосновение. Удар таким оружием по атомным электростанциям, крупным топливно-энергетическим объектам, химическим и биологическим производствам неизбежно приведет к «неприемлемым потерям». ВТО обладает контрсилowym потенциалом, то есть может угрожать стратегическим объектам, включая и объекты Стратегических ядерных сил, а с другой стороны, – оно может стать средством проведения масштабного террористического воздействия.

Одной из мер противодействия угрозе беспилотных летательных аппаратов (БЛА) должно стать ужесточение контроля над распространением собственно БЛА и их технологий. Чтобы выработать действенные меры контроля, необходимо представлять: что же такое БЛА? Между тем у специалистов и экспертов до сих пор нет единого подхода к определению БЛА.

Авторы монографии рассказывают об угрозах, рожденных массовым внедрением БЛА, в том числе с которыми Россия может столкнуться уже в ближайшее время, приводят прогноз развития беспилотных крылатых ударных средств как фактор, влияющий на степень военной угрозы России.

Книга открывается предисловием командующего Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковника Н.Е. **Соловцова** и генерального директора корпорации «Тактическое ракетное вооружение», д.т.н. Б.В. **Обносова**.

Авторы монографии: старший советник ПИР-Центра генерал-лейтенант (в отставке) Г.М. **Евстафьев**, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, к.в.н. И.К. **Макаренко**, профессор Академии военных наук, к.в.н. М.И. **Павлушенко**.

Издание предназначено для специалистов и широкого круга читателей, включая представителей дипломатического корпуса, военных экспертов, ученых, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

По вопросам приобретения монографии следует обращаться в компанию *East View*
по тел.: +7-495-777-6557, факсу: +7-495-318-0881,
электронной почте: agadjanian@mosinfo.ru
<http://www.eastview.com>

Подозрения, что Пхеньян стремится к обладанию ядерным оружием, существовали давно. Правда, подтвердить или опровергнуть эти подозрения очень тяжело. КНДР является самой закрытой страной в мире. Информация о состоянии ее ядерных программ очень скудна и противоречива. Эта информация в значительной степени основывается на оценках различных разведывательных служб. Но таким оценкам тоже не всегда можно доверять полностью, что продемонстрировала вторая война в Ираке. При отсутствии источников информации внутри страны разведывательные службы вынуждены в основном опираться на национальные технические средства разведки и на информацию, полученную от перебежчиков. Однако технические средства разведки (например, спутниковые фотографии) требуют правильной интерпретации и не всегда они могут предоставить полную картину событий. Перебежчики нередко намеренно или невольно предоставляют ложную или искаженную информацию. В условиях недостатка информации разведывательные службы в своих оценках зачастую исходят из самых неблагоприятных сценариев. Да и сами эти оценки меняются со временем или в зависимости от страны, где их делают.

Данная статья ставит своей целью проанализировать доступную в открытых источниках информацию о технических аспектах северокорейской ядерной программы.

ПЛУТОНИЕВАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА

Газографитовые ядерные реакторы

Работающий газографитовый северокорейский ядерный реактор был спроектирован по образцу британского реактора *Калдер Холл (Calder Hall)*. Реакторы этого типа используют графит в качестве замедлителя и углекислый газ под давлением в качестве теплоносителя. В этих реакторах используется необогащенное металлическое урановое топливо в оболочке из сплава магния. Отсюда общее название этого типа ядерных реакторов *Магнокс (Magnox)* от английского magnesium oxide – оксид магния). Оболочки топливных элементов реакторов *Калдер Холл* сделаны из сплава оксида магния с алюминием. Во Франции также были построены несколько газографитовых реакторов, в которых в качестве оболочек топливных элементов применялся сплав магния с цирконием. Британские и французские газографитовые реакторы использовались как для производства электроэнергии, так и для производства оружейного плутония.

Выбор Северной Кореи в пользу газографитовых реакторов имеет под собой объективную основу:

- конструкция реакторов *Калдер Холл* была рассекречена в конце 1950-х гг. и находилась в открытом доступе для членов МАГАТЭ;

- в КНДР имеются достаточные запасы урансодержащих руд и графита¹;
- такие реакторы не требуют использования тяжелой воды или обогащенного урана, производство которых отсутствовало в Северной Корее в 1980-х гг. Таким образом, возможная зависимость КНДР от зарубежных поставок сводилась к минимуму, что соответствовало общей философии северокорейского общества, ключевым элементом которой является опора на собственные силы.

Использование реакторов типа *Магнокс* имеет, однако, два существенных недостатка:

- по сравнению с оксидным топливом топливо из металлического урана в большей степени подвержено радиационному повреждению в процессе облучения в реакторе и его размеры могут значительно меняться даже при относительно невысоких температурах. Это означает, что существует риск повреждения оболочек топливных стержней, что может привести к необходимости остановки реактора на длительное время для проведения ремонтных работ;
- отработавшее топливо реакторов типа *Магнокс* не может храниться в течение длительного времени после извлечения из реактора, так как магниевая оболочка топливных элементов подвержена коррозии под действием влаги, что может привести к ее разрушению. Поэтому требуется обязательная переработка такого ОЯТ. Обычно время хранения топливных элементов реакторов *Магнокс* не превышает 18 месяцев. Исследования МАГАТЭ показали, что специальными мерами (использование в бассейне-хранилище воды специальной чистоты и химического состава) это время, в принципе, может быть увеличено до пяти лет, после чего ОЯТ все равно необходимо перерабатывать.

КНДР приступила к строительству первого газографитового ядерного реактора в 1979 или в 1980 г. 14 августа 1985 г. реактор достиг критичности и начал функционировать с 1986 г. В КНДР его называют экспериментальным энергетическим ядерным реактором. Электрическая мощность первого северокорейского ядерного реактора составляет 5 МВт, тепловая мощность – от 20 до 30 МВт. Реактор использует топливные элементы длиной около 50 см и диаметром около 2,9 см. Вес одного топливного элемента составляет 6,25 кг, и он покрыт оболочкой из сплава магния и циркония (содержание циркония составляет 0,55%). Активная зона реактора имеет 812 топливных каналов. Каждый канал может вмещать до 10 топливных элементов. Всего в реакторе могут находиться до 8000 топливных элементов. Таким образом, при полной загрузке в активной зоне реактора содержится около 50 т урана.

Информация о том, как работал первый северокорейский газографитовый ядерный реактор, очень ограничена. Утверждается, что вначале существовали серьезные проблемы с его эксплуатацией, но затем северокорейским ученым и инженерам удалось с ними справиться, и реактор постепенно вышел на проектный режим работы.

Эффективность и надежность работы ядерного реактора характеризуется коэффициентом использования установленной мощности (КИУМ). Этот коэффициент равен отношению количества энергии, которое реактор фактически выработал за определенный период времени, к количеству энергии, которое он мог бы выработать, если бы работал в течение всего периода времени без остановок и на номинальной мощности.

Точных данных об эффективности работы северокорейского реактора нет. Если говорить о газографитовых реакторах в мире, то можно сказать, что это достаточно надежные и эффективные реакторы. Четыре реактора *Калдер Холл* были введены в действие в период с 1956 по 1959 г. и работали до 31 марта 2003 г., то есть более 45 лет. По информации компании *British Nuclear Fuel Limited (BNFL)*, которая эксплуатировала реакторы *Калдер Холл*, их КИУМ достигал 90%².

Строительство второго северокорейского газографитового ядерного реактора началось в Нёнбене в 1985 или в 1986 г. Электрическая мощность этого реактора должна была составить 50 МВт, тепловая мощность – около 200 МВт.

По различным оценкам, пуск реактора не мог состояться раньше конца 1995 г. или начала 1996 г. По условиям Рамочного соглашения между КНДР и США, строительство реактора было в 1994 г. заморожено.

По имеющимся данным, завод по производству топливных элементов в Нёнбене еще в начале 1990-х гг. изготовил топливные элементы для первой активной зоны второго северо-корейского газографитового ядерного реактора.

Строительство третьего, самого крупного газографитового ядерного реактора началось в Тхэчхоне в 1989 г. Электрическая мощность этого реактора должна была составить 200 МВт, тепловая мощность – от 600 до 800 МВт.

В 1992 г. северо-корейские представители сообщили МАГАТЭ, что они планировали завершить строительство этого реактора в 1996 г. По условиям Рамочного соглашения между КНДР и США, строительство реактора было в 1994 г. заморожено.

Моделью для газографитовых реакторов электрической мощностью 50 МВт и 200 МВт послужил британский газографитовый реактор *Калдер Холл* или французский газографитовый реактор G-2.

Переработка отработавшего ядерного топлива

Лаборатория по производству изотопов

Приблизительно в 1965 г. СССР в рамках межгосударственного соглашения о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии поставил для Центра ядерных исследований в Нёнбене радиохимическую лабораторию. Эта лаборатория включает в себя 7 горячих камер и 9 перчаточных боксов³ для работы с высокоактивными веществами. В КНДР ее называют Лабораторией по производству изотопов.

В середине 1960-х гг. эта лаборатория отвечала всем техническим стандартам того времени. Она позволяла выделять радионуклиды общей активностью до 5000 кюри из облученных реакторных топливных элементов, а также проводить различные радиохимические исследования.

По-видимому, именно в этой лаборатории отработывались элементы технологии переработки ОЯТ и выделения плутония. В 1993 г. представители КНДР сообщили инспекторам МАГАТЭ, что еще в 1975 г. в Лаборатории по производству изотопов было выделено около 300 мг плутония из облученных топливных элементов исследовательского реактора ИРТ-2000. Кроме того, Лаборатория по производству изотопов использовалась для производства изотопов для медицинского и промышленного использования, а также для обучения и тренировки персонала.

Радиохимическая лаборатория

Сооружение Радиохимической лаборатории в Нёнбене началось в 1985 г., и к 1992 г. было завершено строительство шестиэтажного здания длиной 180 м, в котором находится лаборатория, а также завершено создание необходимой инфраструктуры.

КНДР представила первоначальную декларацию в МАГАТЭ, и в этой декларации было сказано, что лаборатория предназначалась для обучения специалистов процессу выделения плутония, а также для обращения с ядерными отходами. Однако во время своей первой инспекционной поездки в 1992 г. представители МАГАТЭ пришли к выводу, что «лаборатория» представляет собой предприятие по переработке ОЯТ. После своего визита в КНДР в мае 1992 г. директор Агентства Х. Бликс заявил, что Радиохимическая лаборатория была на 80% готова, но было установлено только 40% внутреннего оборудования. Официальные лица КНДР тогда же сообщили, что ко времени визита Бликса недостающее оборудование было заказано, но еще не доставлено. Х. Бликс сказал, что если бы все оборудование было установлено, «у него не было бы сомнений, что [лаборатория] должна считаться перерабатывающим заводом в нашей терминологии».

В 1992 г. лаборатория имела одну действующую «производственную линию», включающую оборудование для растворения ОЯТ, экстракции и очистки плутония. КНДР использует для переработки ОЯТ наиболее распространенный в мире экстракционный метод «ПУРЕКС» (от английского PUREX – Plutonium URanium EXtraction). Используемые в КНДР технологии переработки ОЯТ были разработаны европейским консорциумом *Eurochemic*, который был оператором перерабатывающего завода в Бельгии в период с 1966 по 1974 г. В 1970-х гг. *Eurochemic* разработал технологии химических процессов, используемых при выделении плутония. В частности, консорциум разработал технологию химического удаления оболочек топливных элементов из магниевых сплавов с облученного уранового топлива, а также технологию связывания среднеактивных жидких отходов процессов переработки с помощью битума. Еще в 1970-х гг. *Eurochemic* опубликовал в изданиях МАГАТЭ и собственных технических отчетах схематические чертежи своего перерабатывающего завода в Бельгии и схемы производственных процессов. Северокорейские специалисты воспроизвели технологии *Eurochemic* в Радиохимической лаборатории в Нёнбене⁴.

В 1993 г. инспекторы МАГАТЭ обнаружили, что Северная Корея собиралась установить в Радиохимической лаборатории вторую «производственную линию», идентичную первой. Эта линия должна была повысить производительность лаборатории в два раза. По некоторым оценкам, максимальная производительность Радиохимической лаборатории может составить от 200 до 250 т ОЯТ в год. В настоящее время она может перерабатывать около 100 т ОЯТ реакторов типа *Магнокс* в год.

Наработка плутония

КНДР имеет два потенциальных источника наработки плутония: газографитовый реактор тепловой мощностью 20–30 МВт и исследовательский реактор ИРТ-2000 тепловой мощностью 8 МВт. О существовании в КНДР каких-либо других источников производства плутония неизвестно.

Основным источником плутония является газографитовый реактор, поскольку, во-первых, его тепловая мощность существенно выше, во-вторых, он значительно более эффективен с точки зрения производства плутония и, в-третьих, он никогда не находился под реальными гарантиями МАГАТЭ. Содержание плутония в топливе зависит от величины энерговыработки, или «выгорания» топлива, которая измеряется в МВт*сутки/т. Величина энерговыработки ОЯТ зависит от тепловой мощности реактора, условий его работы, времени, в течение которого топливо находилось в активной зоне реактора, а также от конструктивных особенностей реактора. Такая точная информация о характеристиках и условиях работы северокорейского газографитового реактора отсутствует. Тем не менее, мы можем провести ряд оценок, которые позволят качественно определить количество плутония, которое могло быть наработано в этом реакторе.

Точная тепловая мощность северокорейского газографитового реактора неизвестна. КНДР всегда приводила только его электрическую мощность – 5 МВт. Для оценок примем, что тепловая мощность этого реактора составляет 25 МВт. Такое соотношение электрической и тепловой мощности – 1/5 – примерно соответствует характеристикам британских газографитовых реакторов *Калдер Холл*⁵.

Реактор начал работать в 1986 г. и был остановлен в марте 1994 г. для выгрузки активной зоны. В соответствии с условиями Рамочного соглашения между КНДР и США, он был заморожен в 1994 г. и вновь запущен только в феврале-марте 2003 г., после того как КНДР заявила о выходе из ДНЯО и возобновлении своей ядерной программы. Реактор вновь был остановлен для выгрузки топлива в апреле 2005 г. Также имеются данные о том, что реактор останавливали на 71 день в 1989 г., на 30 дней в 1990 г. и на 50 дней в 1991 г. Эти остановки в работе реактора могли быть использованы для его частичной или полной перезагрузки с целью последующей переработки ОЯТ.

Косвенно возможность осуществления выгрузки топлива из реактора подтверждают данные исследования мазковых проб, взятых инспекторами МАГАТЭ в Радиохимической

кой лаборатории. Эти данные свидетельствуют, что Северная Корея могла провести три отдельные кампании по выделению плутония из ОЯТ в 1989, 1990 и 1991 гг.

Указанные остановки реактора могли быть также вызваны проблемами, связанными с деформацией и разрушением топливных элементов. Топливо из металлического урана подвержено радиационному повреждению в процессе облучения. Его размеры могут значительно меняться даже при относительно невысоких температурах, что может приводить к разрушению оболочек топливных элементов и выходу из них радиоактивных продуктов деления. Американская делегация, посетившая Центр ядерных исследований в Нёнбене в ноябре 1994 г., обнаружила около 700 поврежденных топливных элементов, хранившихся на реакторной площадке⁶. Такое большое количество поврежденных топливных элементов может свидетельствовать о том, что северокорейские специалисты испытывали значительные трудности с эксплуатацией реактора, по крайней мере в первые несколько лет его работы.

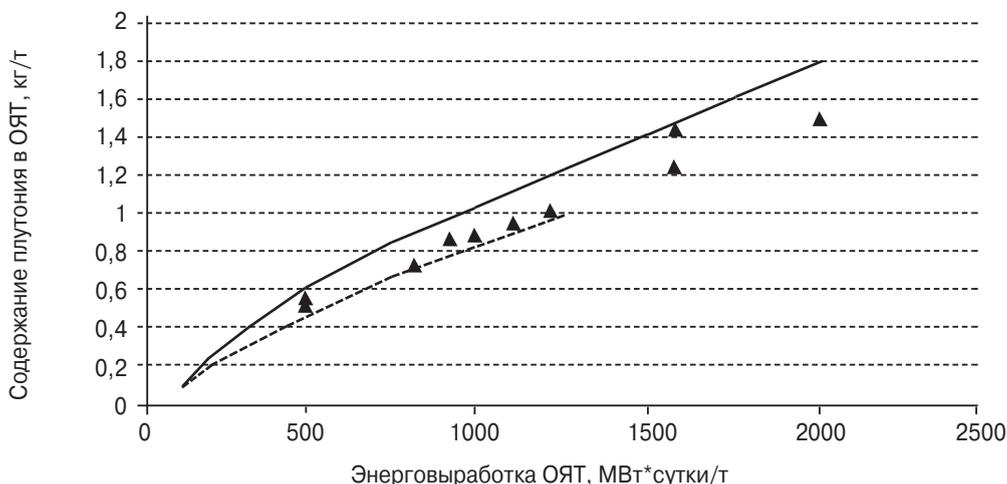
Следует также отметить, что реальная энерговыработка топлива зависит от места расположения топливных элементов в активной зоне реактора. Топливные элементы, которые находятся в центре активной зоны, имеют большую энерговыработку, чем топливные элементы, находящиеся на периферии активной зоны. Реальная энерговыработка топлива может также зависеть от конкретных условий эксплуатации реактора. Северокорейские специалисты утверждали, что в начальный период эксплуатации газографитовый реактор в целях безопасности работал с частично вдвинутыми в активную зону стержнями аварийной защиты. Это приводило к подавлению нейтронного потока в верхней части реактора, что в свою очередь служило причиной того, что топливные элементы, находившиеся в нижней части активной зоны, имели большую энерговыработку, чем топливные элементы, находившиеся в верхней части активной зоны.

Возможно, что во время остановок реактора в 1989, 1990 и 1991 гг. из него были выгружены поврежденные топливные элементы, а также топливные элементы, имевшие наибольшую энерговыработку.

Перед выгрузкой ОЯТ в 1994 г. северокорейская сторона уведомила МАГАТЭ, что ей требуется около двух месяцев для полной перезагрузки активной зоны газографитового реактора. По словам официального представителя МАГАТЭ, северокорейские специалисты начали выгрузку ОЯТ из реактора 10 мая 1994 г., и к 15 июня они практически завершили эту процедуру. Таким образом, остановки реактора в 1989, 1990 и 1991 гг. были достаточно длительными для того, чтобы перегрузить значительную часть его активной зоны.

Для оценки содержания плутония в ОЯТ северокорейского газографитового реактора в зависимости от энерговыработки воспользуемся кривыми, приведенными ниже на рисунке.

Зависимость содержания плутония от энерговыработки ОЯТ

Этот рисунок требует некоторого пояснения. Верхняя кривая – это расчетная зависимость содержания плутония в ОЯТ реакторов типа *Магнокс* от энерговыработки ОЯТ⁷. Нижняя кривая – это оценка производства плутония в стандартном газографитовом реакторе типа французского реактора G1⁸. Треугольные маркеры – это реальные значения содержания плутония в ОЯТ реакторов *Магнокс*, полученные в результате переработки этого ОЯТ на английском перерабатывающем заводе В205 и на французских перерабатывающих заводах UP1 и UP2⁹. Видно, что реальные значения содержания плутония в ОЯТ реакторов типа *Магнокс* лежат между двумя оценочными кривыми. Мы будем использовать обе эти кривые для получения диапазона оценок наработки плутония в северокорейском газографитовом реакторе.

Если предположить, что реактор в Северной Корее работал на номинальной тепловой мощности круглый год, то средняя годовая энерговыработка топлива составила бы около 180 МВт*сутки/т. Если затем предположить, что одна и та же активная зона находилась в таком работающем без остановок на номинальной мощности реакторе с начала 1986 г. и до марта 1994 г., то средняя энерговыработка ОЯТ составила бы около 1500 МВт*сутки/т. Однако реальная ситуация была далека от такой идеальной картины.

В 1992 г., когда в КНДР начались инспекции МАГАТЭ, северокорейские представители сказали инспекторам Агентства, что перезагрузки активной зоны реактора не было и что одна и та же активная зона находилась в реакторе с самого начала его эксплуатации в 1986 г. Они также сказали, что в активной зоне реактора на начало 1992 г. находилось около 17 кг плутония. Такая величина соответствует энерговыработке ОЯТ в 300–400 МВт*сутки/т. Если предположить, что активная зона реактора действительно не перегружалась (за исключением нескольких сотен поврежденных топливных элементов, выгрузку которых из реактора подтвердили представители КНДР), то средняя тепловая мощность в течение шести лет работы реактора составляла 6,8–9,2 МВт, а средний КИУМ в этот период составлял 27–37%.

В соответствии с заявлениями КНДР и оценками МАГАТЭ, средняя энерговыработка ОЯТ после его выгрузки из активной зоны реактора в 1994 г. составляла около 600–700 МВт*сутки/т.

КНДР также предоставила инспекторам МАГАТЭ некоторые данные о режиме работы своего реактора. Основываясь на этой информации, можно выделить четыре четко выраженных периода эксплуатации северокорейского газографитового реактора¹⁰:

- период 1 – с начала 1986 г. до середины 1987 г. В этот период средняя тепловая мощность реактора составляла около 4 МВт, средний КИУМ – около 15%;
- период 2 – с середины 1987 г. до середины 1989 г. В этот период средняя тепловая мощность реактора составляла 12–13 МВт, средний КИУМ – около 50%;
- период 3 – с середины 1989 г. до начала 1991 г. В этот период средняя тепловая мощность реактора составляла около 6 МВт, средний КИУМ – около 25%;
- период 4 – с начала 1991 г. до марта 1994 г. В этот период средняя тепловая мощность реактора составляла 16–18 МВт, средний КИУМ – 65–70%.

Определенные вопросы вызывает период 3, поскольку северокорейская сторона не предоставила никаких объяснений, почему в этот период мощность реактора была заметно снижена. Определенные подозрения вызывает тот факт, что это необъясненное снижение мощности приходится на то же время, что и возможные необъявленные выгрузки ОЯТ из активной зоны. Достаточно правдоподобным в этом случае кажется предположение, что в 1989 г. значительная часть активной зоны реактора все-таки могла быть перезагружена. Если предположить, что активная зона была перезагружена целиком, а затем, начиная с середины 1989 г., реактор работал с характеристиками периода 4, то к марту 1994 г. средняя энерговыработка ОЯТ должна была составлять 575–625 МВт*сутки/т, что приблизительно соответствует заявлениям самой КНДР и оценкам МАГАТЭ. Если бы была перезагружена только часть активной зоны, то средняя

энерговывработка ОЯТ в марте 1994 г. должна была быть несколько выше. При частичной перезагрузке активной зоны в первую очередь выгружались бы топливные элементы с наибольшей энерговывработкой, поскольку именно в них содержится наибольшее количество плутония.

Рассмотрим два сценария. Первый сценарий: активная зона не перегружалась и находилась в реакторе с 1986 г. по март 1994 г. Второй сценарий: активная зона была полностью перезагружена в 1989 г. Все другие возможные варианты укладываются между этими двумя сценариями.

В первом сценарии мы имеем одну активную зону со средней энерговывработкой ОЯТ около 650 МВт*сутки/т. Такая активная зона содержит от 28 до 36 кг плутония. Этот плутоний приблизительно на 94–95% состоит из изотопа Pu-239 и лишь на 5–6% из других изотопов плутония, из которых подавляющее количество приходится на изотоп плутоний-240.

Принято считать, что плутонием оружейного качества является плутоний, который содержит не менее 93–94% изотопа Pu-239 и не более 6–7% изотопа плутоний-240¹¹. Таким образом, плутоний северокорейского газографитового реактора соответствует по изотопному составу плутонию оружейного качества.

Для получения оружейного плутония на британских газографитовых реакторах *Калдер Холл* обычно достигалась средняя энерговывработка ОЯТ в 400 МВт*сутки/т. При такой энерговывработке содержание плутония в ОЯТ составляет 0,4–0,45 кг/т, а содержание изотопа Pu-239 – более 96%.

Во втором сценарии мы имеем все те же 28–36 кг плутония в активной зоне, выгруженной в 1994 г. Кроме того, мы имеем еще одну активную зону, выгруженную в 1989 г. Эта активная зона имеет среднюю энерговывработку ОЯТ около 180–190 МВт*сутки/т, и в ней содержится от 9 до 11 кг плутония. Этот плутоний приблизительно на 98–98,5% состоит из изотопа Pu-239 и лишь на 1,5–2% – из плутония-240.

Таким образом, до вступления в силу Рамочного соглашения 1994 г. КНДР могла нарабатывать в своем газографитовом реакторе от 28 до 47 кг плутония оружейного качества.

После возобновления работы реактора в феврале-марте 2003 г. он работал в течение двух лет. В начале апреля 2005 г. реактор был остановлен для выгрузки топлива с целью его последующей переработки. Если предположить, что КИУМ реактора был в течение этих двух лет примерно таким же, что и перед его остановкой в 1994 г., то есть около 70%, то средняя энерговывработка выгруженного ОЯТ составляла около 250 МВт*сутки/т. Если северокорейским специалистам удалось улучшить характеристики работы реактора и поднять КИУМ до 80%, то в этом случае средняя энерговывработка выгруженного ОЯТ составляла около 300 МВт*сутки/т. Такая активная зона содержит от 12,5 до 17,5 кг плутония оружейного качества.

Что касается исследовательского реактора ИРТ-2000, то существуют различные оценки количества плутония, который мог быть наработан в этом реакторе. Американские разведывательные службы считают, что КНДР могла нарабатывать в этом реакторе от 1 до 2 кг плутония. В МАГАТЭ полагают, что это количество не превышает килограмма¹².

Итого общее количество плутония, наработанное в двух северокорейских ядерных реакторах, может составлять от 42 до 67 кг. Еще раз отмечу, что эта оценка обладает большой степенью неопределенности.

Конечно, самым важным является вопрос, сколько выделенного плутония может иметь КНДР. Северокорейские официальные лица неоднократно заявляли, что они переработали все ОЯТ, выгруженное из газографитового реактора в 1994 г., и что переработка ОЯТ, выгруженного в 2005 г., началась в конце июня или начале июля и была близка к завершению в конце августа того же года. Можно предположить, что была также переработана значительная часть (или даже все) ОЯТ, которое выгружалось до 1994 г., если такие выгрузки имели место.

Потери плутония в процессе переработки в Радиохимической лаборатории неизвестны, но можно предположить, что они в любом случае не превышают 10%.

Итак, если из ОЯТ был выделен весь наработанный плутоний, то КНДР может иметь в своем распоряжении от 38 до 60 кг выделенного плутония оружейного качества.

Визиты в КНДР бывшего директора Лос-Аламосской лаборатории З. Хекера

В январе 2004 г. и в августе 2005 г. в КНДР побывал бывший директор Лос-Аламосской лаборатории З. Хеккер. В 2004 г. он посетил Центр ядерных исследований в Нёнбене, а в 2005 г. встретился в Пхеньяне с директором этого центра. Такие поездки представляют большой интерес, поскольку они дают редкую возможность получить информацию о северокорейской ядерной программе из первых рук, тем более от человека, являющегося ядерным оружейным специалистом.

В 2004 г. Хекер посетил газографитовый реактор, здание, в котором находится бассейн для хранения отработанного топлива и Радиохимическую лабораторию. Кратко итоги его визита в Центр ядерных исследований в Нёнбене и в Пхеньян в январе 2004 г. можно сформулировать следующим образом:

- он убедился, что реактор электрической мощностью 5 МВт работал и, по-видимому, находился в удовлетворительном техническом состоянии;
- он видел, что на площадке недостроенного газографитового реактора электрической мощностью 50 МВт не велось никаких строительных работ. Недостроенное здание реактора находилось в плохом состоянии, бетонные конструкции дали трещины, а металлические элементы конструкций были сильно повреждены коррозией;
- он не обнаружил в бассейне-хранилище топливных стержней, выгруженных из реактора в 1994 г. Северокорейские специалисты заявили, что все топливные стержни к тому времени уже были переработаны в Радиохимической лаборатории;
- северокорейские представители сообщили членам американской делегации, что они переработали все 8 тыс. топливных стержней в Радиохимической лаборатории за одну кампанию, с середины января до конца июня 2003 г. Они заявили, что мощность их радиохимической лаборатории позволяет перерабатывать 375 кг урана в сутки. Мощность объекта при нормальных условиях работы составляет 110 т отработанных топливных стержней в год. Поэтому они смогли завершить кампанию по переработке 50 тонн ОЯТ менее чем за шесть месяцев. Северокорейские представители продемонстрировали требуемое оборудование, технический опыт и знания, необходимые для переработки плутония в интересующем масштабе;
- северокорейские представители заявили, что первоначально намеревались развивать топливный цикл для гражданских целей (это означает, что они могли хранить плутониевый продукт в виде оксида плутония), но из-за враждебных действий со стороны США они решили перевести весь плутоний в металл;
- американской делегации показали металлический контейнер, который содержал деревянную коробку со стеклянными сосудами, в которых, как сказали северокорейские представители, содержалось 150 г порошка двуоксида плутония и 200 г плутония в виде металла. На вопрос о его плотности они ответили, что «плотность 15–16 г/см³ и что это сплав» (обычная практика в металлургии плутония, применяемая для стабилизации d-фазы плутония, что облегчает литье и формовку при изготовлении деталей для ядерных взрывных устройств);
- заместитель министра иностранных дел КНДР в беседе с членами американской делегации заявил, что у КНДР нет программы по обогащению урана¹³.

Во время визита в Пхеньян в августе 2005 г. З. Хекер встретился с директором Центра ядерных исследований в Нёнбене, который сказал следующее:

- газографитовый реактор электрической мощностью 5 МВт работал с февраля 2003 г. по апрель 2005 г. без технических проблем;
- активная зона реактора была выгружена в апреле 2005 г. с целью дальнейшей переработки и извлечения наработанного плутония;
- довольно ранняя выгрузка активной зоны была инициирована опасениями по поводу состояния топливных элементов, которые были произведены еще до 1994 г.;
- после выгрузки оказалось, что топливные элементы находятся в хорошем состоянии;
- свежее топливо было загружено в реактор, и он возобновил работу в середине июня 2005 г.;
- северокорейские специалисты в настоящее время обновляют завод по производству свежего ядерного топлива с тем, чтобы возобновить его работу. Последняя партия топлива, произведенная до 1994 г., была загружена в реактор;
- 8 тыс. топливных стержней были выгружены из реактора в апреле 2005 г. и охлаждались в течение приблизительно трех месяцев в бассейне-хранилище;
- в конце июня или начале июля 2005 г. началась переработка этого ОЯТ с целью извлечения плутония. В конце августа 2005 г. переработка ОЯТ была почти завершена;
- пропускная способность Радиохимической лаборатории была увеличена в 1,3 раза за счет технической модернизации;
- как и в 2003 г., плутоний был переведен в металлическую форму;
- КНДР собирается возобновить строительство газографитового реактора электрической мощностью 50 МВт. Проект реактора был переработан, и вскоре будут возобновлены строительные работы. Директор Центра ядерных исследований предположил, что они смогут достроить этот реактор в течение двух лет¹⁴;
- что касается реактора электрической мощностью 200 МВт в Тхэчхоне, то северокорейские специалисты считают, что возобновление его строительства потребует затрат, превышающих строительство подобного реактора «с нуля»¹⁵.

УРАНОВАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА

В ходе визита в КНДР в октябре 2002 г. заместитель Государственного секретаря США Дж. Келли объявил, что Соединенные Штаты располагают информацией о существовании в Северной Корее «секретной» программы по обогащению урана. По словам Келли, на встрече в октябре северокорейские представители признали факт существования программы по обогащению урана. Однако впоследствии различные официальные лица КНДР неоднократно опровергали как это утверждение Келли, так и факт наличия такой программы в Северной Корее.

Следует признать, что практически не существует какой-либо конкретной информации, подтверждающей наличие у КНДР активной программы по обогащению урана. Даже если такая программа существует, неизвестно, на какой стадии развития она находится: на стадии НИР, ОКР, создания экспериментальных или полномасштабных производств.

Однако почти не вызывает сомнения то, что КНДР получила извне, в основном из Пакистана, определенную информацию и материалы, касающиеся центрифужной технологии обогащения урана.

В начале 2004 г. миру стало известно о существовании «черного» рынка ядерных материалов и технологий, который возглавлял А.К. Хан, пакистанский ученый-ядерщик, бывший руководитель пакистанской ядерной программы, которого считают «отцом» пакистанской атомной бомбы. Подпольная сеть Хана действовала с конца 1980-х или с начала 1990-х гг. Она занималась поставкой ядерных материалов и технологий в другие страны. Среди ее клиентов были Иран, Ливия и КНДР.

В августе 2005 г. в интервью японскому информационному агентству *Киодо* президент Пакистана Первез Мушарраф признал, что А.К. Хан передавал КНДР технологии обогащения урана, включая газовые центрифуги, части к ним и документацию по их производству. Мушарраф не стал опровергать утверждение о том, что Хан мог поставить в КНДР некоторое количество гексафторида урана (UF_6) – газа, который необходим для обогащения урана в центрифугах¹⁶.

Известно, что Хан лично посещал КНДР, а северокорейские специалисты посещали его лабораторию.

В печати появлялись сообщения о том, что Пакистан предоставлял Пхеньяну ядерные технологии в обмен на помощь от КНДР в разработке и производстве баллистических ракет. Мушарраф, однако, опроверг утверждения о том, что передача пакистанских ядерных технологий КНДР была санкционирована на высшем уровне и производилась в порядке бартера в рамках программы разработки Пакистаном ракеты среднего радиуса действия *Гаури* на основе северокорейской ракеты *Нодон*. По словам Мушаррафа, Пакистан сотрудничал с КНДР в сфере разработки обычных вооружений, в том числе при создании ракеты *Гаури*, однако никогда такое сотрудничество не касалось стратегического и ядерного оружия.

В ноябре 2002 г. ЦРУ полагало, что в Северной Корее строится экспериментальный завод по обогащению урана, который может быть введен в эксплуатацию «в середине десятилетия». Этот завод позволил бы Пхеньяну ежегодно производить такое количество высокообогащенного урана оружейного качества, которого хватило бы для создания одного или двух ядерных взрывных устройств. Однако неизвестно, на чем были основаны эти оценки.

Известно, что завод по производству свежего металлического уранового топлива для газографитового реактора в Центре ядерных исследований в Нёнбене занимается конверсией уранового концентрата в оксид урана (UO_2). Для производства уранового металла оксид урана обычно вначале превращают в тетрафторид урана (UF_4). Если КНДР производит тетрафторид урана, то для нее, в принципе, не составило бы большого труда произвести гексафторид урана.

В печати появлялись сообщения о попытках КНДР приобрести за рубежом материалы, которые могут быть использованы для создания центрифуг, в частности высокопрочные алюминиевые трубы и кобальтовый порошок высокой чистоты. В апреле 2003 г. власти Франции, Германии и Египта блокировали поставку в КНДР 22 т высокопрочных алюминиевых труб, первую поставку из общего заказа в 200 т. Этого количества могло бы хватить для производства около 3,5 тыс. газовых центрифуг. Тем не менее неизвестно, удалось ли Северной Корее получить необходимые материалы и компоненты, и если удалось, то в каком количестве.

Добыча и обогащение урановой руды, изготовление топлива

Запасы урансодержащих руд на территории КНДР в начале 1990-х гг. оценивались в 26 млн т (более 15 тыс. т урана)¹⁷, из них около 4 млн т – это руды, пригодные для промышленной разработки.

КНДР имеет несколько шахт по добыче урана, а также от двух до четырех производств по обогащению урановой руды. Точное число урановых шахт, объемы добычи урановой руды и производства уранового концентрата неизвестны.

В Центре ядерных исследований в Нёнбене находится завод по производству топливных элементов для газографитовых ядерных реакторов. На заводе осуществляется конверсия уранового концентрата (U_3O_8) в оксид урана (UO_2) и последующее изготовление металлического уранового топлива. Сооружение завода было начато в 1986 г., а в начале 1987 г. на нем началось изготовление топлива. В 1992–1993 гг. завод ежегодно производил около 16 тыс. топливных элементов, которые содержали до 100 т урана. Однако имеется информация, что завод способен производить до 200–300 т свежего топлива в год. Таким образом, потенциально этот завод способен обеспечить топливом не только работающий газографитовый реактор электрической мощностью 5 МВт, но и недостроенные газографитовые реакторы электрической мощностью 50 и 200 МВт¹⁸.

Топливные элементы для первой активной зоны газографитового реактора электрической мощностью 5 МВт были произведены на экспериментальном заводе в Нёнбене. Этот завод функционировал с 1983 по 1986 г., но затем был закрыт из-за технических проблем.

ЕСТЬ ЛИ У КНДР ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ?

Центральное разведывательное управление США еще в середине 1990-х гг. пришло к выводу, что КНДР «произвела один, возможно, два ядерных заряда».

10 февраля 2005 г. Министерство иностранных дел КНДР выступило с заявлением, в котором говорится, что Северная Корея обладает ядерным оружием.

Северная Корея не проводила испытания ядерного взрывного устройства, и поэтому отсутствует окончательное, самое убедительное доказательство способности государства создать ядерное оружие. Однако следует помнить, что Израиль также никогда не проводил ядерных испытаний, однако практически никто не сомневается, что он обладает ядерным арсеналом. Южная Африка тоже не испытывала ядерного оружия, однако это не помешало ей создать шесть атомных урановых бомб.

КНДР имеет плутоний оружейного качества в количестве, достаточном для изготовления нескольких ядерных взрывных устройств. Плутоний заставляет северокорейских специалистов использовать имплозивную схему для создания ядерного взрывного устройства. Создание такого устройства, в принципе, является технически более сложной задачей, чем урановое ядерное взрывное устройство на принципе пушечного сближения. Однако эти трудности не являются непреодолимыми, особенно если принять во внимание тот громадный научно-технический прогресс, достигнутый за шестьдесят лет, прошедших со времени создания первого имплозивного плутониевого взрывного устройства. Более того, существует достаточное количество открытой информации, посвященной этим вопросам.

Имеются данные, что в 1990-е гг. КНДР на двух взрывных площадках провела более сотни взрывных экспериментов. Высказывались предположения, не подтвержденные, правда, какими-либо убедительными доказательствами, что в ходе этих экспериментов северокорейские специалисты могли отрабатывать имплозивную схему ядерного взрывного устройства.

Если же в КНДР действительно есть программа по обогащению урана, и она сможет произвести достаточное количество высокообогащенного урана необходимого качества, то она будет способна в этом случае использовать и схему пушечного сближения.

Если понимать под ядерным оружием систему, объединяющую ядерные боеприпасы, средства их доставки к цели и средства управления, то следует учитывать, что для создания такой системы потребовалось бы решить ряд научно-технических вопросов в дополнение к решению главной проблемы создания самого ядерного взрывного устройст-

ва. В настоящее время отсутствует какая-либо информация, которая позволяла бы судить о том, достигла ли Северная Корея заметного прогресса в этом направлении.

В ходе реализации своей ядерной программы северокорейские специалисты продемонстрировали способность решать сложные научно-технические задачи и успешно преодолевать возникающие трудности.

Одним словом, КНДР продемонстрировала, что у нее имеются технические возможности, кондиционные материалы и научно-технические кадры, необходимые для решения задачи создания ядерного взрывного устройства. Однако пока не будет проведено испытание такого устройства, могут оставаться оправданные сомнения в его существовании.

Выводы

Первое. Корейская Народно-Демократическая Республика собственными силами создала полный плутониевый топливный цикл, который включает добычу и переработку урановой руды, производство свежего топлива для ядерных реакторов, наработку плутония в процессе облучения топлива в ядерном реакторе, переработку отработавшего ядерного топлива и выделение из него плутония.

Второе. КНДР отработала технологию создания и эксплуатации газографитовых ядерных реакторов типа *Магнокс*. По-видимому, северокорейским специалистам удалось успешно преодолеть технические проблемы, с которыми они столкнулись на начальной стадии эксплуатации реактора этого типа.

Третье. К середине 2005 г. в КНДР могло быть наработано приблизительно от 40 до 65 кг плутония оружейного качества. Работающий в настоящее время газографитовый реактор электрической мощностью 5 МВт позволит дополнительно нарабатывать приблизительно от 6 до 8 кг плутония оружейного качества в год.

Четвертое. Если КНДР воплотит в жизнь свои планы и сможет завершить строительство газографитового ядерного реактора электрической мощностью 50 МВт, это радикально изменит ее возможности по производству плутония. Этот реактор позволит Северной Корее дополнительно нарабатывать от 50 до 70 кг плутония оружейного качества в год.

Пятое. КНДР отработала технологию переработки отработавшего ядерного топлива реакторов типа *Магнокс* с целью выделения из него плутония. Есть все основания полагать, что все или почти все ОЯТ газографитового ядерного реактора электрической мощностью 5 МВт было переработано в Радиохимической лаборатории в Центре ядерных исследований в Нёнбене. КНДР к настоящему моменту может иметь от 35 до 60 кг выделенного плутония оружейного качества в металлической форме.

Шестое. Северокорейские специалисты обладают необходимым производственным потенциалом, техническим опытом и знаниями, которые позволят им в будущем переработать не только ОЯТ существующего газографитового реактора электрической мощностью 5 МВт, но и ОЯТ реактора электрической мощностью 50 МВт, если последний будет достроен.

Седьмое. Северная Корея продемонстрировала определенные знания и технический потенциал в области металлургии плутония, в частности для получения δ -фазы плутония, которая облегчает литье и формовку при изготовлении деталей для ядерных взрывных устройств.

Восьмое. Существуют подозрения, что КНДР развивает программу по обогащению урана. При этом до сих пор не было представлено конкретных доказательств, подтверждающих наличие в КНДР активной программы по обогащению урана. Однако известно, что КНДР получила извне, в основном из Пакистана, определенную информацию и материалы, касающиеся центрифужной технологии обогащения урана, включая газовые центрифуги, части к ним и документацию по их производству.

Девятое. В ходе реализации своей ядерной программы северокорейские специалисты продемонстрировали способность решать сложные научно-технические задачи и успешно преодолевать возникающие трудности.

Десятое. КНДР продемонстрировала, что у нее имеются технические и производственные возможности, кондиционные материалы и научно-технические кадры, необходимые для успешного решения задачи создания ядерного взрывного устройства.

Примечания

¹ По запасам графита КНДР занимает одно из ведущих мест в мире.

² См. <http://www.bnfl.com/index.aspx?page=410>

³ Рожков О.В. Лекция «Ядерная программа КНДР», Московский физико-технический институт, 18 марта 2003 г. <http://www.armscontrol.ru/course/lectures03a/ovr30318.htm>. Георгий Кауров в своей статье пишет, что лаборатория имела в своем составе 20 горячих камер и 20 перчаточных боксов.

⁴ DPRK: *Eurochemic* and Calder Hall Clones. WISE News Communiqué. 1994, May 6. <http://www.antenna.nl/wise/411/4072.html>

⁵ Albright David, Berkhout Frans and Walker William. Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996: World Inventories, Capabilities and Policies. SIPRI, Oxford University Press, 1997. P. 60. Первоначальная тепловая мощность реакторов *Калдер Холл* была 180 МВт, а их электрическая мощность – 42 МВт.

⁶ Alvarez Robert. North Korea: No Bygones at Yongbyon. *Bulletin of Atomic Scientists*. 2003, July/August, V. 59, No. 4. P. 39–45.

⁷ Heavy-Element Concentrations in Power Reactors. NUS Corporation, SND-120-2. 1977, May.

⁸ Albright David, Berkhout Frans and Walker William. P. 462–463.

⁹ Ibid. P. 479–483.

¹⁰ Albright David, O'Neill Kevin (eds). Solving the North Korean Nuclear Puzzle. Institute for Science and International Security (ISIS), 2000. P. 118–121.

¹¹ См., например: Albright David, Berkhout Frans and Walker William. P. 19; или: Carson Mark. Explosive Properties of Reactor-Grade Plutonium. *Science & Global Security*. 1993, V. 4. P. 113.

¹² The North Korean Plutonium Stock Mid-2005. Institute for Science and International Security (ISIS). 2005, September 7. <http://www.isis-online.org/publications/dprk/dprkplutoniumstockmid05.pdf>

¹³ Hecker Siegfried. Visit to Yongbyon Nuclear Scientific Research Center in North Korea. Hearing of the Senate Committee on Foreign Relations. www.fas.org/irp/congress/2004_hr/012104hecker.pdf

¹⁴ Некоторые эксперты сомневаются, что этот срок является реалистичным. Они полагают, что реактор может быть достроен в течение 4–5 лет.

¹⁵ Hecker Siegfried. Technical summary of DPRK nuclear program. 2005 Carnegie International Non-Proliferation Conference, Washington, D.C., November 8, 2005.

¹⁶ «Мушарраф: пакистанский ученый передавал ядерные технологии КНДР». *РИА Новости*. <http://www.rian.ru/world/asia/20050824/41218891.html>

¹⁷ Открытый доклад СВР за 1993 год. «Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения». <http://svr.gov.ru/material/2-1.html>

¹⁸ Там, где не указано иначе, сведения о ядерной программе КНДР приводятся по данным американского фонда «Инициатива по снижению ядерной угрозы» (Nuclear Threat Initiative). http://www.nti.org/e_research/profiles/NK/Nuclear

Если вы профессионально занимаетесь и интересуетесь вопросами международной безопасности, имеете опыт редакторской работы и хотите стать частью научно-исследовательской организации с международной репутацией, то эта информация для вас.

ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансии ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Должностные обязанности:

- научное редактирование рукописей, принятых к публикации;
- постоянная координация с научными рецензентами;
- осуществление взаимодействия с авторами журнала как по поручению Главного редактора, так и самостоятельно, включая ведение переговоров, заказ статей и контроль над их подготовкой, доведение замечаний рецензентов до сведения авторов, согласование текста статьи и графических материалов с автором перед подписанием номера в печать;
- участие в выработке редакционной политики журнала, ведение плана текущего номера журнала и стратегического плана редакции;
- участие в формировании портфеля и развитии журнала по поручениям Главного редактора, Редакционной коллегии и инициативно. Последнее особенно важно с учетом того, что в текущем году планируется значительное расширение проблематики журнала и в связи с этим ставится задача освоения тем, ранее не затрагивавшихся в журнале, и привлечения новых авторов;
- осуществление взаимодействия с Редакционной коллегией журнала на постоянной основе, подготовка заседаний Редакционной коллегии;
- координация работы редакции журнала с издательством;
- самостоятельная подготовка статей и материалов для ряда разделов журнала по заданному плану;
- участие в научных мероприятиях, проводимых ПИР-Центром, наравне с научными сотрудниками.

Требования:

- высшее образование (предпочтительно: международные отношения, политология, международная журналистика);
- опыт научного редактирования рукописей;
- наличие опубликованных собственных научных работ по проблематике международной безопасности и(или) международных отношений;
- свободное владение английским языком (знание других языков приветствуется, но не является обязательным);
- знание компьютера на уровне опытного пользователя: Internet Explorer, Word, Excel, Outlook Express, программы редактирования (основная работа с текстом в Редакции осуществляется в электронном формате);
- активность, аналитический склад ума, широкий кругозор, желание и умение обучаться, ответственность, обязательность, умение работать в команде, умение работать в цейтноте.

Условия:

- вакансия выпускающего редактора журнала уже открыта;
- полный рабочий день, 40 часов в неделю, пятидневная рабочая неделя (выходные в субботу и воскресенье);
- работа в штате на контрактной основе;
- предлагается привлекательная заработная плата (по результатам собеседования).

Резюме с указанием вакансии следует направлять на имя Главного редактора журнала В.А. Орлова по адресу: orlov@pircenter.org или по факсу +7-495-234-0525

Опасность появления в руках террористов оружия массового уничтожения, в первую очередь ядерного – наиболее разрушительного по своему потенциалу, заставила различные страны мира активизировать усилия по предотвращению возникновения подобных сценариев. В ряду мер, направленных на обеспечение безопасности ядерных материалов, одно из приоритетных значений имеет консолидация ядерных материалов оружейного качества в меньшем количестве мест хранения, обеспеченных соответствующими современным требованиям системами физической защиты, учета и контроля ядерных материалов (ФЗУК ЯМ). В первую очередь это относится к высокообогащенному урану (ВОУ)¹, который, по оценкам экспертов, может представлять наибольшую угрозу с точки зрения опасности использования в террористических целях.

Одним из наиболее уязвимых с точки зрения безопасности запасов ВОУ в мире является свежее топливо исследовательских реакторов². Решение данной проблемы может

Рис. 1

Количество исследовательских реакторов в индустриальных и развивающихся странах

быть осуществлено в рамках двухэтапного подхода: на первом – вывоз топлива на основе ВОУ (в первую очередь свежего, затем и облученного) в страны происхождения реакторов (в первую очередь – США и Россию), на втором – конверсия действующих реакторов для использования топлива на основе НОУ.

Масштабность этой задачи была обусловлена тем фактом, что в период холодной войны Советский Союз и Соединенные Штаты интенсивно расширяли программы по развитию атомной энергетики за пределы собственных территориальных границ, оказывая содействие в строительстве атомных электростанций, исследовательских реакторов, поставляя ВОУ топливо другим странам: Соединенные Штаты – преимущественно капиталистическим странам, Советский Союз – странам социалистического лагеря (На Рис. 1 показано количественное изменение исследовательских реакторов в мире в период с 1945 по 2005 г.). За это время в мире накопилось огромное количество высокообогащенного урана и произошло определенное географическое «распыление» мест его хранения. При этом условия хранения ядерных материалов во многих странах не соответствуют современным нормам и стандартам МАГАТЭ, что делает реальной угрозой хищения этих материалов.

Другой проблемой становится массовый вывод из эксплуатации исследовательских реакторов, пик строительства которых пришелся на 1960-е гг. (Подробнее см. Рис. 2.) Однако данный вопрос не является предметом исследования авторов данной статьи.

Рис. 2

Количество введенных в эксплуатацию и закрытых исследовательских реакторов

Источник: Research Reactors. Интернет-сайт МАГАТЭ.
http://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC48/Documents/gc48inf-4_ftn1.pdf

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В 1970–1980-е гг. Советский Союз в рамках научно-технического сотрудничества со странами социалистического лагеря построил научно-исследовательские реакторы во многих странах Восточного блока: от Венгрии и Румынии до Югославии и Польши. После развала Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и свертывания программ сотрудничества в ядерной сфере многие атомные объекты в странах бывшего социалистического блока стали приходить в запустение, что не могло отрицательно сказаться на их безопасности³.

В последние годы после возрастания угрозы проведения крупномасштабных террористических акций возросла обеспокоенность судьбой этих ядерных материалов, которые могли бы стать легкой добычей для террористов. По утверждению генерального директора МАГАТЭ М. Эльбаррадея, на сегодняшний день ВОУ используется примерно на 100 исследовательских реакторах и других объектах в 40 странах мира⁴. Из них более 20 реакторов в 17 странах используют высокообогащенное топливо советского или российского производства⁵. По некоторым оценкам, сделанным в 1997 г., всего в мире в качестве топлива для исследовательских реакторов используется около 20 т ВОУ⁶. По словам бывшего министра энергетики США С. Абрахама, более 200 исследовательских реакторов мира сейчас приближаются к окончанию своего срока службы, а еще 400 реакторов уже остановлены, что высвободило или высвободит в ближайшее время огромные количества ОЯТ⁷ и других радиоактивных материалов, безопасность или переработку которых необходимо обеспечить как можно скорее⁸.

С 1978 г. сведение к минимуму международной торговли ВОУ было одной из основных задач для Соединенных Штатов в рамках усилий по укреплению режима нераспространения⁹. Начиная с этого года, Соединенные Штаты начали применять меры по переводу исследовательских реакторов, использующих топливо на основе ВОУ, на топливо на основе НОУ. С этой целью была создана программа снижения обогащения топлива исследовательских реакторов (СОТИР)¹⁰, которая предусматривает не только содействие в конверсии самих реакторов на работу с новым типом топлива, но и обеспечивает разработку топливных композиций. Также программа предусматривает меры по переобучению персонала исследовательских реакторов в связи с заменой топлива¹¹.

Россия имеет свою программу СОТИР, которая подразумевает значительное снижение обогащения топлива, экспортируемого на исследовательские реакторы зарубежных стран, и эта программа работает совместно с аналогичной программой Соединенных Штатов по созданию нового НОУ-топлива, которое может быть использовано в исследовательских реакторах российского производства.

Для дополнения программы СОТИР Министерство энергетики США учредило в 1996 г. программу по вывозу облученного и свежего ядерного топлива на основе ВОУ (ВТИР)¹² с установок американского производства¹³. Эта программа предусматривает возврат и взятие под контроль на территории Соединенных Штатов облученного и свежего топлива исследовательских реакторов на основе ВОУ американского производства из других стран при условии, если владелец установки взял на себя обязательство перевести ее на использование НОУ. Свежее топливо и ОЯТ исследовательских реакторов, которое подлежит возврату в Соединенные Штаты по программе ВТИР, находится в 41 стране мира и составляет, по разным оценкам, от 17,5 до 20 т ВОУ¹⁴. Согласно планам программы, использование ВОУ-топлива предполагается исключить после 2006 г.¹⁵.

Начиная с декабря 1999 г., действует трехсторонняя программа России, США и МАГАТЭ по возвращению в Россию топлива, содержащего ВОУ, с исследовательских реакторов советского/российского (далее по тексту – российского) производства (ВТИР РФ)¹⁶ обратно в Россию¹⁷.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ВТИР РФ И ЕЕ ПЕРВЫЕ ШАГИ

Большой проблемой, с которой столкнулось руководство некоторых республик бывшего Советского Союза, мировое сообщество и Россия в первое время после распада СССР, стала низкая степень безопасности находившихся на территории республик ЯМ. Это было связано со многими факторами, главные из которых – незаконченность формирования государственной системы республик, включая органы безопасности, и отсутствие необходимых средств для усиления безопасности на объектах ядерного комплекса.

Это обстоятельство стимулировало принятие руководством Соединенных Штатов ряда решений, направленных на содействие преодолению возникших проблем.

Классическим стал эпизод с вывозом, в рамках операции «Сапфир», с Ульбинского комбината (Казахстан) в Соединенные Штаты в 1994 г. 600 кг ВОУ, к которому по некоторым дан-

ным, ранее проявляли интерес спецслужбы Ирана. Россия тогда просьбу Казахстана забрать материал проигнорировала. Казахстан получил компенсацию около 30 млн долл.

Похожая ситуация сложилась в 1998 г., когда Россия отказалась принять ВОУ из Грузии. Тогда Соединенные Штаты договорились с Великобританией о переброске 3,5 кг свежего ВОУ-топлива с 90% обогащением и 0,8 кг отработавшего топлива остановленного исследовательского реактора в Грузии на экспериментальный ядерный реактор в городе Даунри (Шотландия). Соединенные Штаты заплатили 2 млн долл. за проведение самой операции по транспортировке, а также 125 тыс. долл. Институту физики Грузии в качестве компенсации.

До этого на территории Грузии имели место случаи хищения расщепляющихся материалов. Так, в декабре 1997 г. российская инспекция посетила Физико-технологический институт им. И.Н. Веква в Сухуми, который был закрыт в связи с абхазо-грузинским конфликтом, и обнаружила, что объект заброшен, а материалы, включенные в инвентарный список 1992 г., пропали. Как было выяснено в дальнейшем, пропало около 2 кг урана с 90% обогащением. Материалы так и не были обнаружены. В рамках другого случая, 19 апреля 2000 г. в Батуми полиция Грузии арестовала четверых граждан, у которых было изъято 920 г урана с 30% обогащением. Происхождение материала установлено не было.

Случаи вывоза Соединенными Штатами высокообогащенных ЯМ с территории Казахстана и Грузии, а также инциденты, связанные с хищениями ЯМ, подталкивали российское руководство к рассмотрению возможности учреждения совместного с США проекта для обеспечения безопасности расщепляющихся материалов российского происхождения не только на территории СНГ, но и за его пределами.

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРОГРАММЫ

В ходе трехсторонних переговоров в Вене в 1999 г., участниками которых являлись США, Россия и МАГАТЭ, было установлено, что 22 реактора в 17 странах мира снабжены топливом российского производства (подробнее см. *Таблицу 1*). Большинство этих реакторов работают на ВОУ-топливе, и большое количество реакторов имеют на складах как свежее, так и ОЯТ, которое требует безопасного хранения и последующего вывоза на территорию России¹⁸.

Таблица 1

Страны, обладающие исследовательскими реакторами, работающими на российском топливе¹⁹.

Страна	Местоположение	Тип реактора	Мощность	Статус	Дата пуска
Беларусь	г. Сосны (Институт инженерных проблем энергетики)	ИРТ-М	4 МВт	остановлен 01.01.1988	01.04.1962
Болгария	г. Горна-Оряховица	ИРТ	2 МВт	остановлен 13.07.1989	01.09.1961
Китай	Данные отсутствуют				
Чехия	г. Ржеж (Ядерный исследовательский институт)	ЛВР-15	10 МВт	раб. (12.09.2002)	24.09.1957
КНДР	г. Ненбен	ИРТ	8 МВт	раб. (30.07.1996)	15.08.1965
Египет	г. Наср (Национальный центр ядерной безопасности и радиационного контроля)	ВВР-С.	2 МВт	раб. (06.03.2001)	08.02.1961

Германия	Земля Саксония	ВВР-М	10 МВт	остановлен 27.06.1991	16.12.1957
Венгрия	Будапешт (Исследовательский институт атомной энергии)	ВВР-М	10 МВт	раб. (10.09.2002)	25.03.1959
Казахстан	г. Алатау	ВВР-К	6 МВт	раб. (19.03.2001)	22.10.1967
	г. Курчатов (бывший Семипалатинский ядерный полигон, около г. Семей в Северо-Восточном Казахстане)	ИВГ-1М	60 МВт	раб. (30.11.1998)	01.01.1972
		ВВР-М	10 МВт	раб. (11.01.1991)	01.01.1961
Латвия	г. Саласпилс	ИРТ	5 МВт	остановлен 19.06.1998	26.09.1961
Ливия	г. Таджура (Ядерный исследовательский центр)	ИРТ	10 МВт	раб. (15.10.2002)	28.08.1981
Польша	Варшава	ВВР-М	10 МВт	остановлен 24.02.1995	14.06.1958
	г. Сверке (Институт атомной энергии)	Мария	30 МВт	раб. (29.08.2002)	18.12.1974
Румыния	г. Питешти (Национальный институт физики и ядерной энергии)	ВВР-С	2 МВт	остановлен 01.12.1997	01.07.1957
Украина	Киев (Институт ядерных исследований)	ВВР-М	10 МВт	раб. (01.10.2002)	02.12.1960
	г. Севастополь (юг Украины, побережье Черного моря)	ИР-100	0,2 МВт	остановлен 04.01.1995	18.04.1967
Узбекистан	г. Улугбек (Институт ядерной физики)	ВВР-СМ	10 МВт	раб. (08.03.2000)	10.09.1959
Вьетнам	г. Далат (Ядерный исследовательский институт)	ИРТ	0,5 МВт	раб. (16.10.2002)	26.02.1963
Сербия и Черногория	Белград (Институт ядерных наук «Винча»)	ТВР-С	6,5 МВт	остановлен 01.08.1984	28.12.1959

В рамках этой программы США начали предоставлять финансирование для вывоза в Россию топлива исследовательских реакторов на основе ВОУ. По оценкам Росатома, количество ВОУ, которое необходимо вывезти, составляет порядка 500 кг²⁰. Россия и Соединенные Штаты пришли к соглашению о стоимости перевозок в конце 2001 г., а 7 ноября 2003 г. в Вашингтоне тогдашний министр энергетики Соединенных Штатов С. Абрахам и министр по атомной энергии РФ А.Ю. Румянцев подписали совместное заявление, в котором объявили об окончании подготовки двухстороннего межправительственного соглашения о программе ВТИР РФ²¹.

«В большинстве исследовательских реакторов применяется такое топливо, которое может быть использовано террористами для совершения крупных терактов. Мы хотим в самом начале исключить возможность, чтобы такие опасные материалы попали в их руки», – отметил российский министр при подписании совместного заявления²². Вывезенные материалы будут переработаны в России и использованы в качестве топлива на АЭС. Радиоактивные отходы будут остеклованы и захоронены в хранилищах.

27 мая 2004 г. тогдашние глава федерального агентства по атомной энергии РФ А.Ю. Румянцев и министр энергетики США С. Абрахам подписали двухстороннее межправительственное соглашение (полное название – «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве по ввозу в Российскую Федерацию ядерного топлива исследовательских реакторов, произведенного в Российской Федерации») по программе ВТИР РФ²³.

Общая стоимость американской программы по возврату американского и российского ядерного топлива, а также конверсии реакторов составляет около 450 млн долл. Для завершения программы ВТИР РФ, по подсчетам Министерства энергетики США потребуются около 100 млн долл. Эти затраты включают в себя стоимость возврата ОЯТ, содержащего ВОУ²⁴.

Из вышеупомянутых 17 стран, обладающих топливом на основе ВОУ российского производства, участвующих в реализации программы, 14 выразили свою заинтересованность в возврате топлива. В их число входят: Белоруссия, Болгария, Венгрия, Вьетнам, Германия, Казахстан, Латвия, Польша, Румыния, Сербия и Черногория, Узбекистан, Украина, Чехия. Две страны – Германия и Румыния – имеют на своей территории ВОУ-топливо как российского производства, так и американского²⁵.

Маловероятно, что в обозримой перспективе три страны – Китай, Египет и КНДР, обладающие российским ядерным топливом, присоединятся к программе. Китай как ядерная держава вряд ли согласится принять участие в содействии подобной российско-американской программе. Египет обладает низкообогащенным топливом, не представляющим особой угрозы с точки зрения нераспространения. Северная Корея – не планирует вывоз со всей территории ядерных материалов ранее юридического закрепления разрешения кризиса на Корейском полуострове²⁶. Вместе с тем, в связи с подвижками в ходе шестисторонних переговоров нельзя обойтись без включения конверсии реактора в пакетное решение проблемы ядерной программы Пхеньяна.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГРАММЫ ВТИР РФ

В соответствии с соглашением от мая 2004 г., финансирование перевозок топлива взяла на себя американская сторона, однако там же, в соглашении, отдельно оговорено, что стороны будут стремиться к «получению от государств-членов МАГАТЭ финансовой и технической поддержки». Соглашение вступило в силу в день подписания (27 мая 2004 г.) и будет оставаться в силе 10 лет, то есть до мая 2014 г., после чего остается возможность его продления.

В соответствии с данным документом Россия разрешает ввоз на свою территорию ТВС и ядерных материалов при условии, если они передаются России безвозмездно, а все затраты берет на себя США, страна-владелец или третья сторона. Кроме того, ввоз ядерного топлива должен осуществляться «в соответствии с законодательством РФ в области использования атомной энергии и охраны окружающей среды» (имеются в виду «Положение о ввозе в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов»²⁷ и федеральные законы «Об использовании атомной энергии», «Об охране окружающей среды» и др.). После ввоза в Россию топливо исследовательских реакторов будет отправлено для переработки в Научно-исследовательский институт атомных реакторов (НИИАР) в г. Димитровграде или на Новосибирский завод химических концентратов.

Соединенные Штаты предоставляют финансирование под положения программы ВТИР РФ, основываясь на следующих критериях:

- Данная программа должна включать только существующие реакторы российского производства, построенные на территориях других стран, которые используют российское топливо.
- Любая страна, желающая вернуть топливо в Россию, должна принять одно из двух условий: либо переоборудовать свои исследовательские реакторы, использующие топливо российского производства, на работу с НОУ топливом; либо остановить реакторы.
- Финансирование выделяется в первую очередь для эвакуации топлива, содержащего уран наибольшего обогащения.

- Все ядерное топливо, доставляемое в Россию в рамках программы, должно регулироваться в соответствии с соглашением о всеобъемлющих гарантиях (INCIRC/153) и рекомендациями МАГАТЭ по физической защите ядерных материалов и установок (INCIRC/225/Rev.4)²⁸.

Россия взяла на себя обязательства: обеспечить физическую защиту, учет и контроль ввезенного топлива в соответствии со стандартами МАГАТЭ; не обогащать уран из ввезенного топлива и не использовать его в каких-либо военных программах; а также не экспортировать это топливо и любой материал, из него полученный. Эти обязательства нельзя отменить даже в случае расторжения всего соглашения²⁹.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОГРАММЫ

Сербия и Черногория

В августе 2002 г., еще до формального введения в действие трехсторонней инициативы, из Белграда (Сербия и Черногория) было вывезено 5 046 блочков (общий вес составляет более 817 кг) свежего ВОУ-топлива весом в 48 кг, обогащенного до 80%³⁰. Топливо находилось в Сербии и Черногории с начала 1980-х гг. и не использовалось в связи с остановкой в 1984 г. реактора типа ТВР-С³¹. По оценкам некоторых экспертов, содержащийся в топливе уран был пригоден для производства двух с половиной ядерных зарядов.

Операцию финансировала частная американская организация «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», основанная на средства известного медиамагната Т. Тернера, которая выделила на проведение операции 5 млн. долл.³². Сумма включала в себя затраты на транспортировку, а также разубоживание ядерных материалов, содержащихся в топливе. Организационная поддержка операции осуществлялась Государственным департаментом США. Топливо было размещено на предприятии Росатома в г. Димитровграде³³.

Румыния

21 сентября 2003 г. Россия и США провели совместную операцию по вывозу из Румынии 14 кг ВОУ (приблизительно одна треть обогащена до 80%, а остальное – до 36%) российского производства (50 тепловыделяющих сборок и 150 отдельных тепловыделяющих элементов), достаточного для создания взрывного устройства³⁴. Транспортировка ВОУ осуществлялась на грузовом самолете Ил-76. Материал был отправлен в Новосибирский завод химических концентратов для разубоживания топлива³⁵.

ВОУ-топливо первоначально было поставлено в Румынию СССР для исследовательского реактора советского производства ВВР-С, расположенного в г. Питешти, вблизи Бухареста. Этот реактор был остановлен в декабре 1997 г.³⁶.

Операция по вывозу румынского урана в Россию готовилась несколько месяцев с участием американских и российских специалистов, а также экспертов МАГАТЭ. На проведение операции Министерство энергетики США выделило 400 тыс. долл., назвав акцию «ключевым шагом» в деле устранения террористической угрозы, которая может быть связана с небрежным хранением ядерных материалов³⁷. В рамках операции Соединенные Штаты обязались помочь Румынии осуществить конверсию исследовательского реактора для использования НОУ в качестве ядерного топлива³⁸.

Болгария

В декабре 2003 г. из хранилища ранее остановленного болгарского исследовательского реактора в г. Горна-Оряховица было вывезено в г. Димитровград 28 тепловыделяю-

щих сборок (общий вес 96 кг), содержащих около 17 кг свежего ВОУ (обогащение до 36%)³⁹. Стоимость работ составила 400 тыс. долл.⁴⁰.

Ливия

В марте 2004 г. было вывезено 18 кг (обогащение до 80%) свежего ВОУ (88 тепловыделяющих сборок) из ливийского ядерного исследовательского центра «Таджура»⁴¹.

Вывезенная из Ливии в Россию партия ядерного топлива на основе ВОУ отправлена на переработку в НИИ в г. Димитровград⁴².

«В НИИ Димитровграда топливо, вывезенное из Ливии, будет переработано в НОУ-топливо, которое можно использовать в дальнейшем для работы исследовательских реакторов института», – заявил начальник управления по информационной политике Минатома (ныне – Росатома) РФ Н.Э. Шингарев⁴³.

Следующим этапом работ в Ливии должен стать перевод реактора «Таджура» на НОУ-топливо, а также вывоз в Россию ОЯТ с этого реактора.

Узбекистан

10 сентября 2004 г. российские и американские специалисты успешно осуществили операцию по вывозу из Узбекистана на территорию РФ 11 кг свежего ВОУ-топлива.

Контейнеры с топливными ядерными сборками были возвращены с научно-исследовательского реактора ВВР-СМ в местечке Улугбек, расположенного вблизи Ташкента. Операция проходила под контролем инспекторов МАГАТЭ. Узбекский реактор будет переоборудован под использование топлива на основе НОУ, а специальный груз был доставлен в НИИ атомных реакторов в г. Димитровград⁴⁴.

Следующим этапом операции станет вывоз отработавшего ядерного топлива из Узбекистана. По заявлению министра энергетики США С. Бодмена, сделанному 7 ноября 2005 г. в ходе его выступления на международной конференции по нераспространению, организованной Фондом Карнеги, «мы заканчиваем организационные мероприятия с нашими российскими коллегами по возврату первой партии ОЯТ на основе ВОУ российского происхождения из Узбекистана»⁴⁵. Примечательно, что заявление высокопоставленного чиновника администрации США совпало по времени с обострением двухсторонних отношений между Узбекистаном и США, вызванным критикой последними реакции узбекских властей на волнения в Андижане, а также последовавшим ответом Узбекистана с требованием о выводе американских баз с узбекской территории. Заявление С. Бодмена, тем не менее, подчеркивает стремление США продолжать программы, направленные на решение неотложных проблем безопасности, несмотря на некоторые моменты в текущей конъюнктуре взаимоотношений между странами.

Латвия

25 мая 2005 г. был осуществлен вывоз в Россию свежего ВОУ-топлива с исследовательского реактора, расположенного в латвийском г. Саласпилс под Ригой. Всего было вывезено около 2,5 кг (90% обогащения по урану-235) свежего топлива в виде топливных сборок и стержней. Мероприятие проходило с участием российских, американских и латвийских специалистов в режиме повышенной секретности. В ходе операции сборки и стержни были укомплектованы в специальные защитные контейнеры и погружены на российский самолет.

Топливо было доставлено в г. Подольск Московской области на предприятие ФГУП НИИ НПО «Луч», где пройдет процедуру обеднения, а затем будет направлено на изготовление тепловыделяющих сборок энергетических реакторов.

Чехия

В декабре 2004 г. российские и американские специалисты успешно осуществили совместную операцию по вывозу 6 кг свежего ВОУ-топлива из Чехии в г. Димитровград⁴⁶.

ВОУ был вывезен с научно-исследовательского реактора, созданного советскими специалистами неподалеку от Праги.

27 сентября 2005 г. был осуществлен вывоз 14 кг ВОУ с территории Чешского технического университета в НИИАР (Димитровград), а 4 ноября 2005 г. Национальная администрация по ядерной безопасности США сообщила, что процесс конверсии реактора на использование НОУ-топлива был успешно завершен, что сделало его первым исследовательским реактором советского/российского производства, построенным за рубежом и прошедшим этот процесс⁴⁷.

Выступая по этому случаю, руководитель Национальной администрации США по ядерной безопасности Л. Брукс отметил: «Чехия находится на переднем крае международных усилий по уменьшению ядерной угрозы и является первой страной, подвергнувшей конверсии реактор советского производства, и ей необходимо воздать должное за проявление лидерства во благо международной безопасности»⁴⁸.

Таблица 2

Вывоз ВОУ в Россию⁴⁹

Страна	Дата отправки	Количество, кг	Итог
Сербия и Черногория	Август 2002	48	На хранении в Димитровграде. Переработано в НОУ весной 2005 г.
Румыния	Сентябрь 2003	14	На хранении в Новосибирске. Сроки переработки в НОУ не определены.
Болгария	Декабрь 2003	17	На хранении в Димитровграде. Сроки переработки в НОУ не определены.
Ливия	Март 2004	18	На хранении в Димитровграде. Сроки переработки в НОУ не определены.
Узбекистан	Сентябрь 2004	11	На хранении в Димитровграде. Сроки переработки в НОУ не определены.
Латвия	Май 2005	2,5	На хранении в НПО «Луч».
Чехия	Декабрь 2004 Сентябрь 2005	14 6	На хранении в Димитровграде. Сроки переработки в НОУ не определены. Проведена конверсия реактора для использования НОУ.

ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

По состоянию на ноябрь 2005 г. было проведено в общей сложности 8 вывозов топлива на основе ВОУ. Общее количество вывезенного материала составило 122 кг⁵⁰. В настоящее время прорабатывается процедура возврата свежего ВОУ-топлива исследовательских реакторов Украины, Казахстана, Белоруссии, а также вывоз высокообогащенного ОЯТ из Узбекистана и Сербии и Черногории. В дальнейшем, начиная с 2006 г., вывозиться в Россию будет ОЯТ на основе ВОУ.

Согласно планам, намеченным при создании программы, свежее ВОУ-топливо российского происхождения, пригодное для производства ядерного оружия, к концу 2005 г. должно быть возвращено обратно в Россию и переработано. Кроме того, действующие исследовательские реакторы в дальнейшем будут модернизированы для использования в них ядерного топлива с ураном меньшей степени обогащения. К 2010 г. предпола-

гается возвратить в Россию и затем переработать ОЯТ на основе ВОУ исследовательских реакторов⁵¹.

Первоначально завершить программу по вывозу топлива с исследовательских реакторов предполагалось к 2014 г. (окончание срока действия двухстороннего межправительственного соглашения), но в связи с нарастающей угрозой терроризма сроки были сокращены на 4 года за счет планового увеличения финансирования со стороны США на 30 млн долл.⁵²

Возвращенное в Россию ВОУ-топливо предполагается обеднить по урану-235, а затем направить на действующие АЭС. В октябре 2004 г. Министерством энергетики США был подписан контракт с Димитровградом по понижению обогащения ВОУ-топлива из Сербии и Черногории и также были обговорены контракты по обеднению топлива, поставленного из Болгарии, Ливии и Узбекистана. Топливо, вывезенное из Сербии и Черногории, по контракту прошло процедуру обеднения весной 2005 г.⁵³

Существуют некоторые трудности по дальнейшему исполнению программы. В процессе реализации программы выяснилось, что некоторые страны, обладающие топливом российского производства, вначале выразили поддержку программе ВТИР РФ, но по тем или иным причинам затягивают процесс реализации программы. Так, судя по официальным заявлениям Министерства энергетики США, оно испытывает трудности в ведении переговоров по программе ВТИР РФ с Белоруссией и Казахстаном. Российские официальные лица также подтверждают определенные трудности в общении с руководством Белоруссии о возврате свежего ВОУ-топлива в Россию⁵⁴.

ВЫВОДЫ

Программа ВТИР РФ играет заметную роль в деле сокращения запасов ядерных материалов, пригодных для создания ядерного оружия, способствуя скорейшему вывозу свежего ядерного топлива на основе ВОУ и ОЯТ из стран Восточной Европы, СНГ, Юго-Восточной Азии и ближневосточных стран, тем самым перекрывая возможности хищения этих материалов.

В качестве потенциальных партнеров России и Соединенных Штатов по ВТИР РФ можно рассматривать некоторые страны Восточной Европы и Юго-Восточной Азии, которые не только имеют ВОУ и ОЯТ, но и сами способны оплатить его вывоз в Россию⁵⁵. Требуется сотрудничество Украины и Белоруссии, так как на их территории находятся весьма значительные количества ВОУ, а также Узбекистана, имеющего некоторое количество ВОУ⁵⁶. Также предполагается содействие остальных из 17 стран, имеющих на своей территории ВОУ советского или российского производства.

Важно отметить, что программа ВТИР РФ тесно связана с обсуждавшейся выше программой снижения степени обогащения топлива исследовательских реакторов СОТИР. Дело в том, что необходимым условием вывоза ядерных материалов, содержащих ВОУ, является согласие владельцев этих реакторов перевести их на использование НОУ, как только появится такая возможность. Но программы конверсии реакторов и возврата ВОУ имеют один существенный недостаток: они не обеспечивают достаточных стимулов для владельцев реакторов возвращать ядерные материалы и переводить установки на использование НОУ.

На данный момент программа ВТИР РФ реализуется в рамках программы «Global Threat Reduction Initiative» (Инициатива «Глобальное сокращение угрозы», ГИСУ), предназначенной для обеспечения безопасности ядерных материалов, и прежде всего свежего ядерного топлива и ОЯТ на основе ВОУ.

Очевидно, что процесс реализации программы ВТИР РФ можно расценивать как успех российско-американского сотрудничества в деле оказания содействия различным странам в области нераспространения и разоружения, которые были начаты сразу после распада Советского Союза программой Нанна–Лугара, а затем продолжены Глобальным партнерством «Большой восьмерки».

Успешное продолжение программы ВТИР РФ подразумевает участие не только Соединенных Штатов, России и МАГАТЭ, но также других стран мира, ведь целью этой программы является обеспечение безопасности ядерных материалов по всему миру. Так, крайне важным представляется вовлечь в данную программу Китай, который ранее поставлял исследовательские реакторы в ряд стран, в том числе в страны, включенные в список «государств, вызывающих обеспокоенность».

Примечания

¹ Высокообогащенный уран (ВОУ) – уран, содержащий 20 или более процентов U-235. Соответственно, низкообогащенный уран (НОУ) – уран, содержащий менее 20 % U-235.

² См., например: Bunn George, Braun Chaim, Glaser Alexander, Lyman Edward, Steinhauser Fritz . Research Reactor Vulnerability to Sabotage by Terrorists. *Science and Global Security*. 2003, V. 11, № 2-3. P. 85–107. (полный текст статьи доступен в Интернете по адресу: http://iis-db.stanford.edu/pubs/20365/11_2-3_Bunn.pdf)

³ Система учета и контроля ядерных материалов (УиК ЯМ) предназначена для выполнения следующих задач:

- определение имеющегося в наличии количества ядерных материалов в местах их нахождения;
- составление, регистрация и ведение учетных и отчетных документов;
- предупреждение и предотвращение потерь, несанкционированного использования и хищения ядерных материалов;
- предоставление органам исполнительной власти информации о наличии и перемещении ядерных материалов, а также об их экспорте и импорте;
- обеспечение контроля над соблюдением международных обязательств в области нераспространения ядерного оружия.

⁴ Mohamed ElBaradei. Nuclear Non-Proliferation: Global Security In A Rapidly Changing World. Keynote Address for the Carnegie International Non-Proliferation Conference. Washington, D.C. 2004, 21 June.

<http://www.iaea.org/NewsCenter/Statements/2004/ebsp2004n004.html>

Официальные данные Министерства энергетики США упоминают 161 работающий реактор. Подробнее об этом см.: Nuclear Nonproliferation: DOE Needs to Take Action to Further Reduce the Use of Weapons-Usable Uranium in Civilian Research Reactors. United States Government Accountability Office. Report GAO-04-807. 2004, July 30. P.7.

<http://www.gao.gov/cgi-bin/getrpt?GAO-04-807>

Исследователи из Аргоннской национальной лаборатории говорят о 250 исследовательских реакторах, работающих по всему миру, «примерно половина» которых использует ВОУ. Подробнее об этом см.: Armando Travelli. The Reduced Enrichment for Research and Test Reactors (RERTR) Program. UCS Summer Simposium, Beijing. 2004, July 24.

По словам М. Банна, эксперта по ядерному нераспространению Гарвардского университета, «на сегодняшний день в общей сложности в 40 странах мира есть более 130 ядерных исследовательских реакторов, на которых хранится высокообогащенный уран, и это представляет серьезную угрозу в связи с возможностью его хищений». «Высокообогащенный уран – легчайший для террористов способ создать ядерную бомбу», – подчеркивает М.Банн. Подробнее об этом см.: Bunn Matthew, Wier Anthony. Securing the Bomb. An Agenda for Action. Washington, D.C.: Nuclear Threat Initiative and Project on Managing the Atom. Harvard University, 2004, May. P. 36.

⁵ Russian Research Reactor Fuel Return (RRRFR). US National Nuclear Security Administration, 2004. <http://www.nnsa.doe.gov/na-20/rrrfr.shtml>

⁶ Albright David, Berkhout Frans, and Walker William. Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996: World Inventories, Capabilities and Policies. Oxford, UK: Oxford University Press for Stockholm International Peace Research Institute, 1997. P. 239–240

⁷ Отработавшее ядерное топливо (ОЯТ) – это стержни, содержащие в себе продукты распада ядерного топлива: изотопы урана и других делящихся элементов. В данном случае (для исследовательских реакторов) не следует делать большого различия между свежим реакторным топливом на основе ВОУ и им же, но уже облученным в реакторе. Во-первых, в ОЯТ исследовательских реакторов содержится достаточно ВОУ для использования в ядерном взрывном устройстве после несложной химической обработки. Во-вторых, в отличие от энергетических реакторов такое ОЯТ может и не являться «самозащищенным» от распространения собственной радиоактивностью, которая сравнительно невелика, и потому может быть похищено и переработано. Подробнее об этом см.: Bunn Matthew, Wier Anthony. *Securing the Bomb. An Agenda for Action*. Washington, D.C.: Nuclear Threat Initiative and Project on Managing the Atom. Harvard University, 2004, May. P. 37.

⁸ Remarks prepared for Energy Secretary Spencer Abraham. US Department of Energy. 2004, May 26. http://www.doe.gov/engine/content.do?PUBLIC_ID=15949&BT_CODE=PR_SPEECHES&TT_CODE=PR_ESSSPEECH

⁹ Dedik Trisha, Bolshinsky Igor. Russian Research Reactor Fuel Return Program starts shipping fuel to Russia. US DOE/NNSA. 2003, October 5–10. P. 2. <http://www.rertr.anl.gov/RERTR25/PDF/Dedik.pdf>

¹⁰ Программа снижения обогащения топлива исследовательских реакторов (СОТИР). Английская аббревиатура названия программы – RERTR (Reduced Enrichment for Research and Test Reactor).

¹¹ Reduced Enrichment for Research and Test Reactors. US National Nuclear Security Administration, 2004. <http://www.nnsa.doe.gov/na-20/rertr.shtml>

¹² Программа по вывозу облученного и свежего ядерного топлива на основе ВОУ с исследовательских реакторов американского производства (ВТИР). Английская аббревиатура названия программы – FRR SNF (U.S. Foreign Research Reactor Spent Nuclear Fuel Acceptance Program).

¹³ Dedik Trisha, Bolshinsky Igor. Op. cit. P. 2.

¹⁴ Bunn Matthew, Wier Anthony. Op. cit. P. 57.

¹⁵ Dedik Trisha, Bolshinsky Igor. Op. cit. P. 2.

¹⁶ Программа по вывозу облученного и свежего ядерного топлива на основе ВОУ с исследовательских реакторов советского производства (ВТИР РФ). Английская аббревиатура названия программы – RRRFR (Russian Research Reactor Fuel Return Program).

¹⁷ Dedik Trisha, Bolshinsky Igor. Op. cit. P. 1.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ База данных МАГАТЭ по исследовательским реакторам мира. <http://www.iaea.org/worldatom/rtrdb>

Ядерное нераспространение: Учебное пособие. В двух томах / Под общ. ред. Орлова В.А. 2-е издание. М.: ПИР-Центр, 2002; Wolfsthal Jon Brook, Chuen Cristina-Astrid, Daughtry Emily Ewell. *Nuclear Status Report. Nuclear Weapons, Fissile Material, and Export Controls in the Former Soviet Union*. Carnegie Endowment for International Peace, 2001.

²⁰ Weapons-grade uranium won't get into terrorists' hands. *ITAR-TASS*. 2004, May 27.

²¹ США и Россия о возвращении российского топлива для ядерных реакторов исследовательского назначения. Бюро международных информационных программ Государственного департамента США. 2003, 10 ноября. <http://usinfo.state.gov/ruski/topics/sec/2003-11-10is-fuel.htm>

²² Опасаясь террористов, Россия и США договорились о вывозе отработавшего ядерного топлива из стран СНГ и бывшего социалистического лагеря. *Челябинский Рабочий*. 2003, 11 ноября.

<http://www.chrab.chel.su/archive/11-11-03/2/A122619.DOC.html>

²³ Филиппова Валентина. О подписании межправительственного российско-американского соглашения о сотрудничестве в вывозе в Россию топлива исследовательских реакторов российского производства. Минатом.Ру. 2004, 27 мая. http://old.minatom.ru/about/2004/05_27_1.htm

²⁴ Weapons-grade uranium won't get into terrorists' hands. *ITAR-TASS*. 2004, May 27.

²⁵ DOE Needs to Consider Options to Accelerate the Return of Weapons-Usable Uranium from Other Countries to the United States and Russia. GAO-05-57 Nuclear Nonproliferation. 2004, November.

²⁶ Ibid.

²⁷ См. Постановление Правительства РФ от 11 июля 2003 г. N 418. «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов». Официальный сайт Правительства РФ. <http://nra-gov.garweb.ru:8080/public/default.asp?no=12031764>

²⁸ Dedik Trisha, Bolshinsky Igor. Op. cit. P.3.

²⁹ Ibid.

³⁰ Россия вернет из Европы свои радиоактивные материалы на американские деньги. *Время новостей*. 2004, 28 мая.

³¹ Скосырев Владимир. Их уран стал нашим. *Время-МН*. 2002, 24 августа; Кирсанов Дмитрий. Российско-американская операция по вывозу из Югославии ядерного топлива являлась частью масштабной программы по борьбе с терроризмом. *ИТАР-ТАСС*. 2002, 24 августа.

³² Warrick Joby. Risky Stash of Uranium Secured, U.S., Russia Remove Weapons-Grade Nuclear Materials from Yugoslavia. *Washington Post*. 2002, August 23. P.A01.

³³ Кирсанов Дмитрий. Российско-американская операция по вывозу из Югославии ядерного топлива являлась частью масштабной программы по борьбе с терроризмом. *ИТАР-ТАСС*. 2002, 24 августа.

³⁴ IAEA, Russia, U.S. assist Romania to remove fresh reactor fuel. *World Atom*. 2003, September 22.

³⁵ Голиков Юрий. Ядерное топливо из Румынии. *Новости в Новосибирске*. 2003, 25 августа. <http://www.nnews.ru/2003/9/25/city/692.php3>

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Weapons-Grade Material Curtailed. IAEA, U.S., Russia Assist Romania to Remove Fresh HEU Research Reactor Fuel. *IAEA Staff Report*. 2003, 22 September. www.iaea.org/NewsCenter/News/2003/weapons20030922.html

³⁹ U.S.–Russian Team Removes Uranium from Bulgarian Reactor. *New York Times*. 2003, December 25. P.A-6; Removal of High-Enriched Uranium: IAEA, USA, Russia Assist Bulgaria in Removal of HEU Fuel. *IAEA Staff Report*. 2003, December 24.

⁴⁰ Над Россией пронесли 17 килограммов урана. *Gazeta.ru*. 2003, 24 декабря.

⁴¹ Libya sends Tajura HEU to Russia, prepares to convert reactor to LEU Nuclear Fuel. *Nuclear Fuel*. 2004, March 15. P.4.

⁴² Ядерное топливо из Ливии поступило в димитровградский НИИАР (Ульяновская область). *ИА Regnum*. 2004, 2 апреля; Отработавшее ядерное топливо из Румынии ввезено для переработки в Новосибирске. *ИА Regnum*. 2003, 23 сентября.

⁴³ Там же.

⁴⁴ США сообщили о тайном вывозе урана из Узбекистана в Россию. *Gazeta.ru*. 2004, 15 сентября. http://www.gazeta.ru/lenta/2004/09/14/news_171814.shtml

⁴⁵ Полный текст выступления доступен на сайте Министерства энергетики США.

⁴⁶ Российские и американские специалисты вывезли из Чехии в Россию около 6 кг высокообогащенного урана. *ИТАР-ТАСС*. 2004, 23 декабря.

⁴⁷ NNSA Press Release. NNSA Completes Czech Research Reactor Conversion. 2005, November 4.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ DOE Needs to Consider Options to Accelerate the Return of Weapons-Usable Uranium from Other Countries to the United States and Russia. GAO-05-57 Nuclear Nonproliferation. 2004, November.

⁵⁰ NNSA Press Release. NNSA Completes Czech Research Reactor Conversion. 2005, November 4.

⁵¹ Россия и США подписали соглашение о сотрудничестве в вывозе в РФ топлива исследовательских реакторов. *РИА Новости*. 2004, 27 мая.

⁵² DOE Needs to Take Action to Further Reduce the Use of Weapons-Usable Uranium in Civilian Research Reactors. GAO-04-807 Nuclear Nonproliferation. 2004, July.

⁵³ GAO-05-57 Nuclear Nonproliferation. Op. cit. P.14

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Sully Melanie. US Energy Secretary to Visit IAEA Headquarters. *Voice of America*. 2004, May 15.

⁵⁶ Jacobs Timothy. Latvian nuclear reactor to be decommissioned with US funds. *Associated Press*. 2004, June 2.

После окончания Второй мировой войны Советский Союз стал готовиться воевать со всем миром сразу. И для этого требовались огромные ресурсы. Советское руководство понимало, что новая война потребует гигантских запасов оружия. Но гигантские арсеналы – не главное преимущество в будущей войне. Победа в войне укрепила уверенность советского руководства в том, что накопление значительных запасов вооружений и военной техники должны подкрепляться высокой мобилизационной готовностью страны. СССР мог полагаться только на собственные силы, поставки из-за рубежа исключал образованный западными странами контролирующий орган – КОКОМ.

9 февраля 1946 г. И.В. Сталин произнес речь, на многие годы определившую развитие советской экономики: «Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 млн т чугуна, до 60 млн т стали, до 500 млн т угля, до 60 млн т нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей».

Огромные запасы оружия плюс готовность быстро перестроить промышленность на военный лад – вот секрет будущих военных успехов, который тщательно прятала от посторонних глаз экономика СССР.

Бывшие советские студенты помнят колоссальное количество удобрений, вывозимое на сельские поля. Даже советские агрономы не знали, что фабрики по производству удобрений строились и поддерживались в действующем состоянии в первую очередь в качестве резервной базы для боеприпасной промышленности¹.

Прошло почти полтора десятилетия с тех пор как не стало Советского Союза, но советские секреты все еще скрывают от любопытствующих объемы стрелкового оружия, приготовленного великой страной для великой войны.

В советское время наша страна, наконец, вышла на лидирующие позиции в мире по производству стрелкового оружия: отечественные образцы были признаны лучшими. Широкая география экспорта советского стрелкового оружия обогатила национальные языки братских народов: слово «калаш» на пушту стало означать автомат, а сирийскую речь украсило слово «арбижи» – ручной противотанковый гранатомет РПГ.

Основные производства легкого и стрелкового оружия в России исторически расположились в трех оружейных центрах: Ижевске, Коврове и Туле. На долю Ижевска приходилось 85% всего выпускаемого стрелкового оружия. Переносные зенитно-ракетные и комплексы производились и производятся в Коломне и Коврове, в Туле делаются противотанковые комплексы². Сегодня уровень загрузки оборонных предприятий России в среднем не превышает 20% (а на заводах, выпускающих боеприпасы, так и вообще 7%)³.

Количество легкого и стрелкового оружия, которым обладал СССР, остается тайной за семью печатями. Наверное, эта цифра может сказать слишком много о потенциальных возможностях россиян в случае новой войны. Однако планы утилизации избыточных и устаревших вооружений способны дать любознательному исследователю некоторое представление о том, какие запасы оружия получила в наследство от СССР Россия.

Эксперты считают, что в ближайшие годы только количество стрелкового оружия, подлежащего утилизации, может составить более 10 млн единиц. Также в предстоящие пять лет должны быть утилизированы более 5 млрд штук артиллерийских снарядов, десятки миллиардов патронов.

Из многочисленных российских производителей ЛСО только Конструкторское бюро приборостроения (Тула) и Конструкторское бюро машиностроения (Коломна) имеют право самостоятельно экспортировать свою оборонную продукцию. Все остальные производители общаются с внешним рынком через государственного посредника «Рособоронэкспорт»⁴.

НЕЛАДНО ЧТО-ТО В ДАТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

*В нас стреляют в упор из винтовок,
из старых обрезков,
И не могут порой ни жилеты,
ни каски спасти.
Но спешим мы сюда,
потому что нужны дозарезу,
Чтобы жизнь защитить
и беду от людей отвести.*

«Афганская» песня

Первые признаки неблагополучия в системе контроля над вооружениями в Советском Союзе стали заметны еще до распада страны – в период вывода групп советских войск из-за рубежа: Германии, Монголии. В зарубежной и даже советской прессе появились статьи о продаже части выводимого имущества в третьи страны. Среди посредников в сделках по продаже оружия мелькали фамилии как лучших людей страны, так и уголовных авторитетов. Это не удивительно, ведь в 1990-х гг. это могли быть одни и те же лица.

Имя последнего главкома Группы советских войск в Германии генерала М.П. Бурлакова с той поры прочно ассоциируется с масштабным дележом советского военного имущества.

Вывод войск из Германии по темпам и спешке походил на бегство. В той обстановке никто не вел речь об инвентаризации и учете выводимых вооружений – эшелоны срочно отправлялись на Восток. Свидетели тех времен по секрету признаются: не то что характер груза в этих эшелонах, даже пункты следования многих из них оказались забыты. Предполагалось, что полная инвентаризация и окончательное складирование будут проводиться на территории СССР по завершении полного вывода войск из Германии. Кто же виноват, что именно в это время гигантская территория Советского Союза стала распадаться на суверенные республики? Огромное армейское хозяйство разваливалось, как снеговик в оттепель, но до него ли было растерянным советским руководителям?⁵

Раздел военного имущества между республиками проходил хаотично и спонтанно, ибо порой было непонятно, кто конкретно является легитимной властью. В конце 1991 г. и в 1992 г. командиры воинских частей зачастую получали одновременно по три взаимоисключающих приказа от вышестоящих штабов – существовавшего тогда так называемого штаба Объединенных вооруженных сил СНГ, Министерства обороны РФ и Министерства обороны республики, на территории которой находилась часть.

Москва, вероятно, усилиями Запада хорошо представляла опасность потери контроля над ядерным оружием. Риск утечки ядерного оружия был велик, и на этом фоне проблемы

ЛСО казались достаточно мелкими, незаметными. Фактически политику в области контроля над ЛСО определяли генералы: иногда своими действиями, а иногда бездействием.

Вот шифротелеграмма, отправленная 20 июня 1992 г. командиром мотострелковой дивизии командующему войсками округа на территории одной из ныне независимых республик: «Доклаживаю, что в 18.30 20 июня 1992 г. ко мне прибыли представители МО республики, местные власти с ультимативным требованием о передаче (приватизации) дивизии, на что я, как командир, согласия не дал без решения вопроса на уровне моего старшего командования и правительства. В 18.50 меня предупредили о возможности блокирования военного и жилого городка силами национальной армии и местным населением. Я неоднократно докладывал о тяжелом положении вокруг дивизии. Я не могу принять решение на открытие огня по народу, хотя у меня лично, подчиненных командиров и личного состава хватило бы мужества «отстоять» дивизию. Когда наконец-то будут принимать решение в верхах для того, чтобы не доводить до подобного своих подчиненных, их семьи, судьбы. Кто же должен нести за это ответственность?»

Через два дня командующему ЗаВО поступила новая отчаянная шифротелеграмма: «Прошу принять решение на вывод дивизии на территорию Российской Федерации. Решение приму лично, помощников ко мне прошу не присылать»⁶.

Кое-где волевым решением командира оружие бралось под жесткий контроль. А.И. Лебедь в Приднестровье приказал складировать ЛСО в пустующих капонирах, а двери в них наглухо заварить.

Черноморский флот провел десантную операцию, в ходе которой вывез часть вооружений из Грузии, а часть уничтожил на месте.

Не обходилось и без перегибов: в 1992 г. в ныне казахстанском порту Актау (ранее Шевченко) на Каспийском море некий капитан третьего ранга затопил часть флотилии, а с оставшейся частью ушел в российскую Астрахань: врагу не сдается наш гордый «Варяг».

Оружие часто становилось инструментом политического влияния, нередко сама его доступность приводила к появлению «горячих точек». Весной 1992 г. на митингах в Душанбе происходила раздача автоматического оружия. Вскоре Таджикистан оказался охваченным гражданской войной.

Чеченское руководство получило от военного руководства СССР в собственность Ичкерии все военное имущество, расположенное на территории республики. Центральный городской рынок Грозного на время стал одним из самых богатых рынков ЛСО в мире.

ЛСО – ЛЕГКИЙ СПОСОБ ОБОГАЩЕНИЯ

*Купить белье нательное?
Да черта ли нам в нем!
Купите огнестрельное –
Направо, за углом.*

*В.С. Высоцкий,
Баллада об оружии*

С роспуском организации Варшавского договора и распадом СССР на мировые рынки оружия выплеснулось гигантское море стрелкового оружия. ЛСО стало источником фантастических обогащений и масштабных афер. Советская система контроля над экспортом вооружений была похоронена, а на ее обломках возникали оружейные лавочки, закреплявшие личные интересы занявших кабинеты чиновников и их небескорыстных помощников вполне государственными печатями. Все независимые республики в период болезни роста прошли через череду оружейных скандалов, заканчивавшихся публикациями в газетах, а иногда – тюрьмой, убийствами или даже международным кризисом.

Это была болезнь роста молодых демократий. Не избежала скандальных историй, связанных с торговлей оружием, и Россия. Как обычно бывает, дурная слава бежит далеко

вперед, и в мире сформировалось мнение, что Россия стала активным игроком на оружейном «черном» рынке. В 1999 г. госсекретарь США М. Олбрайт даже назвала нашу страну «международным супермаркетом оружия».

Однако уже на протяжении шести-семи лет российский экспорт вооружений находится под жестким контролем государства. Частный оружейный брокеринг запрещен законом, государственная монополия на торговлю оружием не оставляет причин подозревать Россию в нелегальных продажах.

Согласно данным исследовательской службы Конгресса США, экспорт обычных вооружений из России за период с 1996 по 2003 г. составил 26 млрд 200 млн долл. По этому показателю Россия оказалась на четвертом месте, пропустив вперед США (151 млрд 867 млн долл.), Соединенное Королевство (43 млрд долл.) и Францию (30 млрд 200 млн долл.)⁷.

Что касается ЛСО, то в 2001 г. Россия занимала лишь седьмое место по объему экспорта ЛСО (42,2 млн долл.). Ее далеко опередили США (741,4), Италия (298,7), Германия (156,7), Япония (70,3), Канада (53,6) и Соединенное Королевство (44,8)⁸.

По другим данным, в 2001 г. объем российского экспорта ЛСО составлял 100–150 млн долл., в то время как США ежегодно экспортировали легкого вооружения и стрелкового оружия на сумму в 1,2 млрд долл.⁹.

Принято считать, что Россия занимает около 7% мирового рынка ЛСО, общий объем которого оценивается примерно в 3 млрд долл. ежегодно¹⁰.

Официальные лица заявляли, что даже в самые активные времена поставок продукции вооружений и военной техники (во времена Советского Союза) доля поставок легкого и стрелкового оружия не превышала 5 % от общих объемов советского экспорта вооружений¹¹. Основными получателями российских ЛСО являются страны Африки, Азии и государства СНГ¹².

До 2000 г. средний годовой объем поставок стрелкового оружия, средств ближнего боя и боеприпасов к ним составлял: по стрелковому оружию и средствам ближнего боя – 130–150 тыс. единиц; по боеприпасам – 150–200 млн единиц. В денежном выражении объем заявок инозаказчиков оценивался примерно в 100–150 млн долл. США в год. В 2000 г. суммарный объем поставок стрелкового оружия ФГУП «Росвооружение» и ФГУП «Промэкспорт» составил около 80 млн долл. США. Наиболее крупными заказчиками являлись африканские страны, такие, как Эфиопия, Намибия, Кения, и другие. В странах Азии основными покупателями были Индия, Индонезия и Бутан¹³.

Репутацию оружейников России изрядно портят иностранные производители российских видов стрелкового оружия. Более 20 стран производят сегодня клоны автомата «Калашникова», продавая их по миру зачастую за бесценок. Сегодня Китай продает лицензии на производство «Калашниковых» в страны третьего мира. Зачастую китайский или иранский «Калашников» становится оружием бандитов и террористов, а «ластры» поставщика бандитского двора достаются России. Российские власти пытаются разрешить эту большую проблему на международном уровне, но без видимого успеха.

БРЕМЯ ЛИШНИХ СТВОЛОВ

*Прощай, оружие!
Чтоб не было, не было войн.
Скажи: прощай, оружие!
Скорей скажи, пока живой.*

*И. Богушевская,
Прощай, оружие!*

Семь лет назад, пожалуй, впервые в истории в России появился термин «избыточные вооружения». Огромные запасы оружия, накопленные для «войны против всех», стали тяжелым бременем для страны и ее вооруженных сил, вынужденных обеспечивать охрану

этого взрывоопасного в буквальном смысле имущества. Огромное количество складов с доисторической системой хранения и охраной в виде невыспавшегося голодного бойца разбросано по обширной территории России. Сегодня это физически устаревшее оружие зачастую представляет угрозу только для собственных граждан страны.

По статистике, 60% криминального оружия попадает на рынок именно с военных складов¹⁴. Хроника происшествий полна сообщений о том, как прапорщик воинской части N пытался продать или продал патроны, взрывчатку, оружие. Случается, большие воинские начальники организуют небольшие криминальные сообщества и крадут по-военному организованно.

С печальной регулярностью можно прочесть об обнаружении очередного тайника или схрона с вооружением. Иностранное оружие – редкий гость в российском нелегальном обороте, да и зачем, когда свое «лучшее в мире» некуда девать?

Официальные цифры о количестве излишков ЛСО в РФ не опубликованы. По неофициальным оценкам, можно говорить о 2 млн единиц, хотя в ближайшем будущем это количество может возрасти до 10–12 млн единиц из-за дальнейшего сокращения российских Вооруженных сил и пересмотра мобилизационных планов¹⁵.

Нельзя сказать, что военное руководство не замечает этой проблемы. Без шумихи, в меру имеющихся средств Минобороны проводит важную работу по ликвидации избыточных вооружений: в период с 1998 по 2001 гг. на арсеналах и базах Министерства обороны Российской Федерации была утилизирована 421 021 единица стрелкового оружия и средств ближнего боя, в том числе в 2000–2001 гг. – 44 000 единиц¹⁶. Кроме того, Министерством внутренних дел Российской Федерации в 2000–2001 гг. из незаконного оборота было изъято 2 482 единицы легкого и стрелкового оружия, из них уничтожено 1 142 единицы, остальное оружие будет утилизировано по мере разрешения уголовных дел¹⁷.

Утилизация оружия требует немалых средств: в июле 2005 г. правительство РФ рассмотрело предложения Минпромэнерго по внесению изменений в проект федеральной целевой программы «Промышленная утилизация вооружения и военной техники (2005–2010 гг.)». Программа оценивается в 2 млрд долл. США.

Согласно программе, утилизации подлежат помимо 500 стратегических, 5 тыс. крылатых и 30 тыс. зенитных ракет, более 1 тыс. летательных аппаратов, а также более 5 млрд штук артиллерийских снарядов, десятки миллиардов патронов¹⁸.

Пока они не ликвидированы, избыточные арсеналы, очевидно, становятся приманкой для криминала и источником нестабильности в регионе, где они расположены. Оружие, с которым СССР планировал похоронить капитализм, сегодня таит в себе угрозу российскому населению: по неосторожности, а возможно, и скрывая следы хищений, арсеналы периодически взлетают на воздух.

Дата	Регион	Потери убитыми	Потери ранеными	Причина взрывов
7 ноября 1997 г.	Владивосток	?	?	не установлена
21 февраля 1998 г.	Волгоград	0	0	не установлена
21 февраля 1998 г.	Энгельс	0	0	не установлена
май 2000 г.	Санкт-Петербург	0	0	не установлена
21 мая 2000 г.	Ванинский район Хабаровского края	1	0	не установлена
22 июня 2001 г.	Сибирское ВО Читинской области	0	0	удар молнии
20 июля 2001 г.	Улан-Удэ	3	более 10	удар молнии
10 июля 2002 г.	Сызрань	0	64	удар молнии
19 августа 2002 г.	Екатеринбург	0	2	не установлена

16 октября 2002 г.	Владивосток	0	0	не установлена
10 июня 2003 г.	Марий Эл	5	0	врыв боеголовки ракеты при утилизации
18 июня 2003 г.	Амурская область	0	0	удар молнии
13 июля 2003 г.	Владивосток	0	27	не установлена
28 июля 2003 г.	Москва	1	0	не установлена
14 августа 2003 г.	Еврейская автономная область	2	5	не установлена
7 декабря 2004 г.	Чечня	0	0	не установлена
7 января 2005 г.	Калининград	0	0	короткое замыкание электрического кабеля

Небрежно хранимое вооружение неизбежно оказывается на «черном» рынке. «Калашников» в России можно приобрести по цене от 700 до 2000 долл., взрывчатка продается по доллару за грамм.

После терактов в Москве власти озаботились и этой проблемой, организовав кампанию по выкупу нелегального оружия у населения. Граждане, добровольно сдавшие незаконно хранившиеся у них оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества, освобождались от уголовной ответственности¹⁹. Организованная, очевидно, для галочки акция тихо провалилась: ведь департамент финансов выделил из бюджетного фонда борьбы с преступностью ... 20 тыс. рублей. За гладкоствольное охотничье оружие ГУВД обещало 10 МРОТ (или 1000 рублей), за пистолет – 500 рублей, 200–300 рублей – за боевую гранату²⁰.

Несколько успешнее подобные акции проводились в Кабардино-Балкарии²¹, Татарстане, на Алтае²², в Курганской области²³. В Татарстане благодаря такой кампании число рассматриваемых в судах уголовных дел по незаконному обороту оружия сократилось почти в три раза²⁴.

Если в 2000 г. такие акции проводились в основном на территории 10 регионов России, то в 2003 г. – уже в 35. За половину 2004 г. люди добровольно принесли в милицию более 34 тыс. стволов. Бывшим владельцам этого арсенала выплачено 1 млн 300 тыс. руб.²⁵. МВД выступает за то, чтобы на федеральном уровне узаконить механизм добровольной сдачи и выкупа оружия и боеприпасов у населения на компенсационной основе.

ГДЕ МОЙ ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ?

*Хороших знаю хуже я –
У них, должно быть, крылья!
С плохими – даже дружен я, –
Они хотят оружия,
Оружия, оружия
Насилья!*

*В.С. Высоцкий,
Баллада об оружии*

Согласно официальным данным, всего в розыске в России в апреле 2005 г. находилось 140 тыс. единиц нелегального оружия. А в незаконном обороте может находиться в 2–3 раза больше. При этом на криминальный рынок в значительном количестве поступает и газовое оружие российского производства, переделанное под боевые патроны. В 2003 г. «в отработке» находилось около 20 тыс. таких стволов²⁶.

Каково происхождение криминального оружия? Можно определить несколько источников происхождения.

Первый канал – поставки оружия из-за рубежа. Нередкие в начале 1990-х гг., в основном из Прибалтики и среднеазиатских республик, сегодня они стали не часты. Вероятно, усилился пограничный контроль, что вселяет некоторый оптимизм. С другой стороны, возможно, что при стабильном внутреннем предложении невелика необходимость в иностранных поступлениях.

В 2001 г. пограничники задержали свыше 200 единиц огнестрельного оружия, более 25 тыс. боеприпасов и около 19,5 т взрывчатых веществ. В 2004 г. Контрольное управление президента РФ выразило недовольство деятельностью погранслужбы РФ. «Не принимаются должных мер по пресечению контрабанды оружия и боеприпасов через госграницу РФ. За проверяемый период органами пограничного контроля изъято только 8 единиц боевого оружия и 5,1 тыс. патронов к стрелковому оружию», – подчеркивается в докладе Управления²⁷.

Второй источник оружия, попадающего на нелегальный рынок, – горячие точки России. В начале 1990-х, в то время, когда в погоне за независимостью бывшие советские республики торопились отнять у России свою часть оружейного наследства, оружие бесследно исчезало и непосредственно на российской земле: в Чечне, а также на территории российских военных баз в Приднестровье.

В Чечне с армейских складов в руки населения попало около 60 тыс. единиц ЛСО. В Приднестровье в 1991 г. похищено более 20 тыс. единиц ЛСО оперативной группировки российских войск²⁸.

Зоны конфликтов на Северном Кавказе сегодня остаются одним из основных источников поступления ЛСО: помимо криминальных структур оружие в Центральную Россию привозят возвращающиеся из командировок милиционеры, омовцы, представители других силовых структур.

В последние годы чеченские боевики нередко совершали нападения на отделения милиции и блокпосты с целью захвата оружия. Разумеется, захваченные стволы немедленно поступают в криминальный оборот.

Третий канал наполнения «черного» рынка оружия – кражи со складов. Как уже упоминалось, более 60 % хищений оружия совершается из мест его постоянного хранения – военными, но также и милиционерами.

Типичный пример: в 2001 г. в Ставрополье милиционеры продали криминальным структурам 15 гранатометов, 576 единиц стрелкового оружия, 378 гранат, около 10 кг взрывчатых веществ, а также 40 тыс. единиц боеприпасов. По показаниям бывшего начальника склада, оружия было очень много, его никто не считал, и хранилось оно так, что любой желающий мог прихватить пару гранат или автоматов. «Об этом хорошо знало милицеевское начальство и в Ставрополе, и в Ростове, и в Москве, – рассказывал он. – Но никому до этого не было никакого дела»²⁹. Подобные случаи не единичны.

Председатель Военной коллегии Верховного суда РФ Н.А. Петухов сообщил, что большая часть оружия, поступающая в криминальный оборот в нашей стране, получена из Вооруженных сил и других войск России. Из армейских подразделений только с 1995 г. по 2002 г. было украдено более 8 тыс. единиц огнестрельного оружия³⁰. Причем в начале XXI века хищения оружия и боеприпасов к ним из армейских складов приобрели угрожающий размах: увеличение числа хищений составило 40%.

«Не прекращаются хищения и утрата оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ», «при проведении инвентаризаций оружия реальное положение дел, выявленные недостатки и нарушения не фиксируются, что создает в данном вопросе видимость благополучия», – указывало в докладе в 2003 г. Контрольное управление Президента РФ.

Сотрудники Контрольного управления Президента РФ оценили работу правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом оружия как «малозффективную». «Не в полном объеме устанавливаются каналы и источники поступления оружия в криминальную среду», – отмечено в докладе³¹.

По мнению представителя Верховного суда, именно похищенное из воинских частей оружие является одним из главных источников роста преступлений, совершенных с применением оружия. По данным Верховного суда, в 2001 г. за подобные преступления, а также за незаконный оборот оружия были осуждены более 26 тыс. человек.

Главный военный прокурор РФ А.Н. Савенков также отмечает, что хищение оружия в Вооруженных силах страны продолжает «оставаться актуальной проблемой».

Среди причин, способствующих хищению оружия, А.Н. Савенков назвал отсутствие надлежащего учета вооружения и военной техники, его несоответствия современным требованиям. Существующий порядок учета, например, стрелкового оружия, был разработан несколько десятилетий назад и устарел, пояснил он. «Практика диктует необходимость создания новой системы мер, направленных на предотвращение таких преступлений, и это больше всего касается современного стрелкового и высокоточного оружия», – подчеркнул генерал³².

Четвертый источник нелегального оружия – незаконное производство. МВД отмечает увеличение количества изъятых самодельных взрывных устройств, их стали больше производить и чаще использовать при совершении преступлений.

За 10 месяцев 2005 г. преступления, связанные с незаконным производством оружия, составили 3 331 случай, что показывает их рост почти на одну четверть по сравнению с предыдущим годом (22,8%)³³.

Увеличилось количество изъятий огнестрельного оружия. Если в 2000 г. было изъято порядка 21 тыс. единиц огнестрельного оружия, то в 2001 г. – уже более 25 тыс.³⁴.

Статистика говорит о том, что удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, то есть с явным нарушением статей Закона «Об оружии», составляет всего 2 % от общего количества преступлений³⁵.

В 2001 г. было зарегистрировано более 65 тыс. таких преступлений, за незаконный оборот оружия осуждено более 26 тыс. человек. По обвинению в незаконном обороте оружия были осуждены 184 военнослужащих³⁶.

В 2002 г. количество преступлений в сфере незаконного оборота оружия превысило 65 тыс.³⁷. В 2003 г. выявлено 54 тыс. преступлений с применением ЛСО, по расследованным уголовным делам в 2003 г. изъято почти 900 кг взрывчатых веществ, 2 тыс. взрывных устройств, свыше 14 тыс. единиц огнестрельного оружия и более 350 тыс. различных боеприпасов³⁸.

Специалисты затрудняются даже оценить объемы нелегального оружия, гуляющего по стране. Оценки количества различаются в разы, и это свидетельствует о масштабе проблемы: российской милиции еще далеко до той идеальной ситуации, когда судьбу каждого конкретного ствола можно будет отследить по его номеру.

ПРОЗРАЧНОЕ ОРУЖИЕ

*Поэтому грозное наше оружие
В музеях висит украшением стен,
И ржавчина точит кремневые ружья –
И, кажется, вскоре источит совсем.*

Песня «Кремневые» ружья»

Во времена СССР количество стрелкового оружия и боеприпасов на складах было страшной тайной советского народа: проклятое буржуинство не должно было догадаться, как славно вооружены наши воины и какой подарок захватчику смогут при случае преподнести советские партизаны и пионеры-подпольщики.

Страшная тайна по наследству досталась и нынешнему поколению россиян: они узнают о российском ЛСО из-за рубежа, а также из догадок и предположений «независимых экспертов».

Возможно, правду лучше действительно скрыть: по оценке некоторых специалистов, у России осталось боеприпасов с неистекшими сроками хранения только на неделю большой войны. Все остальные арсеналы дожидаются, когда настанет их очередь пойти на переплавку.

Древние инструкции берегут как зеницу ока и секреты времен царя Гороха, и сведения о современных продажах ЛСО из России. С этими секретами связан такой курьез.

В ноябре 2000 г. ОБСЕ приняла документ о легком и стрелковом оружии, направленный на поощрение ответственного поведения в отношении передач ЛСО. Российский премьер-министр М.М. Касьянов завизировал постановление, согласно которому Москва предоставляет государствам ОБСЕ подробнейший отчет о своих импортно-экспортных операциях с ЛСО. Это был широкий жест, поскольку документ ОБСЕ имел лишь рамочный, а отнюдь не обязательный характер. Тем не менее с 2002 г. российский МИД передает по дипломатическим каналам всю необходимую информацию в секретариат ОБСЕ, который распространяет ее среди стран-участниц.

Однако даже переданная в международную организацию информация остается закрытой для российских средств массовой информации. Возникает парадокс: чтобы получить нужную фактуру, нужно обращаться на зарубежные сайты³⁹.

Отсутствие официальной информации только прибавляет домыслы и небывлицы в оценках экспертов. Очевидно, что возможности российской промышленности в состоянии покрыть любую потребность России в стрелковом оружии в локальных войнах. Очевидно, что стрелковое оружие потеряло стратегическую значимость в современной крупной войне.

Никто не ждет от государства подробных отчетов о месте расположения и характеристиках вооружений и военной техники, однако нет никакой нужды в сокрытии информации об общем объеме оружейных арсеналов или о количестве уничтоженного оружия⁴⁰.

ФАТАЛИЗМ ПО-РУССКИ

*Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр, –
Томитесь, как наложницы в гареме!
Срок жизни увеличился – и, может быть, концы
Поэтов отодвинулись на время!*

*Владимир Высоцкий,
песня «О фатальных датах и цифрах»*

Российское общество привыкло жить в состоянии стресса. Иногда может показаться, что стресс нужен россиянам не меньше хлеба и зрелищ. За зрелища со стрессом наши граждане готовы платить вдвое дороже.

Случись на египетском курорте теракт или приключись стихийное бедствие на тайском курорте – и туристы всего мира атакуют аэропорты, обостряется любовь к родине. Только наши сограждане демонстрируют здоровый оптимизм – путевки дешевеют, а к терактам россияне относятся как к стихии: неприятность, но, даст Бог, пронесет. Россияне едут отдыхать.

Иностранные беды нас не берут, у граждан России в избытке собственных домашних поводов для беспокойства: например, население катастрофически сокращается, а стоимость жилплощади катастрофически растет.

70 тыс. россиян ежегодно становятся цифрами в графе «пропавшие без вести». 35 тыс. граждан нашей страны каждый год погибают в дорожно-транспортных происшествиях. В 2004 г. остались нераскрытыми 1 млн 246 тыс. преступлений, в том числе 5 635 убийств. Наверное, в стране российских масштабов статистика страшных происшествий обречена иметь ужасающие размеры.

Кого испугают после этого сводки об украденных, потерянных, выкопанных на полях сражений, купленных у военных стреляющих стволов? Это страшилки для детей, для иностранных дипломатов со слабыми нервами. Компетентные органы разберутся, пресекут, накажут провинившихся и отметят отличившихся.

Россияне глухи к гипотетическому горю, им историей с избытком было отмерено беды близкой, как шейный амулет. Но изредка, случается, дотягивается до сознания россиян смысл телевизионных новостей: убит в соседнем дворе из командирского ТТ бизнесмен, сбит в Чечне российской ракетой *Стрела* вертолет, взорван российским тротилом жилой дом, а отряд террористов с арсеналом российского оружия захватил школу.

Отечественное оружие стреляет, не дожидаясь большой войны.

Примечания

¹ Шлыков Виталий. Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика. *Военный Вестник МФИТ*. 2002, № 9, сентябрь.

² Заявление первого заместителя руководителя Российского агентства по обычным вооружениям И.С. Голованова. *Интерфакс*. 2001, 8 августа.

³ Шлыков Виталий. Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика. *Военный Вестник МФИТ*. 2002, № 9, сентябрь.

⁴ Пядушкин Максим. Мировой рынок легких и стрелковых вооружений. *Экспорт Вооружений*. Легкое и стрелковое оружие. Специальный выпуск, 2001.

⁵ Голотюк Ю.В. Проблемы контроля над ЛСО на постсоветском пространстве: опыт последнего десятилетия и ближайшая перспектива. В кн.: Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России (Материалы международного семинара «Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России», 6-7 декабря 2001 г.). М., 2001. С. 18–20.

⁶ Рейтор К.И. Проблемы контроля над распространением стрелкового оружия в Закавказье после распада СССР. В кн.: Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России (Материалы международного семинара «Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России», 6–7 декабря 2001 г.). М., 2001. С. 31.

⁷ По данным исследовательской службы Конгресса, приведенным в Таблице 9с в работе Р.Ф. Гриммета «Передача обычных видов вооружений развивающимся странам, 1996–2003 г.», Доклад исследовательской службы Конгресса от 24 августа 2004 г. С. 83.

⁸ На основе последних совокупных данных сборника «Обзор рынка стрелкового оружия», а также базы данных ООН по международной торговле – «Comtrade». Источник: ежегодник «Обзор рынка стрелкового оружия за 2004 год: права под угрозой», проект Института международных исследований». Женева, изд-во «Oxford University Press», 2004. С. 104.

⁹ Оружие в цифрах. *Коммерсант*. 2001, 16 июля.

¹⁰ Пядушкин Максим. Мировой рынок легких и стрелковых вооружений. *Экспорт Вооружений*. Легкое и стрелковое оружие. Специальный выпуск, 2001.

¹¹ Черных С.А. Трудная дилемма: содействие экспорту или контроль над экспортом. В кн.: Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России (Материалы международного семинара «Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России», 6–7 декабря 2001 г.). М., 2001. С. 44.

¹² Пядушкин М.А. Легальные и нелегальные поставки ЛСО: способы усиления контроля. В кн.: Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России (Материалы международного семинара «Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России», 6–7 декабря 2001 г.). М., 2001. С. 47.

- ¹³ Российское стрелковое оружие пользуется заслуженным уважением. Интервью А.В. Фомина, начальника Департамента сухопутных вооружений ФГУП «Рособоронэкспорт». *Экспорт Вооружений*. Легкое и стрелковое оружие. Специальный выпуск, 2001.
- ¹⁴ Рейтор К.И. Поддержание безопасности при хранении ЛСО в воинских формированиях РФ. В кн.: Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России (Материалы международного семинара «Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России», 6–7 декабря 2001 г.). М., 2001. С. 69.
- ¹⁵ Голотюк Ю.В. Проблемы контроля над ЛСО на постсоветском пространстве: опыт последнего десятилетия и ближайшая перспектива. В кн.: Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России (Материалы международного семинара «Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России», 6–7 декабря 2001 г.). М., 2001. С. 18–20.
- ¹⁶ Литаврин Петр. Легкое оружие – тяжелые проблемы. *Экспорт Вооружений*. 2001, № 5.
- ¹⁷ Голотюк Ю.В. Проблемы контроля над ЛСО на постсоветском пространстве: опыт последнего десятилетия и ближайшая перспектива. В кн.: Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России (Материалы международного семинара «Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России», 6–7 декабря 2001 г.). М., 2001. С. 18–20.
- ¹⁸ Наумов Игорь. Прощай, оружие. США выделяют на программу утилизации отечественного вооружения и военной техники около 1,2 млрд. долл. *Независимая Газета*. 2005, 29 июля.
- ¹⁹ Федосенко Владимир. Пистолет обрезу не товарищ. Разные ведомства предлагают разные поправки в Закон «Об оружии». *Российская Газета*. 2004, 27 мая.
- ²⁰ Викторов Андрей, Толпегин Михаил. Граждане, сдавайте гранатометы! Мэр Москвы предложил горожанам заработать на сдаче оружия. *Независимая Газета*. 2001, 27 октября.
- ²¹ В Кабардино-Балкарии в мае начинается акция по выкупу оружия у населения. *Интерфакс*. 2004, 12 апреля. <http://www2.interfax.ru/rus/news/south/040412/47373/story.html>
- ²² Хотите продать оружие? *Алтапресс*. <http://www.altapress.ru/2957/>
- ²³ Под Новый год губернатора одолевают пацифистские настроения. За добровольно сданное оружие область готова платить. *Телекомпания Регион-45*. <http://www.region45.ru/news/3902.html>
- ²⁴ <http://www.grandcapital.ru/l/life/?p=184&article=3238>
- ²⁵ Федосенко Владимир. Пистолет обрезу не товарищ. Разные ведомства предлагают разные поправки в Закон «Об оружии». *Российская Газета*. 2004, 27 мая.
- ²⁶ 140 тыс. единиц нелегального оружия находится в розыске в России. *Московский Комсомолец*. 2005, 22 апреля.
- ²⁷ В Кремле обеспокоены проблемой сохранности оружия. *АРМС-ТАСС*. 2004, 29 марта.
- ²⁸ Рейтор К.И. Поддержание безопасности при хранении ЛСО в воинских формированиях РФ. В кн.: Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России (Материалы международного семинара «Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России», 6–7 декабря 2001 г.). М., 2001. С. 69.
- ²⁹ Ларинцева Александра. Милиционеры продали лишнее. Судят торговцев конфискованным оружием. *Коммерсант*. 2001, 14 ноября.
- ³⁰ <http://www.ntvru.com>
- ³¹ В Кремле обеспокоены проблемой сохранности оружия. *АРМС-ТАСС*. 2004, 29 марта.
- ³² Хищение оружия в России. *АРМС-ТАСС*. 2003, 3 сентября.
- ³³ Куликов Анатолий, Гудков Геннадий. Оружие. Иметь или не иметь? *Терроризму Нет*. 2005, 16 декабря.
- ³⁴ Шкляр А.А. Торговля ЛСО и организованная преступность. В кн.: Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России (Материалы международного семинара «Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России», 6–7 декабря 2001 г.). М., 2001. С. 21–22.
- ³⁵ Федосенко Владимир. Пистолет обрезу не товарищ. Разные ведомства предлагают разные поправки в Закон «Об оружии». *Российская Газета*. 2004, 27 мая.

³⁶ <http://www.grandcapital.ru/l/life/?p=184&article=3238>

³⁷ Итоги 2001 г. для ФПС России. <http://www.sniper.ru/news/index.php?news=336>

³⁸ Федосенко Владимир. Пистолет обрезу не товарищ. Разные ведомства предлагают разные поправки в Закон «Об оружии». *Российская Газета*. 2004, 27 мая.

³⁹ Голотюк Юрий. Меняю секреты на финпомощь. *Время Новостей*. 2001, 31 июля.

⁴⁰ Оуэн Грин. Внутренние расследования и международная транспарентность: разработка мер транспарентности в отношении ЛСО. В кн.: Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России (Материалы международного семинара «Контроль над распространением ЛСО: взгляд из России», 6–7 декабря 2001 г.). М., 2001. С. 71.

«Существует так много вещей, которые можно продать иранцам!»

*К.-Э. Шмитц, организатор
«Европейского порохового картеля»*

Выступая на семинаре в Москве в январе 2005 г., руководитель ведущего научно-исследовательского института МИД Ирана заявил, что «Иран всегда приобретал законным путем то, что можно было купить законно. Но в ситуации, когда само существование Ирана было поставлено под угрозу, Иран приобретал что-то и на черном рынке». После такой фразы многоопытного дипломата в зале, где присутствовали в том числе представители МИД РФ, руководства компании *Атомстройэкспорт*, осуществляющей строительство АЭС в Бушере, а также ответственный представитель Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, повисло молчание. Последний, чтобы дать возможность иранскому гостю исправить неловкую ситуацию, переспросил через переводчика – правильно ли он его понял и ничего ли не напутал переводчик. Руководитель научно-исследовательского центра повторил свои слова еще раз.

К тому моменту уже было известно о поставках пакистанских центрифуг в Иран, и большинство экспертов, в том числе наиболее благожелательно относящиеся к праву Ирана на развитие атомной энергетики, сходились к мысли, что это только начало, лишь один элемент нелегальной сети, используемой Ираном для приобретения технологий двойного назначения. Новые данные не заставили себя долго ждать...

У России своя «богатая» история противодействия нелегальным сетям Тегерана, раскинутым на территории страны. В середине 1990-х гг. ФСБ России пришлось приложить немало усилий для того, чтобы выявить и локализовать усилия иранских граждан по нелегальному приобретению технологий и оборудования двойного назначения на отечественных предприятиях. Достаточно вспомнить депортацию из России сотрудника Посольства Ирана, представителя военной делегации Ирана, запрет на деятельность на территории страны иранской промышленной группы «Санам», занимавшейся нелегальным приобретением в стране оборудования и материалов в обход существующих правил в области экспортного контроля.

Очевидно, учитывая рост числа стран-обладателей чувствительных технологий и технологий двойного назначения, несмотря на ужесточение международных и национальных норм экспортного контроля, за последние десять лет возможности нелегального приобретения технологий двойного применения даже увеличились. Имея многочисленную диаспору в большинстве развитых стран мира, включая такие страны, как Канада, США, Великобритания, Германия, Иран располагает дополнительными каналами для получения знаний и экспертизы в интересующих государство областях. Так, только в 2005 г.

выходцы из Ирана, проживающие на территории США, были арестованы за незаконные поставки в Исламскую Республику компьютерного и спутнико-коммуникационного оборудования, экспериментального одномоторного самолета и других изделий¹.

В условиях глобализации полностью перекрыть каналы поставки в отдельные государства, в частности и в Иран, технологий и материалов двойного применения представляется малореализуемым, ключ к решению проблемы кроется в устранении первопричин стремления государства к приобретению подобных технологий незаконным путем, т.е. дело в решении проблемы безопасности государства, в том числе путем предоставления гарантий безопасности основными центрами силы на международной арене. В противном случае источником технологий двойного назначения и вооружений может стать практически любое государство мира, включая имеющие наиболее развитые и эффективные системы экспортного контроля.

В середине 1980-х гг., о которых пойдет ниже речь, Иран имел в Европе разветвленную сеть, в задачу которой входило нелегальное приобретение вооружений – узловые точки сети находились в Гамбурге и Цюрихе, Греции и Турции, Испании и Югославии, а также в Сингапуре и Южной Африке².

ШВЕДСКИЕ СХЕМЫ

В 1980-е гг. для стран ЕЭС не существовало единого свода правил в области экспортного контроля, каждая страна при поставках вооружений руководствовалась национальными руководящими документами. В большинстве европейских стран закон гласил, что запрещается продавать оружие и какую-либо военную технику странам, втянутым в войну или находящимся в зоне конфликта. На практике оказалось, что обойти запреты на экспорт оружия в страну, участвующую в конфликте, очень легко. Европейцы использовали различные схемы поставок военных материалов. В ходе ирано-иракской войны Иран получал поддержку в виде поставок вооружений практически от всей Европы. Шведские зенитно-ракетные комплексы и французское оружие, бельгийские детонаторы и английские запчасти для танков, швейцарские «Гражданские» самолеты – это лишь неполный список поставок в Иран в годы «Войны в Заливе».

Примечательно, что «лидерами» здесь оказались шведы, активно выступавшие посредниками в урегулировании военного конфликта в заливе. Достаточно сказать, что в перерыве между премьерствами в период с 1980 по 1982 г. У. Пальме являлся специальным представителем ООН по урегулированию ирано-иракского конфликта. Также нельзя забывать, что, хотя эмбарго ООН на поставки вооружений в зону конфликта и не было, в многочисленных резолюциях Совет Безопасности ООН призывал «все другие страны проявлять максимальную сдержанность и воздерживаться от любого действия, которое может привести к дальнейшей эскалации и расширению конфликта»³.

Работа шведскими «контрабандистами» велась по трем основным направлениям: поставки зенитно-ракетных комплексов, пороха для 105- и 155-мм снарядов и патрульных кораблей для морских сил Корпуса стражей исламской революции.

Для «легализации» экспорта вооружений из Швеции был использован широкий арсенал приемов: от ложного описания продукции и поддельного сертификата конечного пользователя до использования третьих стран для последующего реэкспорта и создания сложных многонациональных схем в целях скрыть истинного получателя вооружений.

***Bofors Limited*: поставки зенитно-ракетных комплексов**

Схему продажи вооружений через третьи страны М. Ардбо, возглавлявший ведущего изготовителя вооружений в Швеции *Bofors Limited*, открыл для себя в 1978 г. Дело в том, что хотя Швеция и имеет репутацию страны с очень жесткими законами об экспорте оружия, на самом деле на тот момент компаниям военно-промышленного комплекса страны позволялось подписывать контракты с предприятиями и правительствами

SCANDINAVIAN COMMODITY: ПРОИЗВОДСТВО ПОРОХА

Другая небольшая шведская фирма *Scandinavian Commodity*, базирующаяся в г. Мальме и возглавляемая К.-Э. Шмитцем, осуществила 42 поставки вооружений в Иран в период с 1981 по 1985 г., творчески подходя к выбору маршрутов его транспортировки. Посредническая работа *Scandinavian Commodity* заключалась в получении иранских контрактов, а затем в поиске их исполнителей на всех стадиях: от производства до транспортировки – в Швеции или других странах мира. Комиссионные *Scandinavian Commodity* составляли от 5 до 10% от стоимости каждого из контрактов⁹. Стоимость пакета заказов, имевшихся у компании, составлял порядка 600 млн долл.¹⁰.

У Шмитца так же, как и у *Bofors Limited*, были крепкие давние связи с Ираном. Он вел бизнес с этой страной уже более 20 лет, когда в 1983 г. к нему за помощью обратилось Министерство обороны Ирана. Основным бизнесом Шмитца были поставки пороха в Иран для 105- и 155-мм снарядов, производство которых осуществлялось на заводе компании *IMIS* в Ростоке (Восточная Германия)¹¹.

Шмитц использовал несколько схем поставок оружия в Исламскую Республику. Так, например, шведская компания *Nobel Chemie*¹² грузила порох в порту Варберг (по некоторым данным, отгрузка также велась из порта Треллеборг, Швеция) на немецкое судно «Фрауке», зафрахтованное датской компанией, которое по пути заходило в западногерманский порт Норденхам и бельгийский Зебрюгге для дозагрузки порохом. Для того, чтобы датская компания избежала досмотра судна египетскими властями при пересечении Суэцкого канала, Шмитц сделал фальшивый сертификат конечного получателя, согласно которому груз следовал в Кению¹³. По другому каналу Шмитца порох из Швеции, Голландии и Германии «продавался» в Югославию, а оттуда – реэкспортировался в Иран.

На начальном этапе еще одним каналом *Scandinavian Commodity* было сотрудничество с ЮАР. Компании ЮАР даже поставили *Scandinavian Commodity* боеприпасы в объеме, эквивалентом 3,7 тыс. т пороха¹⁴, отгрузка производилась из южноафриканского порта Дурбан. Но в июне 1984 г. ЮАР прекратила всякое сотрудничество с шведской фирмой. Национальная компания ЮАР *Armaments Corporation* подписала с Ираком контракт (по разным данным, на сумму от 400 до 520 млн долл.^{15,16}), в котором оговаривалось, что ЮАР должна незамедлительно прекратить поставки боеприпасов Ирану.

Факт потери контакта с ЮАР не заставил *Scandinavian Commodity* прекратить экспорт оружия в Иран. Шмитц обратился к *Европейской Ассоциации по исследованию проблем безопасности в производстве пороха и других взрывчатых веществ (ЕАССАП)*. Ассоциация была основана в 1975 г. и должна была содействовать, прежде всего, обмену информацией по проблемам безопасности и международным правилам в области производства взрывчатых веществ. Когда разразилась война в Персидском заливе, ЕАССАП оказалась прекрасным прикрытием для «порохового картеля», занимавшегося продажей боеприпасов Ирану и Ираку. В числе 13 компаний, сформировавших главное ядро этого картеля, фигурировали крупнейшие европейские фирмы–производители взрывчатки: *Nobel Chemie* (Швеция), *Poudrierie de Belgique* (Бельгия), французская *Société Nationale de Poudrierie et D'Explosive (SNPE)*, *Muiden Chemie* из Голландии, *Forcit* и *Kemira* из Финляндии, *Rio Tinto* и *Snia BPD* представляли Италию, *Vinnis* – Швейцарию и *Vass A.G.* – ФРГ.

Представители картеля понимали, что в одиночку ни одно из предприятий не способно выполнять огромные по объему заказы Ирана так, чтобы резкое увеличение производства не привлекло к ним внимание национальных контролирующих органов. Поэтому поставки распределялись между предприятиями картеля. По мнению некоторых западных военных наблюдателей, в самые жаркие месяцы военных действий между Ираком и Ираном каждая из сторон выпускала из всех своих орудий примерно по полмиллиона артиллерийских снарядов, что в десять раз превышает годовое потребление боеприпасов крупнейшими европейскими армиями¹⁷. Значительная часть этих боеприпасов поставлялась компаниями, входящими в ЕАССАП.

Иранская флотилия по достоинству оценила первые поставки шведских кораблей в 1985 г. и заказала еще 32 корабля. Таким образом, к 1987 г. было поставлено 50 кораблей²².

«Гражданские» шведские корабли, развивающие скорость до 45–50 узлов, были оснащены 12,7 мм автоматическими орудиями и впоследствии использовались во время «танкерной войны», а также в атаках на другие враждебные суда, находящиеся в заливе. Так, 6 мая 1987 г. «шведские» корабли были использованы при атаке на советское грузовое судно около Ормузского пролива. По иронии судьбы в июне того же года они были использованы при атаке на два скандинавских танкера (более точная принадлежность неизвестна) недалеко от берегов Кувейта²³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История неоднократно подтверждала тезис о высокой живучести нелегальных сетей, которые если и обнаруживаются, то, главным образом, по воле одного из активных участников или потребителей продуктов их деятельности. Достаточно вспомнить недавний пример сети А.К. Хана, ставшей достоянием гласности только благодаря желанию ливийского лидера полковника Кадаффи «замириться» с Западом.

Во многом случайно стала известна международному сообществу и шведским властям и деятельность международной сети по поставке пороха в Иран. Существование сети было выявлено в мае 1984 г., когда один из недовольных сотрудников предприятия *Nobel Chemie* решил передать конфиденциальные документы в Шведский комитет мира и арбитража, после чего в ноябре 1984 г. сотрудники шведской таможни нагрянули в главную контору *Nobel Chemie*, где обнаружили многолетнюю корреспонденцию компании, посвященную иранским поставкам. Примерно в то же время профсоюз датских моряков сделал достоянием гласности факт перевозки шведских вооружений в Иран датскими компаниями, предоставив соответствующие документы.

В декабре 1986 г. «пороховой» картель вновь обнаружил себя, когда в порту Треллеборг шведские таможенники перехватили предназначенный для отправки в Иран груз в 26 т пороха изготовленного на заводах *Nobel Chemie*.

«Австрийский путь» легализации поставок шведского пороха в Иран был вскрыт, когда в один прекрасный день немецкие таможенники заподозрили неладное, заметив, что вагоны, которые они декларировали и выпустили через таможню утром, после обеда вернулись назад, но уже имели новое место назначения и двигались в обратном направлении.

Отдельным вопросом является роль государства при осуществлении масштабных нелегальных поставок вооружений или технологий двойного назначения в страны, вызывающие озабоченность или находящиеся в состоянии войны.

Нельзя исключать, что отдельные руководители Швеции были в курсе «дел» шведских производителей вооружений, однако закрывали на это глаза, так как в противном случае государству требовалось либо увеличивать объемы закупок вооружений для собственной армии, чтобы занять предприятия ВПК, либо конвертировать производство, в дальнейшем рискуя стать зависимым от поставок вооружений из других стран. На начало 1980-х гг. более 50% производимых вооружений в Швеции поставлялись за рубеж.

В Швеции расследование незаконных поставок предприятиями страны оружия в Иран проходило почти незаметно, пока не произошла серия «внезапных смертей» высокопоставленных чиновников, которые были непосредственно связаны с контролем экспорта оружия – 15 января 1987 г. «поскользнулся» на платформе и упал на рельсы под проезжавший поезд начальник Инспекции по контролю над экспортом вооружений К.-Э. Альгершон. Некоторые находили «иранский» след в убийстве бывшего премьер-министра Швеции У. Пальме 28 февраля 1986 г.

Но основным уроком данной истории, на взгляд авторов, должен стать вывод о том, что ни одна страна мира не в силах на 100% быть уверенной в неуязвимости своих границ с

точки зрения «утечки» чувствительных технологий – с совершенствованием контроля над подобными технологиями изоэренней становятся и методы, используемые нелегальными сетями. Это диктует необходимость более эффективного взаимодействия специальных служб по обмену информацией, что содействовало бы выявлению и локализации нелегальных сетей. Под особое внимание должны быть поставлены экспортные сделки компаний ВПК из стран, которые сокращают закупку вооружений для национальных вооруженных сил.

ПРИЛОЖЕНИЯ

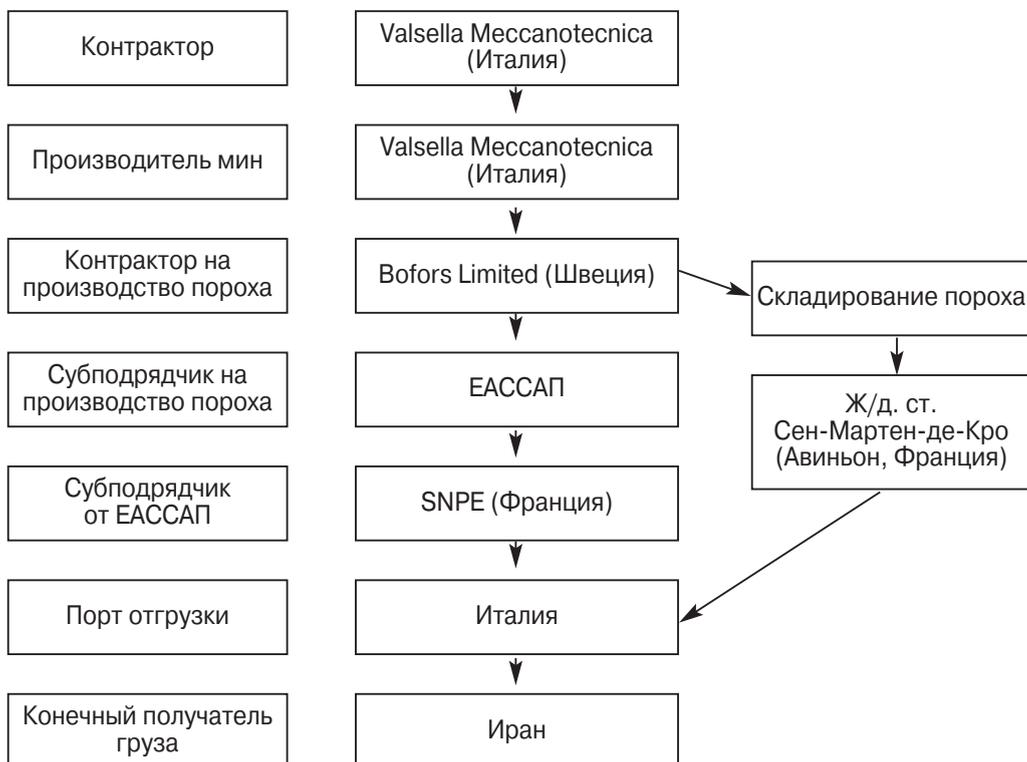
Схема 1

Схема поставок вооружений в Иран через страну-посредник

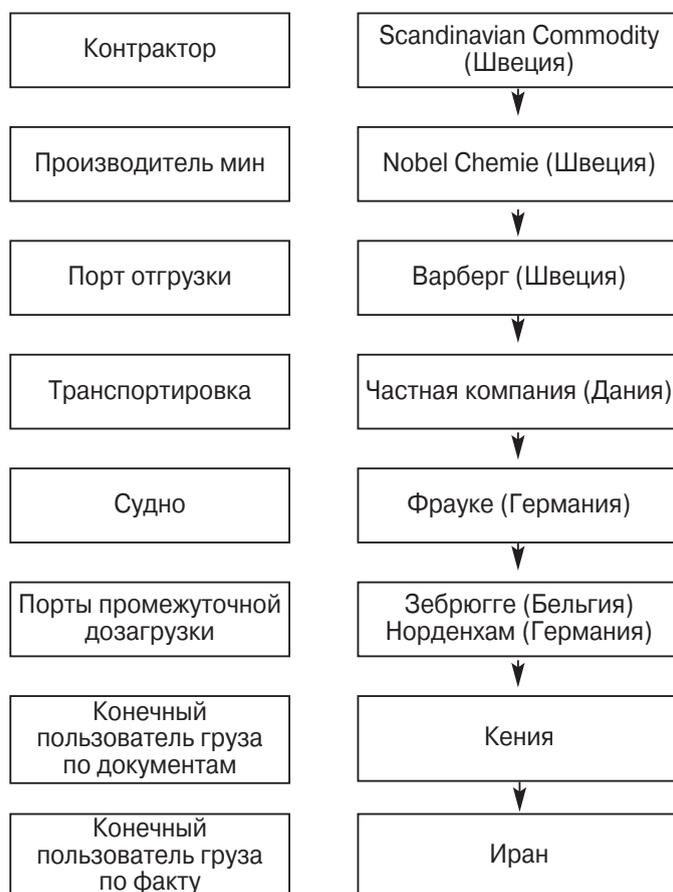

Схема 2

Схема поставок вооружений в Иран *Valsella Meccanotecnica*

И
С
Т
О
Р
И
И
Ц
Ы
Н
А
Р
А
С
Т

Схема поставок вооружений в Иран *Scandinavian Commodity*

Примечания

¹ Подробнее см.: Ракетно-ядерные амбиции Ирана и национальные интересы России. Под ред. А.В. Хлопкова. М., ПИР-Центр, 2006. (Находится в печати).

² Johns Richard. Arms Embargo Which Cannot Withstand the Profit Motive. *Financial Times*. 1987, November 13.

³ Резолюции Совета Безопасности ООН № 514, 522 (1982), 540 (1983), 588 (1986), 598 (1987), 612, 619 (1988).

⁴ Вестник ПВО. <http://pvo.guns.ru/other/sweden/rbs70/>

⁵ Timmerman Kenneth. Fanning the Flames: Guns, Greed & Geopolitics in the Gulf War. http://www.iran.org/tib/krt/fanning_ch7.htm

⁶ Другой функцией сингапурских компаний было представление шведских вооружений на международных выставках в тех странах, где шведское законодательство не позволяло этого сделать самостоятельно.

⁷ Типовой курс подготовки оператора для работы с ЗПК *RBS-70* с помощью тренажера занимает 15–20 часов, распределенных в течение 10–13 дней.

⁸ International Business Ethics: Sweden. <http://www.pitt.edu/~ethics/Sweden/case.html>

⁹ Timmerman Kenneth. Op. cit.

¹⁰ ТАСС. 1987, 27 июля.

¹¹ Ibid.

¹² Примечательно, что в 1984 г. путем слияния *Nobel Chemie* и *Bofors Limited* была создана компания *Nobel Industries*.

¹³ Позднее при обыске в офисе *Scandinavian Commodity* были обнаружены чистые бланки документов, необходимых для оформления поставок вооружений, подписанные официальными лицами Кении, ушедшими в отставку. ИТАР-ТАСС. 1987, 30 марта.

¹⁴ ТАСС. 1987, 26 июля.

¹⁵ Timmerman Kenneth. Op. cit.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ ТАСС. 1987, 26 июля.

¹⁸ Инспекция являлась единственным государственным органом, осуществлявшим контроль над экспортом шведских вооружений. На момент описываемых событий Инспекция состояла из четырех сотрудников и была прикреплена к Министерству иностранных дел. ТАСС. 1987, 21 марта.

¹⁹ ТАСС. 1987, 16 августа.

²⁰ Не случайно летом 1987 г. французы и итальянцы предложили совместно с другими европейскими странами командировать отряд ВМС для разминирования залива. ИТАР-ТАСС. 1987, 17 августа.

²¹ Там же.

²² Timmerman Kenneth. Op. cit.

²³ Ibid.

РЕСУРСНЫЙ ЦЕНТР ПО ВОПРОСАМ КОНТРОЛЯ НАД РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЛЕГКОГО И СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ (ЛСО)

ПОДРОБНЕЕ?

СМОТРИТЕ НА САЙТЕ ПИР-ЦЕНТРА

Созданный в рамках совместного проекта ПИР-Центра и международной неправительственной организации *Saferworld*, **Ресурсный Центр по проблеме легкого и стрелкового оружия** вошел в фазу интенсивного роста.

Уже на сегодняшний день, можно с уверенностью говорить о том, что **Ресурсный Центр** представляет собой уникальный для России источник информации по вопросам контроля над распространением ЛСО.

Воспользоваться подборкой последних новостей, российских законодательных актов и международных договоров и конвенций; терминологическим англо-русским словарем; эксклюзивными аналитическими материалами Вы сможете, обратившись к сайту ПИР-Центра.

<http://www.pircenter.org/rus/lso/index.html>

Важная составляющая материалов **Ресурсного Центра** – электронный бюллетень *Eastern Europe Security Bulletin*, выпускаемый каждые два месяца. Тематика издания сконцентрирована вокруг вопросов экспортного контроля, международных и национальных инициатив в области легкого и стрелкового оружия, соответствующих заявлений правительственных и неправительственных экспертов, последних событий в сфере оборонной промышленности и торговли оружием.

Eastern Europe Security Bulletin Вы можете найти в одноименном разделе Ресурсного Центра или получить по бесплатной подписке, направив запрос по электронной почте: laguta@pircenter.org

Впрочем, рамки совместного проекта ПИР-Центра и *Saferworld* не ограничиваются только информационной деятельностью. Обо всех событиях, – тренингах, лекционных курсах и круглых столах, – Вы можете узнать в разделе «Хроника проекта»

За более подробной информацией о совместном проекте ПИР-Центра и *Saferworld* просим обращаться к координатору Программы по обычным вооружениям Анастасии **Лагута**
по тел.: +7-495-234-0525 или электронной почте laguta@pircenter.org

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: НЕОБХОДИМА ЛИКВИДАЦИЯ
РАЗРЫВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Технологический прогресс и современные международные отношения: Учебное пособие для вузов. Под ред. А.В. Крутских. М: Просвещение, 2004. 448 с.

Рецензия – Александр Савельев

Выход в свет новых учебников и учебных пособий, которые направлены на расширение знаний современной молодежи в области международных отношений и их взаимосвязи с научно-техническим прогрессом, является знаменательным событием. Сегодня, как никогда ранее, вопросы роли и места новых технологий и их влияние на всю систему международных отношений, включая проблему безопасности, приобрели крайне высокую актуальность. Совершенно очевидно, что растущее поколение политиков, государственных служащих всех уровней, а также ученых просто обязано обладать всем набором знаний, отражающих кардинальные изменения в «технологическом окружении» мира во всем его многообразии.

Не стоит, видимо, говорить о том, что образование входит в число важнейших приоритетов государственной политики большинства стран. Россия в этом плане не является исключением. Более того, учитывая председательство РФ в «Большой восьмерке» и ту роль, которая отводится образовательным программам в деятельности этой организации, шансы нашей страны на дальнейшее закрепление своего места в числе наиболее развитых мировых индустриальных держав значительно повышаются.

Естественно, что без создания новых учебников и пособий какие-либо образовательные программы, даже получающие поддержку со стороны высшего руководства, обречены на неуспех. Именно с создания базовых учебных материалов начинается весь процесс, имеющий конечной целью подготовку высокопрофессиональных специалистов в любой сфере деятельности. И если эта сфера является совершенно новой или недостаточно изученной, то и соответствующие учебные материалы также должны базироваться на новейших сведениях и результатах научных исследований в интересующих общество областях. Несомненно, что тема рецензируемых работ входит в число наиболее приоритетных как с точки зрения ее актуальности, так и практической значимости.

Прежде чем перейти к непосредственной оценке указанного учебного пособия, хотелось бы отметить одно обстоятельство. Вызывает удивление тот факт, что данная работа является чуть ли не первым в рассматриваемой области учебником, допущенным и рекомендованным для студентов высших учебных заведений и аспирантов, изучающих проблемы международной политики, безопасности и нераспространения. Налицо явный пробел в образовательных программах высших учебных заведений страны, который необходимо срочно ликвидировать. Россия уже вступила в век высоких технологий и информационного общества, и кадры, которые готовят наши высшие учебные заведения, должны полностью соответствовать требованиям и вызовам нового века. При этом крайне важным является получение знаний в области политических аспектов проблемы нераспространения и разоружения для технических специалистов, особенно тех, которые имеют непосредственное отношение к ядерной проблематике. Для специалистов же в сфере международных отношений сегодня просто необходимо иметь хотя бы общие представления о технических аспектах проблемы. Как представляется, рецензи-

руемая работа как раз и направлена на ликвидацию существующего разрыва знаний, которые получают молодые специалисты, чья работа в той или иной мере будет связана с вопросами международной безопасности.

Второе пособие – «Технологический прогресс и международные отношения» – пример достаточно успешного «вторжения» представителей гуманитарных наук (из семнадцати авторов только два имеют ученые степени в технических науках) в технологическую сферу.

Авторы совершенно справедливо говорят о том, что в современных условиях наука, высокие технологии, информатизация и телекоммуникация приобретают характер самостоятельной составляющей международной политики и даже становятся одним из приоритетных ее направлений. Естественно, что без наличия соответствующих знаний в названных сферах деятельности достаточно сложно проводить эффективную политику, направленную на продвижение интересов страны на мировой арене.

В работе достаточно сбалансированно удалось показать новизну проблем, связанных с развитием новейших технологий, прежде всего информационных. Эти проблемы рассмотрены как с точки зрения необходимости учета и использования «информационного фактора» в проводимой государством политике, так и с точки зрения тех новых вызовов и угроз, которые эти технологии могут представлять (и уже представляют) для национальной и международной безопасности. На этой проблеме хотелось бы остановиться более подробно.

В учебном пособии совершенно обоснованно, на наш взгляд, говорится о настоящей потребности включения в международную разоруженческую повестку дня вопросов контроля в сфере информационно-коммуникационных технологий. Речь при этом должна идти не только о борьбе с «киберпреступностью» и международным терроризмом, но и о создании гарантий против использования информационного оружия и ведения информационных войн на уровне государств и правительств.

Задача эта является исключительно сложной. Ведь на сегодня не существует даже четкого и общепринятого понятия о том, что же можно отнести к категории такого оружия. Во всех имеющихся определениях информационное оружие включает в себя и понятие «информация», которая может быть использована для целенаправленного воздействия на информационное пространство противника. Сами информационные войны могут проходить (и возможно, уже проходят) не только без применения традиционных средств, но и «незаметно» для жертвы такой агрессии. В этой связи авторы говорят о том, что такая жертва может даже не осознавать, что она находится под информационным воздействием.

Разрабатываемая в США теория стратегической информационной войны второго поколения предполагает, что в перспективе развитие средств и методов ведения такой войны может привести к полному отказу от использования военной силы для достижения победы над противником. И если для информационной войны первого поколения характерны сочетание информационных и огневых средств поражения, т.е. во многих случаях информационные средства используются для повышения эффективности традиционных вооружений, то в стратегической информационной войне второго поколения информационное оружие может являться единственным средством достижения победы.

Разумеется, в решении проблемы информационной безопасности не следует «перегибать палку» и списывать свои собственные ошибки и слабости на информационное воздействие извне. Но, как правильно отмечено в работе, в этих вопросах нельзя допускать опасную беспечность и терпимость. В указанной связи авторы подробно анализируют инициативы России и других стран в сфере решения проблемы информационной безопасности.

Еще одним крупным сегментом, рассмотренным в учебном пособии, является комплекс проблем, связанных с космической деятельностью государств. Этим вопросам посвящены пять из четырнадцати глав работы. В них дается подробная информация о космической деятельности государств в контексте многосторонней дипломатии, включая роль ООН в регулировании деятельности государств в этой сфере. Здесь авторы достаточно

убедительно показывают необходимость принятия универсальной Конвенции по космическому праву. Кроме того, в учебном пособии нашли отражение вопросы двухстороннего сотрудничества России в космосе, коммерческие аспекты космической деятельности, взаимосвязи космической навигации и геополитики.

Важное место в тематике космоса отведено проблеме сохранения космоса мирным в контексте технологической революции. В этой главе подняты вопросы противоракетной обороны, противоспутникового оружия, рассмотрены международные соглашения, ограничивающие и запрещающие определенные виды деятельности в космосе и на Луне.

Не обойдена вниманием авторов и «традиционная» ядерная тематика. Здесь особый акцент сделан на проблему нераспространения ядерного оружия, а также на деятельность в ядерной сфере таких государств, как Ирак, КНДР, Иран и Ливия. Также рассмотрены различные аспекты двустороннего и многостороннего сотрудничества России в мирном использовании атомной энергии.

В последних разделах учебного пособия нашли свое освещение проблемы охраны интеллектуальной собственности и защиты технологий, международного сотрудничества в области образования, борьбы с терроризмом в контексте новых технологий, а также международного партнерства в ликвидации сокращаемых военных arsenалов и укреплении режима нераспространения оружия массового уничтожения.

В целом, по охвату тем и глубине их проработки, учебное пособие представляет собой серьезное и полезное издание, способствующее значительному расширению кругозора студентов гуманитарных и технических вузов и их детальному ознакомлению с современными тенденциями мирового развития.

В качестве недостатков, вернее, пожеланий в адрес учебного пособия можно высказать следующее. Ставя во главу угла российскую политику и российские инициативы в рассматриваемой сфере международных отношений (что вполне объяснимо и, по сути, верно), авторы не всегда приводят аргументацию наших партнеров и оппонентов, которые выступали и выступают против тех или иных предложений, выдвигаемых Россией на многосторонних и двухсторонних международных форумах. Например, в главе, посвященной проблеме сохранения космоса мирным, после подробного рассмотрения советских инициатив по противоспутниковому оружию указано, что США «не ответили взаимностью» на эти предложения. Думается, что для современных студентов было бы весьма интересно и полезно знать, чем американцы мотивировали свой отказ в этом и ряде других случаев.

В этой же главе авторы дают несколько упрощенную трактовку Договора по ПРО, заявляя, что данный документ устанавливал запрет на системы и компоненты ПРО космического базирования. Следовало бы, на наш взгляд, уточнить, что безусловный запрет на такие системы относился только к «традиционным» компонентам ПРО – РЛС ПРО, перехватчикам ПРО и их пусковым установкам. Что же касается «экзотических» вооружений (лазерного, пучкового оружия, электромагнитных ускорителей массы и других), вопрос не был столь однозначным. И тот факт, что в нью-йоркских договоренностях президентов США и России от 26 сентября 1997 г. определенное понимание в отношении таких систем и компонентов было достигнуто, не меняет сути вопроса, поскольку США, в отличие от России, эти протоколы так и не ратифицировали. Впрочем, для детального рассмотрения всех аспектов Договора по ПРО и советско-американских переговоров по обороне и космосу (1985–1991 гг.) потребовалось бы несколько новых глав учебного пособия. Для решения этой проблемы, как представляется, можно было бы значительно расширить список рекомендованной литературы, который, кстати, нуждается и в некотором обновлении.

В заключение еще раз отметим актуальность и важность появления в арсенале преподавателей высших учебных заведений страны учебных пособий «Технический прогресс и современные международные отношения». Думается, что выход в свет этой книги положит начало созданию новой научно-методической базы, крайне важной и необходимой для подготовки в России высококвалифицированных кадров, шагающих в ногу с современным научно-техническим прогрессом.

ПИР-Центр политических исследований в России
выпустил в свет

DVD-ДИСК

«ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО СТРАН «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ» ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ И МАТЕРИАЛОВ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ».

*По материалам одноименной Конференции, проведенной
23–24 апреля 2004 г.*

Конференция «Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения», **организованная ПИР-Центром и Советом по устойчивому партнерству для России (СУПР)**, собрала для обсуждения актуальных вопросов Глобального партнерства более **260 крупнейших специалистов из 21 страны мира**. В ходе двух дней участники обсудили основные аспекты программы, включая *химическое разоружение, утилизацию атомных подводных лодок, физическую защиту, учет и контроль ядерных материалов, биологическую безопасность, обучение и переподготовку специалистов-оружейников*.

Участники конференции не только обсуждали существующие проблемы, но и активно выработывали пути их решения: всего **было сделано более 60 докладов**. Среди докладчиков были *Чрезвычайные и Полномочные Послы, руководители крупнейших транснациональных компаний и предприятий, высокопоставленные правительственные эксперты, авторитетные генералы и крупнейшие российские и зарубежные ученые*, не понаслышке знающие проблематику Глобального партнерства.

В этой связи материалы конференции и плоды звучавших на ней дискуссий представляют несомненный интерес для всех, кто интересуется вопросами международного содействия России в области нераспространения и разоружения. Прекрасно осознавая этот факт, ПИР-Центр при поддержке Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США) и фонда «Инициатива по снижению ядерной угрозы» выпустил DVD-диск по материалам Международной конференции «Глобальное Партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения».

Диск содержит исчерпывающую информацию об этом представительном международном форуме, включая:

- Программу конференции;
- Видеоматериалы конференции;
- Аудиозаписи докладов;
- Тексты выступлений;
- Презентации докладов;
- Информацию о спонсорах конференции;
- Информацию об организаторах конференции.

За более подробной информацией по вопросам приобретения диска следует обращаться в компанию *Триалог* – официальному партнеру ПИР-Центра – по телефону +7-495-764-9896, факсу +7-495-234-9558 или электронной почте *info@trialogue.ru*

DETLEV WOLTER. COMMON SECURITY IN OUTER SPACE AND INTERNATIONAL LAW. United Nations Institute for Disarmament Research. United Nations, 2006. 295 pp.

Вопросы безопасности космического пространства уже долгое время стоят на повестке дня международных переговоров по контролю над вооружениями и разоружению. Сегодня, на фоне научно-технического развития и появления новых стратегий ведения военных действий, вопрос о недопустимости размещения систем вооружений в космосе приобретает особую актуальность.

В монографии «Всеобщая безопасность в космическом пространстве и международное право» немецкий дипломат, глава Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН Детлев Волтер рассматривает историю и современное состояние вопроса о (де)милитаризации космоса и предлагает ряд мер, которые мировое сообщество должно предпринять для обеспечения принципа мирного использования космического пространства.

В книге представлен обширный фактический материал по вопросам проведения международных переговоров об использовании космического пространства: начиная от процесса выработки *Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства 1967 г.* и заканчивая анализом современного состояния переговоров на Конференции по разоружению в Женеве. Проводится также обзор деятельности и планов ведущих государств по освоению космического пространства, в том числе и в военных целях.

Основная часть работы посвящена определению мер, направленных на предотвращение возможной гонки вооружений в космическом пространстве. Автор рассматривает концепцию *всеобщей безопасности* (common security), а также принцип *общего наследия человечества* в качестве базовых элементов будущей системы безопасности в космосе. Основу системы, по мысли автора, должен составить Договор о всеобщей безопасности в космическом пространстве, в котором будет содержаться не только запрет на размещение активных систем вооружений в космосе, но также механизм верификации, меры укрепления доверия и механизмы обеспечения безопасности гражданских объектов в космосе. Для контроля и верификации исполнения договора предлагается создать специальную международную организацию. Учитывая тупиковую ситуацию, сложившуюся на переговорах Конференции по разоружению, автор предполагает, что для заключения соответствующего договора необходимо создание отдельного международного форума под эгидой ООН.

Предложенные в книге механизмы основываются на анализе большого объема исследовательских работ и предложений по обеспечению безопасности космического пространства. Значительный библиографический аппарат, представленный в монографии, будет особенно интересен всем, кто детально занимается вопросами безопасности в космическом пространстве.

Надежда Логутова

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ. Сборник статей (выпуск двадцать шестой). Отв. ред. А.О. Филоник. М., 2005. 314 с.

Сборник освещает широкий круг актуальных вопросов страноведческого и общего порядка, имеющих как научное, так и практическое значение.

Рассматриваются, в частности, турецко-американские отношения после иракского кризиса 2003 г.; последствия роста энергетических рисков в России; позиция Турции по вопросам ближневосточного урегулирования; парламентские выборы в Афганистане; проблема разделенного Кипра – центральный вопрос, вставший на переговорах Турции по вступлению в ЕС.

Ответ Анкары – «прямое или не прямое признание Кипра исключается» – давно известен. В экономическом аспекте положение Кипра, «ключа» ко всему Восточному Средиземноморью, позволяет Турции контролировать подходы к средиземноморским портам страны – Искендеруну, куда перекачивается иракская нефть, Мерсину и Джейхану, предполагаемому конечному пункту транспортировки каспийской нефти из Баку. Что же касается политического аспекта проблемы, то, по мнению турецких лидеров, любая уступка в ходе урегулирования кипрской проблемы подорвет репутацию страны в глазах всего остального мусульманского мира. В итоге, несмотря на все усилия мирового сообщества, на данный момент между турецкой и греческой частями Кипра по-прежнему проходит демаркационная линия. А это означает, что в составе Евросоюза присутствует государство, имеющее территориальные проблемы, что противоречит Копенгагенским критериям членства в данной организации.

В сборнике освещаются этапы становления и взаимоотношения наиболее влиятельных курдских партий – тема тем более интересная, если учитывать трагическую судьбу Курдистана – территории, поделенной между Турцией, Ираном, Ираком, Сирией, лишенной возможности развития единой культуры, открытой межгосударственным, межконфессиональным и межэтническим конфликтам.

Инициатива США по созданию «Большого Ближнего Востока» также нашла отражение в книге. Столкновение абстрактной идеи демократии с ее конкретным региональным воплощением рассматривается на примере иранской фазы американского похода за «мир во всем мире». Что скрывается за красивыми лозунгами Вашингтона? Не приведут ли действия американских «миротворцев» к «балканизации» всего региона? Следуя основному принципу Римского права – «ищи, кому выгодно», автор пытается ответить на эти и другие вопросы.

Отдельного упоминания в свете недавнего скандала в связи с карикатурами на пророка Магомета, опубликованными в датской газете, заслуживает статья «Ислам в Великобритании». К чему приводит политика «двойных стандартов», где находится грань между толерантностью и вседозволенностью, возможна ли интеграция мусульман в западное общество на западных условиях или прием иммигрантов в европейские страны станет «суицидом Запада» – вопросы, которые уже давно перестали быть просто теоретическими.

«Ближний Восток и современность» – редкий случай действительно хорошей аналитики. Книга адресована в первую очередь специалистам-востоковедам, но заинтересует каждого, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Анастасия Лагута

ОСНОВЫ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЛАБОРАТОРИЯХ. Издание 3-е. Перевод с английского А.А. Филиппова. М., 2004. 107 с.

Публикация подготовлена Министерством здравоохранения Канады и является третьим изданием справочника.

Руководство «Основы биологической безопасности в лабораториях» первоначально было подготовлено для того, чтобы снабдить лаборатории, работающие с патогенными микроорганизмами (в государственных, промышленных, научных и медицинских орга-

низациях) неким документом, который послужил бы основой для разработки ими внутренних принципов и программ биологической безопасности. Руководство также является техническим документом, предоставляющим информацию и рекомендации по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию защищенных объектов.

Структурно справочник «Основы биологической безопасности в лабораториях» состоит из введения и девяти глав по следующим аспектам: биологическая безопасность; обращение с инфекционными материалами; проектирование лабораторий и физические требования к ним; ввод в эксплуатацию, аттестация и повторная аттестация лабораторий третьего и четвертого уровня защиты; масштабное культивирование микроорганизмов; рекомендации по отдельным видам работ (лабораторные животные, рекомбинантная ДНК и генетические манипуляции, культуры клеток); обеззараживание; боксы биологической безопасности; правовые аспекты работы с инфекционными материалами.

Третье издание «Основ» было обновлено с учетом современных принципов и правил биологической защиты (2-е издание было опубликовано в 1996 г.). Документ готовился для использования на практике, т.е. он не только включает в себя современные технологии и постоянно меняющиеся подходы к обеспечению биологической безопасности, но и предлагает ряд простых и разумных решений. На настоящий момент руководство «Основы биологической безопасности в лабораториях» стало обязательным для использования во многих канадских лабораториях, работающих с патогенами. Представляется, что данная публикация может быть использована в качестве справочного материала и теми, кто занимается вопросами биологической безопасности в России.

Даниил Кобяков

Вышла в свет монография ПИР-Центра

РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Режим ядерного нераспространения в том виде, как он сложился к настоящему времени, существует уже более тридцати лет. На протяжении всего периода своего существования Договор о нераспространении ядерного оружия и основанный на нем режим подвергались критическим замечаниям со стороны многих государств, особенно неядерных, а также со стороны некоторых представителей академической науки и общественности.

Последнее десятилетие в этом отношении было особенно конфронтационным из-за известных событий в Ираке, КНДР, Иране, ядерных испытаний в Индии и Пакистане, чрезвычайно сложно проходившей Конференции участников Договора 1995 г., на которой решался вопрос о продлении срока действия Договора. Раздавались даже голоса, особенно после индийских и пакистанских ядерных испытаний 1998 г., что Договор отжил свой век и что распространение ядерного оружия пойдет теперь бесконтрольно.

Оценка Договора и того, что было с его помощью достигнуто за прошедшие десятилетия, требует обстоятельного объективного анализа. Только такой анализ может позволить выявить те значительные ресурсы, которые, как мы убеждены, все еще имеются для повышения эффективности ДНЯО и созданных на его основе механизмов.

В монографии рассматривается эволюция режима нераспространения с момента появления идеи о его создании до настоящего времени.

Автор монографии – ведущий российский эксперт в области нераспространения ядерного оружия и один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия, Чрезвычайный и Полномочный Посол Р.М. **Тимербаев**. В настоящее время Р.М. Тимербаев является председателем Совета ПИР-Центра.

По вопросам приобретения монографии следует обращаться в компанию

*East View по тел.: +7-495-777-6557, факсу: +7-495-318-0881,
электронной почте: agadjanian@mosinfo.ru, <http://www.eastview.com>*

E D I T O R I A L

- 9 **Russia's G8 Chairmanship and New Rules for Nuclear Power** – The general discussions are over, and Russia has begun concrete preparations for the St. Petersburg G8 summit. Whatever foreign and home-grown critics have said about the summit agenda Russia has proposed, it was accepted by the other summit participants.

Russia's summit agenda is especially relevant: for perhaps for first time since 1973, the energy market is being completely restructured and new rules of the game are being devised, particularly where nuclear power is concerned. These new rules have several features. First, a new relationship between the role of petroleum products and the peaceful atom is being established. Second, new approaches toward the goals and challenges of nuclear nonproliferation are coming into being, needed due to the crisis that is facing traditional means for balancing the interests of the states parties to the relevant international treaties. Third, there is a practical need for new approaches in the commercial sphere, particularly where nuclear power is concerned, so that all of the countries following the rules of the game will be guaranteed equal access to the advantages of advanced technologies.

The choice of energy security as one of the central topics at the G8 summit has already led to some very promising and significant proposals for overcoming global difficulties in providing for energy security, and thereby revitalizing international relations.

In addition to Russia's own proposals, others have advanced important ideas, another indication of the relevance of Moscow's G8 summit agenda. The United States has proposed a serious international initiative to contribute to the spread of nuclear energy throughout the world via the concentration of the full nuclear fuel cycle in a limited number of countries (the so-called Global Nuclear Energy Partnership Consortium). In addition to this U.S. initiative, there have also been interesting proposals put forward by the Italians and the Canadians.

Moreover, the validity of the Russian agenda for the St. Petersburg G8 meeting is not limited to questions of energy security. The topics traditionally discussed at such high-level meetings are also being considered here: countering international terrorism, including nuclear terrorism, and preventing the spread of weapons of mass destruction. The Russian State Duma's recent adoption of a new law on combating terrorism and the creation of clear lines of responsibility for this issue among Russian state bodies for the first time is a concrete domestic political result of Russia's current G8 chairmanship. Specialists in the sphere of nonproliferation are already expecting a lot from the tack Russia's experts take during discussions of the G8 statement on WMD nonproliferation. It is no secret that since the failure of the 6th NPT Review Conference in New York in May 2005, productive and nondiscriminatory international cooperation on nonproliferation requires a fresh, uniting stimulus, and Russia is just the country to propose new ideas.

Thus, in many respects Russia's G8 chairmanship allows us to formulate clearly our approaches to key international problems and explain them to our partners, establish-

ing a number of priorities for Russian foreign policy in later years. One of these will clearly be the development of international cooperation in the field of nuclear power.

I N T E R V I E W

- 13 **Nikolai Spassky: “Long-lasting, Profound Changes In the Global Balance of Power Are the Most Serious Challenge To National Security Today”** – In an interview with correspondent Ekaterina Rykovanova, Deputy Secretary of the Russian Federation National Security Council Nikolai Spassky shares his view of possible global political developments in the next decade and speaks about Russian foreign policy priorities, paying particular attention to Russia’s complex relationship with the European Union. In Ambassador Spassky’s opinion, Russia’s E.U. policy is at a crossroads—there are various paths for its future development, but the final choice of which path to take has not yet been made.
- 21 **Viktor Zavarzin: “Russia’s Military Presence in Central Asia Will Help Maintain Regional Stability”** – At present, the Central Asian region is one of the most problematic in the post-Soviet space. There continue to be challenges to the governments of the Central Asian states from local Islamic circles. There is a threat of the growth of the forces of international terrorism and drug trafficking that is emanating from the territory of the region’s southern neighbors. In an interview with correspondent Sergei Mursankov, Chairman of the Russian State Duma Defense Committee Viktor Zavarzin voices the opinion that “Russia’s military presence in the region and its growth, particularly within the framework of the Collective Security Treaty Organization (CSTO), would contribute to stability in Central Asia.”

A N A L Y S I S

- 29 **The Evolution of Arms Control: Current Tendencies – Roland Timerbaev** – Arms control has never been, and by nature can never be, a fixed concept. Its nature and subject matter are constantly evolving to conform to the changing political and strategic situation, as former great powers disappear and new ones arise. However, we currently see a delay in the process of forming a new arms control regime through new collective action both at the bilateral and multilateral level. The PIR Center’s Executive Board Chairman, examining current trends in the area of arms control, comes to the conclusion that Russian foreign policy, given its growing capabilities, could take more initiative in searching for ways to maintain and develop the international arms control regime.
- 45 **Some Thoughts on the Evolution of U.S. Approaches to Regional Security Issues in Central Asia – Gennady Yevstafiev** – Several countries, the United States in particular, have yet to develop a uniform understanding of Central Asia’s borders. Therefore many new geographic concepts are emerging, such as that of *Greater Central Asia* and the *Transcaspiian region*, that are underpinned by various ideas about the development of a security system for the region. In his analysis of U.S. initiatives in the region, PIR Center’s Senior Advisor asks whether American and Western European strategists shouldn’t enter into cooperation with regional organizations that already exist, such as the SCO and CSTO, instead of making plans for the creation of parallel security arrangements in Central Asia?
- 59 **The Prospects for a Central Asian Nuclear Weapon Free Zone Treaty – Nuria Kutnaeva** – For ten years Central Asian leaders have stood on the lofty rostrum of the U.N. General Assembly and declared their determination to create a nuclear weapon free zone (NWFZ). However, despite the support of all of the states in the region for the initiative and the existence of an agreed text, the treaty on the creation of the zone has yet to be signed. What is behind the initiative taken by the states of the region, what are the specifics of the Central Asian NWFZ, what is preventing the practical realization of this initiative, and, most importantly, what are the prospects for a treaty on the creation of a NWFZ in this region – these and other questions are answered by the expert from the Kyrgyzstan Ministry of Foreign Affairs Diplomatic Academy.
- 75 **Russia and Pakistan Have Common Interests – Andrei Alekseev** – In an examination of our relations with Islamabad in the areas of commercial trade and military tech-

nology that takes into account Russian companies' uncertain prospects on the Indian market, the Russian expert on security in South Asia concludes that Russian-Pakistani cooperation in these spheres needs to be restored. In his opinion, the development of practical contacts between Russia and Pakistan in the areas of military technology and commercial trade, as well as under certain conditions in the nuclear sphere, can play an important role in diminishing anti-Russian feelings inside Pakistan while it is not likely to spoil relations with Delhi.

- 87 **The Prospects for the Realization of Multilateral Approaches to the Nuclear Fuel Cycle – Nadezhda Logutova** – To what extent can the multilateral approaches to the nuclear fuel cycle that are being considered as a promising way to control the spread of sensitive nuclear technologies be realized? The PIR Center Information Program Director analyzes and evaluates the practical possibilities for realizing various multilateral proposals in the nuclear sphere, paying particular attention to issues related to the establishment of an international nuclear fuel bank and the possibilities for creating a multilateral consortium in the area of enrichment. On the basis of this analysis she makes practical recommendations with regards to the positions the Russian Federation may take on this and other multilateral proposals in the nuclear sphere, with a view to promoting nonproliferation.

V I E W P O I N T

- 105 **Is There a Threat of WMD Terrorism Emanating from the North Caucasus? – Elena Arbekova and Andrei Frolov** – In recent years it has been difficult to get rid of the feeling that the developed countries are trying to “convince” their populations that terrorist acts involving WMD are inevitable. This assertion is valid in Russia too – just look at the recent statements of high-ranking officials from the Russian Security Council, FSB, or Ministry of Foreign Affairs. How real is the threat of WMD terrorism emanating from the North Caucasus, the most “problematic” territory in the Russian Federation, and what are the authorities doing to reduce the likelihood of such an act of super-terrorism in Russia? The authors, independent Russian experts on security issues, offer their answers to these and other questions related to the threat of WMD terrorism.

- 117 **Taiwan’s Special Status in the Nonproliferation Regime: An Example of a “Gray Zone”?** – **Sergei Ponomarev** – The current transformation of the global security system has given rise to more and more so-called “gray zones,” that is, quasi-state entities clamoring for independence, sovereignty, and de jure international recognition. Thus it is natural to seek existing models for “involving” such hazardous “gray zones” in the international system. The Novosibirsk State University expert discusses the question of whether Taiwan, which is a member in one form or another of several international organizations and regimes, including APEC, the WTO, and the IAEA, can be viewed as a “model” of this sort of “involvement.”

C O M M E N T A R Y

- 125 **Russia and Energy Flows on the Eurasian Continent – Azer Mursaliev** – It would seem that such disparate events as the failure of the most recent OSCE Foreign Ministers’ meeting, Russia’s delivery of the *TOR* anti-aircraft missile system to Iran, and the rapid growth of gold prices on the global market are unrelated. However, they are all the result of the struggle for control over energy flows on the Eurasian continent, of which the Islamic Republic of Iran is a key component. In the opinion of the well-known Russian energy security expert, the critical developments in this struggle will take place within the U.S.-SCO-Iran triangle, with Iran holding the critical cards that will determine who wins in this contest.

S U R V E Y

- 129 **Technical Aspects of the North Korean Nuclear Program – Yuri Yudin** – In the absence of information sources inside North Korea, intelligence services evaluating the country’s capacity to create nuclear weapons must basically depend on national tech-

nical means of reconnaissance and on information obtained from deserters. However, such technical reconnaissance measures require the correct interpretation, and cannot always provide a full picture of the situation. Deserters frequently distort information, either on purpose or involuntarily. While intelligence evaluations themselves often change over the course of time or depending on the country that is making them. The Director of the Analytical Center for Nonproliferation, analyzing of open-source information, provides his quantitative evaluation of North Korea's capabilities vis-a-vis the construction of nuclear weapons.

143 **The Soviet-Origin Research Reactor Fuel Return Program: Time To “Gather Stones” – Daniil Kobyakov and Sergei Panov** – Russia and the United States are making joint efforts to reduce the global stockpiles of nuclear materials suitable for the production of nuclear weapons. For instance, the program for the removal of highly enriched uranium (HEU) from research reactors built by the Soviet Union has already resulted in the repatriation to Russia of over 120 kg of HEU from seven countries. This amount, according to experts, is enough to create as many as 10 nuclear charges. The authors, Coordinator of the PIR Center's Program on the Global Partnership and a Moscow Engineering Physics Institute expert, examine the future steps countries will take under the program, and analyze the problems that Russia and the United States are facing in its realization.

157 **Russia and the Uncontrolled Spread of Small Arms and Light Weapons – Vadim Kozyulin and Anastasia Laguta** – According to official data, in mid-2005 there were 140,000 illegal weapons being sought by Russian authorities; in total, estimates of illegal weapons in circulation run 2-3 times this number. In addition, in 2003 there were also about 20,000 tear gas pistols converted for use in firearms. What are the “origins” of Russia's illegal weapons? What measures is the government taking to prevent these weapons from being transferred from Russian hot spots and Russian Ministry of Defense depots to Russian cities? What steps are being taken to reduce the number of small arms in illegal circulation? These and other questions are raised in this article by its authors, the Director and Coordinator of the PIR Center Program on Conventional Arms.

H I S T O R I C A L P A G E S

169 **The “Illegal Networks” of Tehran: Historical Lessons – Anton Khlopkov and Ekaterina Soroka** – Swedish anti-aircraft missile complexes, French weaponry, Belgian detonators, spare parts for tanks from England, and “civilian” aircraft from Switzerland are only some of the arms deliveries Iran received from European countries during the Iran-Iraq war, in contravention of national legislation in the companies' home countries. The PIR Center Deputy Director and a PIR Center Intern recall the events of the mid-1980s and scrutinize the many “schemes” for the supply of military equipment from Sweden, which involved companies and individuals from Belgium, Denmark, France, Germany, Italy, and Kenya.

L I B R A R Y

179 **Security Policy, International Relations, and Modern Technologies: There is a Need to Bridge the Gap in the Area of Education – Alexander Saveliev**

183 **New Books – Anastasia Laguta, Daniil Kobyakov, and Nadezhda Logutova** – An overview of the most interesting new books obtained by the PIR Center library.

S U M M A R Y

A B O U T T H E A U T H O R S

P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

P I R C E N T E R P R O J E C T S

Алексеев Андрей Александрович – эксперт по проблемам безопасности в Южной Азии.

Арбекова Елена Васильевна – независимый эксперт. В 2003 г. с отличием окончила факультет журналистики Российского университета дружбы народов (РУДН); в 2005 г. – российско-французскую магистратуру МГИМО МИД РФ. В сентябре–декабре 2004 г. – стажер ПИР-Центра. Адрес электронной почты: ellear@yandex.ru

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1938 г. Работал в системе МИД СССР, неоднократно выезжал в заграничные командировки, в 1981–1985 гг. занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН. В 1986–1991 гг. входил в состав руководства советской делегации на переговорах по ДОВСЕ в Вене. В течение длительного времени работал в системе СВР РФ, являлся начальником управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада СВР «Распространение ОМУ – новый вызов после холодной войны». С 2000 по 2003 г. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Имеет ряд публикаций, посвященных проблемам международной безопасности и нераспространения, включая: «Нераспространение ОМУ: проблемы и риски» (*Ядерный Контроль*, 2004, весна), «Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности» (*Ядерный Контроль*, 2005, лето). Соавтор монографии «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития» (ПИР-Центр, 2005). Адрес электронной почты: evstafiev@pircenter.org

Заварзин Виктор Михайлович – Председатель Комитета по обороне Государственной Думы ФС РФ, генерал-полковник. Родился в 1948 г. Выпускник Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ (1992 г.), Военной академии им. М.В. Фрунзе (1981 г.), Орджоникидзевское высшее общевойсковое командное училище (1970 г.). Служил на Дальнем Востоке. С 1987 г. – командир гвардейской учебной мотострелковой дивизии, начальник окружного учебного центра в Прикарпатском военном округе. С 1993 г. – начальник штаба, первый заместитель командующего отдельной армией (Туркмения). В 1993–1994 гг. – командующий объединенным российско-туркменским командованием Вооруженных сил Туркмении. В 1996–1997 гг. – командующий коллективными миротворческими силами СНГ в Таджикистане. С 1997 г. – первый заместитель начальника штаба по координации военного сотрудничества стран СНГ. С октября 1997 г. – военный представитель России в НАТО. В июне 1999 г. лично возглавил марш-бросок российских десантников из Боснии в Косово.

Кобяков Даниил Олегович – научный сотрудник ПИР-Центра, координатор проекта «Глобальное партнерство». В 2003–2004 гг. и с февраля 2006 г. по настоящее время – научный сотрудник ПИР-Центра, координатор проектов «Глобальное партнерство» (в 2004 г. – также координатор проекта «Серые зоны распространения»). Родился в 1978 г. В 1999 г. с от-

лично окончил факультет международных отношений СПбГУ, в 2002 г. – магистратуру Монтерейского института международных исследований. В январе–сентябре 2002 г. – стажер секретариата Конференции по разоружению в Женеве. В июне 2003 г. с отличием окончил магистратуру МГИМО. Область научных интересов – вопросы международной безопасности, в том числе нераспространения ОМУ, разоружения и международных переговоров. Соредактор-составитель справочника «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» на русском (2005 г.) и английском (2006 г.) языках. Адрес электронной почты: kobyakov@pircenter.org

Козюлин Вадим Борисович – директор Программы по обычным вооружениям ПИР-Центра. Научный сотрудник ПИР-Центра с 1994 г., кандидат политических наук, профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД СССР. Работал в МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские Новости*, был представителем РГП «Казспецэкспорт» в России. Сотрудничает с компаниями-спецэкспортерами стран СНГ и дальнего зарубежья. Защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Совершенствование политических механизмов влияния военно-технического сотрудничества на региональную стабильность в Центрально-Азиатском регионе». Сфера научных интересов – военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами. Автор и соавтор ряда публикаций, среди которых: «Сирийское ракетное устрешение – последний парад наступает?» *Ядерный Контроль*, №1, 2001; «Глобальное партнерство на Дальнем Востоке: программа завершена не начавшись?» *Вопросы Безопасности*, № 4, июнь 2005. Адрес электронной почты: kozyulin@pircenter.org

Кутнаева Нурия – эксперт-аналитик исследовательского центра «Политика, религия, безопасность» (с июля 2005 г. по настоящее время), преподаватель Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики (с сентября 2005 г. по настоящее время). Родилась в 1977 г. В 2005 г. закончила магистратуру Академии ОБСЕ в Бишкеке. В 2003–2004 гг. обучалась в аспирантуре Людвиг-Максимилианс университета, Мюнхен, Германия; в 2000–2003 гг. – слушатель магистратуры Айхштэттско-Ингольштадтского университета, Айхштэтт, Германия. Выпускница Кыргызско-Российского университета (1999 г.). Автор и соавтор ряда публикаций, среди которых: «Внешние факторы мартовской революции – миф или реальность?» в сб.: Кемелбаев Н.К., Молдалиев О.А., Дооронбекова А.О., Кутнаева Н.А. и др. «Мартовская революция в Кыргызстане: шаг вперед или...» Бишкек, 2005; «Внешняя политика Кыргызской Республики 1991–2005 гг.». Исследование для Центра исследований ОБСЕ (CORE), Гамбург, Германия; март 2005 г. Адрес электронной почты: nuria_k@mail.ru

Лагута Анастасия Михайловна – координатор Программы по обычным вооружениям, младший научный сотрудник ПИР-Центра. Родилась в 1982 г. С отличием окончила Факультет социологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тема дипломной работы «Проблемы социокультурной адаптации вынужденных мигрантов на примере России». В 2004–2005 гг. – автор публикаций в газете *Московская Правда*. Аспирантка факультета социологии МГУ им. М. В. Ломоносова по направлению «Этносоциология». Тема кандидатской диссертации – «Социокультурная адаптация в иноэтничной среде на примере российского общества». Автор ряда публикаций, включая «Россия: новые миграционные тренды и реакция общества»; «Историческая память как фактор этнокультурной идентичности». Сфера научных интересов – этнополитические конфликты, проблемы международной безопасности. Адрес электронной почты: laguta@pircenter.org

Логотова Надежда Борисовна – директор информационных проектов, научный сотрудник ПИР-Центра. Выпускница Томского государственного университета (отделение международных отношений). В 2001–2003 гг. проходила обучение в Монтерейском институте международных исследований (Монтерей, США), где получила степень магистра международных политических исследований. В 2003–2004 гг. – сотрудник Отдела анализа информации Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). В июне–сентябре 2005 г. – стажер ПИР-Центра. Имеет опыт преподавания в ведущих российских вузах, включая Московский инженерно-физический институт, Томский политехнический университет, Северская государственная технологическая академия. Сфера

научных интересов – режимы нераспространения ОМУ, международная безопасность. Адрес электронной почты: logutova@pircenter.org

Мурсалиев Азер Ариф-Оглы – заместитель главного редактора газеты *Коммерсант*. Родился в 1957 г. В 1980 г. закончил Ленинградский госуниверситет, факультет журналистики. Работал в различных газетах, в том числе *Комсомольской Правде* (собственный корреспондент, корреспондент отдела политики, обозреватель) и *Московских Новостей* (редактор отдела). С 1996 г. – в Издательском доме *Коммерсант* (обозреватель, заведующий отделом внешней политики). Член совета директоров ЗАО «Коммерсант. Издательский Дом». Член редакционной коллегии журнала *Ядерный Контроль*.

Панов Сергей Анатольевич – с февраля по сентябрь 2005 г. стажер ПИР-Центра. Студент магистратуры МИФИ по специальности «Учет, контроль и физическая защита ядерных материалов». С 2003 г. по настоящий момент – студент Экономико-аналитического института МИФИ. Адрес электронной почты: academic777@gmail.com

Понамарев Сергей Владимирович – с сентября по декабрь 2005 г. стажер ПИР-Центра. Студент 5-го курса гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета по специальности историк-востоковед, отделение китайского языка (специализация – политология, международные отношения). Тема дипломной работы – «Военно-политический аспект современных китайско-американских отношений как фактор развития системы безопасности в АТР». Сфера научных интересов: военные аспекты китайско-американских отношений, военно-техническое сотрудничество, система безопасности АТР, конфликтные зоны АТР. Автор научных работ: «Переориентация военно-стратегической доктрины КНР», «Основные факторы усиления геополитического влияния КНР в АТР» и др. Адрес электронной почты: svp@gorodok.net

Савельев Александр Георгиевич – заведующий отделом стратегических исследований Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, профессор Факультета мировой политики Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова. Родился в 1950 г. В 1971 г. окончил Московский институт народного хозяйства. В 1982 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата экономических наук, в 2001 г. – доктора политических наук. С 1973 г. работает в ИМЭМО РАН. В 1989–1991 гг. в качестве представителя Академии Наук СССР принимал участие в советско-американских переговорах СНВ-1 (группа по обороне и космосу) в должности советника делегации СССР. Автор более 70 научных работ, включая книгу «Большая Пятёрка. Механизм выработки решений по контролю над вооружениями в СССР» (в соавторстве с Н.Н. Дединым, США, 1995 г.) и монографию «Политические и военно-стратегические аспекты Договоров СНВ-1 и СНВ-2». (ИМЭМО РАН, 2000 г.). Является признанным специалистом в области российско-американских стратегических отношений, контроля над вооружениями, ядерных доктрин и стратегий, принятия решений в сфере безопасности. Сфера научных интересов – проблемы военной экономики, международной безопасности и контроля над вооружениями. Адрес электронной почты: saveliev@imemo.ru

Сорока Екатерина Евгеньевна – координатор по связям с общественностью ПИР-Центра – пресс-секретарь директора, студентка российско-французской магистратуры МГИМО МИД РФ. Тема дипломной работы – «Иранский вызов режимам нераспространения ОМУ». Выпускница факультета французского языка Нижегородского лингвистического университета. Сфера научных интересов – международная безопасность, этно-политические конфликты, режимы нераспространения ОМУ. Адрес электронной почты: soroka@pircenter.org

Спасский Николай Николаевич – заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации. Родился в 1961 г. В 1983 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. В системе МИД с 1983 г. Работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате Министерства. В 1992–1994 гг. – заместитель, первый заместитель директора, с февраля 1994 г. – директор Департамента Северной Америки. С декабря 1995 г. – член Коллегии МИД России. В 1998–2004 гг. посол Российской Федерации в Итальянской Республике и Республике Сан-Марино по совместительству. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 1-го класса. Доктор политических наук, кандидат исторических наук.

Тимербаев Роланд Михайлович – председатель Совета ПИР-Центра, Чрезвычайный и Полномочный Посол. В 1949 г. окончил МГИМО МИД СССР. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль над ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 г. работал в МИД СССР/России. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России в международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: ПИР-Центр, 2000. Автор двух глав учебника «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: ПИР-Центр, 2000 и 2002; монографий «Международный контроль над атомной энергией». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2003, № 22; «Режим нераспространения на современном этапе и его перспективы». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2004, № 25. Адрес электронной почты: timerbaev@pircenter.org

Фролов Андрей Львович – независимый эксперт, выпускающий редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль: Информация*. С отличием окончил факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. В 2003 г. – выпускник российско-французской магистратуры МГИМО МИД РФ. С сентября 2002 г. по январь 2003 г. проходил стажировку в ПИР-Центре. В 2003–2004 гг. – научный сотрудник ПИР-Центра, выпускающий редактор журнала *Ядерный Контроль*, редактор электронных изданий ПИР-Центра *Ядерный Контроль: Информация* и *Вопросы Безопасности*. В 2004 г. – координатор проекта «Трансформация системы экспортного контроля в России в 1999–2003 гг.». Автор и соавтор статей «Путь Индии к обладанию атомным подводным флотом» (*Ядерный Контроль*, 2003, лето); «Программа создания АПЛ в Бразилии: сквозь тернии к глубинам» (*Ядерный Контроль*, 2005, лето). Сфера научных интересов – российский атомный подводный флот, перспективные вооружения российской и зарубежных армий. Адрес электронной почты: andrew_han@mail.ru

Хлопков Антон Викторович – заместитель директора ПИР-Центра, член редколлегии журнала *Ядерный Контроль*, член Международного Института стратегических исследований (Лондон, Великобритания). Родился в 1978 г. Выпускник Московского инженерно-физического института (МИФИ). В 2001–2002 гг. – член рабочей группы по нераспространению и экспортному контролю Консорциума «Партнерство во имя мира». Сфера научных интересов – региональные аспекты нераспространения ядерного оружия. Соавтор монографий «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия» на русском (2000 г.) и английском (2001 г.) языках; «Сотрудничество во имя глобальной безопасности» (2002 г.), автор монографии «Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях» (2001 г.), соредaktor-составитель справочника «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» на русском (2005 г.) и английском (2006 г.) языках. Имеет опыт преподавания в ведущих российских вузах, включая МГИМО МИД РФ, МИФИ, Дальневосточный государственный технический университет, Томский политехнический университет, Красноярский государственный университет, Уральский государственный университет и Нижегородский государственный университет. Адрес электронной почты: khlopkov@pircenter.org

Юдин Юрий Александрович – директор Аналитического центра по проблемам нераспространения. Родился в 1964 г. В 1988 г. окончил Московский инженерно-физический институт по специальности теоретическая физика. С 1988 г. – сотрудник Российского федерального ядерного центра – ВНИИЭФ. Лауреат премии Правительства Российской Федерации (1999 г.). Сфера научных интересов – ядерное нераспространение, проблемы стратегической стабильности, контроль ядерных вооружений. Соавтор и редактор ряда книг по истории ядерного оружейного комплекса СССР, в том числе книг «Ядерные испытания СССР», тома 3 и 4, «Укрощение ядра», «Ядерный центр России – Саров». Адрес электронной почты: npc@sarov.ru

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 27 марта 2006 г.)

Антипов Сергей Викторович, к.ф.-м.н., заместитель руководителя, Федеральное агентство по атомной энергии, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружению, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корресподент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, Кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Волландер Селест, д.п.н., директор, Программа новых подходов к российской безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Володин Юрий Георгиевич, старший специалист, Департамент ядерной безопасности, МАГАТЭ, Вена, Австрия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, директор, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Данапала Джаянта, генеральный секретарь по координации мирного процесса, Администрация Президента, Коломбо, Шри-Ланка

Джонсон Ребекка, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., директор, Департамент по связям с общественностью, ОАО *Техснабэкспорт*, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериязданович, к.ф.-м.н., советник, Посольство Республики Казахстан в Исламской Республике Иран, Тегеран, Иран

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), первый вице-президент, Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Зведре Евгений Константинович, советник, Посольство РФ в США, Вашингтон, США

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., проф., заместитель начальника инспекции, Счетная Палата РФ, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., заведующая центром, Центр Североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, к.т.н., проф., генерал-майор (в отставке), заместитель директора по научным вопросам, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская Академия Наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник, Группа *Глобал Консалтинг*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, Правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посольство РФ в Новой Зеландии, Веллингтон, Новая Зеландия

Льюис Патриция, д-р, директор, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Маргелов Михаил Витальевич, председатель комитета, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Мисюченко Владимир Федорович, к.ф.н., заместитель главного редактора, *Национальный Банковский Журнал*, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., руководитель центра, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтовский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., старший научный сотрудник, Институт Хадсона, Вашингтон, США

Подвиг Павел Леонардович, к.п.н., научный сотрудник, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Поттер Уильям, д-р, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник, Посольство РФ в США, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом, Отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт изучения Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., советник, Постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сириционе Джозеф, директор, Программа *Проблемы нераспространения оружия массового уничтожения*, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Комитет Совета Безопасности ООН, учрежденный Резолюцией 1540, Нью-Йорк, США

Смит Харольд, д-р, проф., Голдменский институт общественной политики, Калифорнийский университет, Беркли, США

Соков Николай Николаевич, д.и.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., руководитель группы, Группа по нетрадиционным угрозам безопасности, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, д.п.н., проф., первый проректор, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы ВВС, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, директор по правовым и корпоративным вопросам, *Microsoft Russia/CIS*, Москва, Россия

Научно-исследовательские

Новые направления Глобального партнерства	Координатор проекта Д.О. Кобяков: <i>kobyakov@pircenter.org</i>
Международная конференция «Глобальная безопасность и «восьмерка»: вызовы и интересы. На пути к Санкт-Петербургскому саммиту»	Директор Конференции А.В. Хлопков: <i>khlopkov@pircenter.org</i>
Всероссийский социологический опрос «Россияне об ОМУ»	Директор проекта А.В. Хлопков: <i>khlopkov@pircenter.org</i>
Россия, Иран и нераспространение ОМУ	Директор проекта А.В. Хлопков: <i>khlopkov@pircenter.org</i>
Урегулирование кризиса на Корейском полуострове: международные усилия	Директор ПИР-Центра В.А. Орлов: <i>orlov@pircenter.org</i>
Индекс международной безопасности	Координатор проекта Н.Б. Логутова: <i>logutova@pircenter.org</i>
Контроль над распространением ЛСО	Директор проекта В.Б. Козюлин: <i>kozyulin@pircenter.org</i>
Вызовы безопасности в регионе Центральной Азии и Каспия	Директор проекта Г.М. Евстафьев: <i>evstafiev@pircenter.org</i>
Международное сотрудничество в области биобезопасности	Координатор проекта С.Г. Мурсанков: <i>mursankov@pircenter.org</i>
Заседания Клуба <i>Триалог</i>	Координатор проекта Н.В. Медведева: <i>medvedeva@pircenter.org</i>
Клуб «Триалог Плюс»	Директор проекта В.А. Орлов: <i>orlov@pircenter.org</i>
Заседания Экспертно-консультативного совета	Помощник директора ПИР-Центра Н.В. Медведева: <i>medvedeva@pircenter.org</i>
Научные среды	Директор информационных проектов ПИР-Центра Н.Б. Логутова: <i>logutova@pircenter.org</i>

Образовательные

Программа стажировок в ПИР-Центре	Координатор образовательных проектов Е.А. Вотановская: <i>votанovskaya@pircenter.org</i>
Летняя школа для молодых специалистов в области нераспространения	Координатор образовательных проектов Е.А. Вотановская: <i>votанovskaya@pircenter.org</i>
Программа выездных лекционных курсов	Координатор образовательных проектов Е.А. Вотановская: <i>votанovskaya@pircenter.org</i>

Лекционный курс в Московском инженерно-физическом институте	Координатор образовательных проектов Е.А. Вотановская: vatanovskaya@pircenter.org
Цикл лекций в российских региональных ВУЗах по проблемам ЛСО	Координатор проекта А.М. Лагута: laguta@pircenter.org
Программа дистанционного обучения в области нераспространения ОМУ	Координатор образовательных проектов Е.А. Вотановская: vatanovskaya@pircenter.org

Информационные и издательские

Издание многотомной иллюстрированной энциклопедии по вопросам нераспространения	Заместитель директора ПИР-Центра А.В. Хлопков: khlopkov@pircenter.org
Издание журнала <i>Ядерный Контроль/ Индекс Безопасности</i>	Главный редактор журнала В.А. Орлов: orlov@pircenter.org
Издание журнала <i>Yaderny Kontrol/Security Index – Russia</i>	Главный редактор журнала В.А. Орлов: orlov@pircenter.org
<i>Вестник Глобального партнерства</i>	Координатору проекта Глобальное партнерство Д.О. Кобяков: kobyakov@pircenter.org
Ежегодный бюллетень о деятельности Центра ПИР-Центра	Редактор бюллетеня А.В. Хлопков: khlopkov@pircenter.org
Сайт ПИР-Центра	Директор информационных проектов ПИР-Центра Н.Б. Логутова: logutova@pircenter.org
Интернет-форум по проблемам международной безопасности	Директор информационных проектов ПИР-Центра Н.Б. Логутова: logutova@pircenter.org
<i>Ядерный Контроль: Информация</i>	Выпускающий редактор бюллетеня А.Л. Фролов: frolov@pircenter.org
<i>Вопросы Безопасности (Arms Control & Security Letters)</i>	Директор информационных проектов ПИР-Центра Н.Б. Логутова: logutova@pircenter.org
<i>Горячие Новости ПИР-Центра</i>	Директор информационных проектов ПИР-Центра Н.Б. Логутова: logutova@pircenter.org
<i>Библиотека</i>	Координатор образовательных проектов Е.А. Вотановская: vatanovskaya@pircenter.org
База данных <i>Персоналия</i>	Координатор образовательных проектов Е.А. Вотановская: vatanovskaya@pircenter.org

Б
Г
К
Е
О
Р
С
А
З
П

Уважаемые читатели журнала *Ядерный Контроль!*

Представляем вашему вниманию «младшего брата» журнала – электронный бюллетень *Ядерный Контроль: Информация*. Бюллетень существует уже несколько лет и за это время успел стать признанным информационным ресурсом в российском и международном сообществе экспертов не только в области нераспространения, но и безопасности в целом. *Ядерный Контроль: Информация* является важным дополнением к *Ядерному Контролю*, позволяя оперативно отражать важные события в России и за рубежом.

Бюллетень *Ядерный Контроль: Информация* является не только «зеркалом» мира нераспространения и безопасности, но также и новостной «трибуной» ПИР-Центра. Хотя основой бюллетеня являются материалы российских СМИ, в бюллетене часто публикуется эксклюзивная информация, авторами которой являются в том числе и читатели *Ядерного Контроля*.

Несмотря на кажущуюся «узость» охвата информации, вытекающей из названия, бюллетень в реальности представляет широкий спектр тем: **Ракетное и ядерное досье**, различные аспекты, связанные с **Химическим и биологическим оружием** и **Обычными вооружениями**, на его электронных страницах свое **Мнение** по поводу основных международных событий высказывают ведущие российские политики и эксперты.

В качестве примера богатого информационного «меню» бюллетеня упомянем только традиционные для него сюжеты: различные аспекты программы Глобального партнерства, проблемы терроризма с использованием оружия массового уничтожения, новости из области экспортного контроля, мирной ядерной энергетики, военно-технического сотрудничества России с зарубежными странами. Кроме них в рубриках бюллетеня можно найти материалы, посвященные Вооруженным силам России и дискуссиям об их реформировании и путях развития, столкновение точек зрения по актуальным вопросам безопасности России (расширение НАТО на постсоветское пространство, реформы ООН, ОБСЕ и других международных организаций).

Уникальным разделом бюллетеня является **Календарь** – фактически ежедневная хронология основных событий в России и за рубежом в области нераспространения и безопасности, которая является результатом ежедневного мониторинга ведущих российских и зарубежных СМИ сотрудниками ПИР-Центра.

*Бюллетень выходит еженедельно по четвергам.
Вы можете бесплатно подписаться на издание на сайте ПИР-Центра
по адресу <http://www.pircenter.org/russian/subscription/e-subscription.htm>*